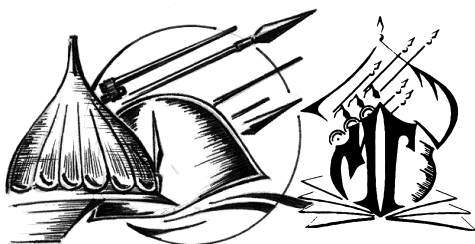

Россия, Русь! Храни себя, храни!

4
2025

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Кирилл ЧАСОВСКИХ. Химера украинства	3
Валентин КАТАСОНОВ. Новый Израиль и еврейский дух ...	66
Ростислав ИЩЕНКО. Этнические маргиналы хуже нацистов	137
Олег КАССИН. «Ошибка» или предательство?	147

ПРОЗА

Юрий ВИСЬКИН. Плюс-минус надежда. Повесть	13
Сергей БОГАЧЁВ. Два рассказа	78
Андрей МАРКИЯНОВ. Предначертание. Рассказ	108
Андрей ПУЧКОВ. Последний полёт Феникса. Рассказ ...	158
Виолетта БАША. Медаль Александра III. Рассказ	170

ПОЭЗИЯ

Валерий ХАТЮШИН. Доля земная. Стихи	55
Георгий КОЛЬЦОВ. В избе родимой. Стихи	126
Александр ЛИСНЯК. За всё долготерпенье... Стихи	132
Татьяна ГРИБАНОВА. ...И за тебя молюсь. Стихи	179
Нина ВОЛЧЕНКОВА. Под солнцем спелым. Стихи	184

РУССКИЙ ВОПРОС

Юрий БОЙКОВ. **Право на существование** 189

РУССКИЙ МИР

Роман ИЛЮЩЕНКО. **Донбасс своими глазами** 205

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Валерий ГАБРУСЕНКО. **«Дружба народов»:
Россия и Кавказ** 211

СИМВОЛ ВЕРЫ

Олег ПЛАТОНОВ. **Великая миссия Русского мира** 232

ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ

Валентин КАТАСОНОВ. **Царь иудейский?** 247

Максим ВОРОБЬЁВ. **Будет ли антихрист гением?** 251

Павел ДМИТРИЕВ. **Трамп: смена курса как прикрытие** 257

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Ростислав ИЩЕНКО. **Что делать с Украиной?** 262

Игорь РОМАНОВ. **Новый Трамп и новая эпоха** 267

Николай БОНДАРЕНКО. **Вот такие «наши» кадры** 271

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. **Протуберанцы.**

Размышления и воспоминания. Продолжение 274

ИСКУССТВО

Лина МКРТЧЯН. **Между небом и землёй.**

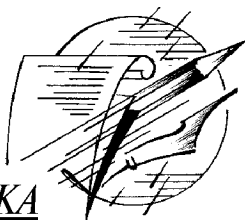
Песня о Полине Агуреевой 281

ХИМЕРА УКРАИНСТВА

По теории пассионарности Льва Николаевича Гумилева, русский суперэтнос возник в середине XIII века на землях Северо-Восточной Руси. Термин «суперэтнос» не означает, что он состоял из суперменов. Это просто термин, обозначающий этнос, усложненный входящими в него этносами и субэтносами.

Предшествующий ему, более ранний, древнерусский суперэтнос к этому времени находился в процессе распада и фактически был уничтожен вторжением тюрко-монголов. Некоторое время два суперэтноса — древнерусский и русский — сосуществовали. Первый продолжал распадаться и терял сопротивляемость. Второй находился в начале нового витка этногенеза, чтобы через 750 лет из бедного и слабого Московского княжества превратиться в Российскую Империю.

Подчеркнем одну важную вещь: этноконфессиональная доминанта у обоих суперэтносов была одинаковая — православное христианство. И на севере Руси, и на юге, и на западе люди исповедовали одну и ту же православную веру. Формы обрядности отличались незначительно, и только го-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

раздо позже эти незначительные отличия сыграли свою роль в церковном расколе в России.

Лишенные политического единства, истерзанные татарскими набегами, ослабевшие княжества Юго-Запада одно за другим попадали под оккупацию государств, находившихся в другой, более активной фазе этногенеза. Литва, Польша и Венгрия значительно приросли за счет русских территорий, однако проблема была даже не в ином этническом происхождении завоевателей, а в том, что они на тот момент уже несколько столетий принадлежали к западноевропейской — католической цивилизации, которая за эти века стала кардинально отличаться от восточно-европейской — православной. В этом случае по теории пассионарности возникает такое явление, как химера: «...когда происходит наложение друг на друга разнохарактерных этнических систем и связанных с ними «систем сознания», которые ныне принято называть «культурами», то возникают химеры, принципиально отличные от этносов, хотя внешне на них похоже».

Даже в случае с Польшей, народ которой вышел с русскими из единого источника, ситуация оказалась критичной. После принятия Литвой христианства в форме католицизма и дальнейшей политической унии с Польским королевством с территории Литвы и из Польши в юго-западные княжества Руси хлынул поток мигрантов, принадлежащих иной культуре. И, как водится в таких случаях, возникла этническая химера — и не католическая Польша, и уже не православная Русь. Малороссия или Украина, пограничная территория между тремя разнонаправленными силами — католической Речью Посполитой, православной Россией и языческо-исламским конгломератом разных орд и ханств Юга, который с XV века объединил под своей эгидой Османское государство. В такой ситуации возникновение такой «химеры», как «украинский народ», было неизбежно.

Несмотря на благодатные природные условия Юго-Западной Руси, людям приходилось жить в условиях постоянного межэтнического конфликта, религиозного угнетения, набегов и политической неопределенности. Древнерусская культура на этой территории была почти полностью утрачена. Новые города люди в состоянии химеры не строили, а старые приходили в полный упадок, после чего застраивались новыми хозяевами, но уже по своим стандартам.

Многие либо переселялись на Северо-Восток, где органично вливались в новый, русский суперэтнос, либо, наоборот, перекрещивались и становились частью католической, западноевропейской культуры. Участь тех, кто по каким-то причинам не мог выбрать ни одну из сторон, была печальна.

Специально для них придумали Унию — уже и не Православие, поскольку нужно было подчиняться папе римскому, но еще и не католичество по причине того, что почти вся обрядность оставалось православной. При этом практически все апологеты Унии никогда не отрицали, что это не более чем форма постепенного перехода населения в католицизм.

После затяжных русско-польских войн часть территории Юго-Запада была освобождена русскими войсками и вернулась в единое культурно-этническое пространство. Затем почти 200 лет русско-турецких войск привели к освобождению от агрессивного исламского мира Новороссии, Крыма и Балкан.

Казалось бы, в такой ситуации от химеры, возникшей в XV—XVI веках, уже ничего не должно было остаться, однако Россия сохранила фактическую власть польских владетельных фамилий над огромными пространствами освобожденного Юго-Запада. Там, где православные и частично греко-католические христиане остались в подчинении польских господ, сохранилась и химера. Кроме того, под европейской оккупацией осталась былинная Красная Русь — древнерусское Галицкое княжество, которое оказалось не только под польской, но и под австрийской оккупацией.

В это время, в самом начале XIX века, на территории бывшей Польши, разделенной между тремя империями, узким кругом польских магнатов была создана концепция о том, что население юго-западных территорий Руси, которое впоследствии было оккупировано польско-литовским государством, не является русским и даже происхождение народа этнически совершенно разное. Авторами концепции были Тадеуш Чацкий и Ян Потоцкий. Сама суть концепции, ее основной догмат был построен на чистой, inferнальной ненависти к Православию и Русскому народу. Никакой реальной научной основы в нём нет, и никогда не было. Идея была создана исключительно с целью разрушения и смерти. Основным выгодоприобретателем от внедрения этой идеологии в массы населения, находящегося в состоянии химеры, поляки считали себя. Они полагали, что в ходе борьбы за восстановление собственной государственности, получают идеальный, самовоспроизводящийся механизм, перманентно истребляющий русских в интересах поляков. Следует отметить, что идея была направлена исключительно против России и создавать «окраинных немцев» и «окраинных австрийцев» польские идеологи не собирались.

Идея «украинцев» как народа, совершенно отдельного от русских, первоначально воспринималась как шутка и всерьез никем не воспринималась. Ни Потоцкий, ни Чацкий никаким репрессиям не подвергались, а их «исторические» изыскания счи-

тались не более чем любопытной экзотикой. Однако методичное и последовательное внедрение поляками «украинства» в контролируемых ими церковных школах постепенно свой эффект дало. Уже в середине XIX века идеология отдельности украинцев находит поддержку в зарождающихся протосоциалистических кружках типа Кирилло-Мефодиевского братства в Киеве. Это первое свидетельство возникновения на почве этнической химеры антисистемного сообщества. И уже на стадии возникновения оно было тесно связано с либеральной идеологией.

Многочисленные свидетельства, документы, факты говорят о том, что вплоть до Первой мировой войны население Галиции было преимущественно пророссийским — даже то, которое принадлежало к греко-католической церкви. Ситуация сильно изменилась к началу XX века, когда сложились две враждебные по отношению друг к другу глобальные группировки — Антанта и Тройственный союз. В Австрии идею «украинства» приняли как полезную для геополитических интересов империи и стали методически поддерживать ее носителей и репрессировать ее противников.

В результате практически всё пророссийское движение в Галиции было физически истреблено, а «украинское» — наделено административной и политической властью. Антисистема возникла и начала расширяться, вовлекая в свою орбиту как представителей «химеры», так и других этносов. Этнически русский Д. И. Донцов, автор идеологии «интегрального национализма», которая, по сути своей, и есть основа украинской антисистемности, сперва был социал-демократом и активно участвовал в революционном движении. В антисистему он был вовлечен, когда в 1908 году переехал сперва во Львов, потом в Вену и там превратился в «украинца» во многом под влиянием своей жены, галичанки.

Еще раз отметим, что для «украинства» очень характерна одна черта: возникшая как совершенно искусственная живая националистическая концепция, она очень быстро обогатилась социалистическими идеями. Практически все апологеты украинства были приверженцами подобных идей, и многие, как Донцов, начинали свою карьеру в политических группировках с соответствующей идеологией, для них этническая составляющая не имела принципиального значения.

Соединение марксистской, социалистической идеологии и псевдоэтнической концепции для развития украинства имело эффект ядерной бомбы. Уже в ходе Первой мировой войны в Австрийской и Германской армиях создавали военные подразделения преимущественно из галичан, в которых ненависть к русским органично сочеталась с раболопием

перед немцами. Антисистема обогатилась военной силой и теперь способна была убивать и уничтожать без непосредственной помощи поляков или немцев.

После большевистского переворота власть в Киеве захватили абсолютно антисистемные люди, объявившие не только Галицию, но и весь Юго-Запад России отдельным государством — Украиной. Торжественно отмечаемый на Украине с 1991 года день «Злуки» (Акт о соединении Галиции и остальной Украины, подписанный петлюровским правительством) есть день, когда антисистема открыто протянула свои ядовитые щупальца на весь русский Юго-Запад.

На тот момент поддержка «украинства» среди местного населения была минимальной. Даже несмотря на то, что она уже имела существенную силовую поддержку в образе сотен вооруженных банд, объединенных общей идеологией, общей символикой (львовский желто-голубой флаг и «тризуб» Владимировичей. И тот, и другой символ к Украине не имеет ни малейшего отношения) и общим стереотипом поведения: лживость, лицемерие и противоестественная страсть к изуверским убийствам беззащитных жертв.

Большевики, совершившие государственный переворот, изначально довольно благожелательно отнеслись к украинской антисистеме, поскольку видели во главе ее хорошо знакомых им персонажей и слышали приятные им лозунги. Но когда геополитические интересы красных и «украинцев» вдруг пересеклись, им была объявлена война. За довольно короткий срок вся кое-как слепленная Петлюрой виртуальная конструкция обрушилась под натиском с одной стороны большевиков, с другой — поляков, и с третьей, внутренней, усилиями самих «украинцев», спектр политических пристрастий которых был велик, разнообразен и примитивен.

Стоит отметить, что столетней давности концепция, созданная для обслуживания чисто польских интересов, неожиданно сработала. Во многом благодаря ее внедрению и реализации Польша была восстановлена как государство, а австрийская Галиция перешла под ее управление. Австрия же, которая почти в одиночку финансировала «украинство» и приложила колоссальные усилия для того, чтобы расчистить ей место, превратилась в крошечное государство, лишенное геополитических амбиций.

Однако при видимом успехе Польша вместе с Галицией приобрела не только «кресы восточные», но и активно развивающуюся антисистему. При этом Польша с помощью имеющегося у нее силового аппарата справиться с антисистемой не могла, поскольку не понимала, с чем связалась. Поляки считали созданных ими же «украинцев» неким случай-

ным отклонением от своих планов и долгое время не воспринимали их всерьез.

Если Польша активно, хоть и без особых успехов, боролась с украинской антисистемой, то Советский Союз пошел по пути ее поддержки и принял все меры для укрепления этого химерического образования. Коммунисты, установившие власть над всей Россией, в рамках своей идеологии были принципиально лояльны ко всем «угнетенным народам», поэтому концепция суверенности «украинского народа» для них стала аксиомой. Уже в 1920-х годах на территории новообразованной УССР началась тотальная украинизация всего населения. Имеются бесчисленные свидетельства о человеческих трагедиях, репрессиях, расправах над людьми, которые, проживая в Полтаве, Одессе, Харькове, даже не подозревали о том, что они в один момент вдруг сделались украинцами. Одновременно с этим были реабилитированы почти все идеологи политического украинства, стоявшие у истоков Украинской Народной Республики и правительстве Петлюры, которых массово привлекли для углубления процесса украинизации.

Сильно ослабленная войной и революцией украинская химера, еще и отделенная от порожденной ею антисистемы, могла быть полностью уничтожена, но марксисты-ленинцы легких путей не искали и с пролетарским энтузиазмом собственноручно создали своих непримиримых врагов в виде Украинской Советской Социалистической Республики. Коммунистами полностью была создана украинская государственность, органы власти, структура, а также административный аппарат управления. В качестве суперприза Украину сделали отдельным членом ООН и подарили Крым, в придачу к уже сделанным ранее территориальным подаркам.

В Польше постоянный террор украинских банд нейтрализовать не удалось. Процесс этот только усугублялся и после очередного раздела Речи Посполитой привел сперва к «Львовскому погрому» 1941 года, а затем и к «Волынской резне», в которой представители антисистемы использовали такие методы уничтожения, которые никак не вяжутся со званием человека разумного. Нечто подобное практиковали в древней Ассирии, но там государственный садизм хоть как-то обосновывался требованиями ритуалов, а в случае с украинцами имела место исключительно манифестация мировоззрения, обусловленная нормами антисистемы. Даже немецкие нацисты использовали для решения своих расовых проблем простые и прагматичные формы истребления: газ, расстрел, иногда, массовое сжигание. Безусловно, это тоже зверство, но украин-

цы на немецкую прагматичность смотрели пренебрежительно и продолжали пилить живых людей пилой, а грудных детей сажать на колья.

После раздела Польши между рейхом и СССР Галиция была освобождена и даже подверглась некоторым косметическим процедурам зачистки от «буржуазных националистов», но антисистема пострадала мало. Напротив, она собралась и была готова действовать именно в том направлении, под которое и была создана, на этот раз при поддержке немцев, а не австрийцев.

Немцы с удовольствием использовали украинцев для решения задач по борьбе с местным сопротивлением, однако четко дали понять, что никакой самостоятельности в действиях терпеть не намерены. Основную задачу антисистемы — уничтожение России, они считали для себя вполне решаемой, поэтому украинцы как союзники в рейтинге сателлитов стояли уровнем существенно ниже, чем, например, болгары.

В условиях некоторой скованности антисистема какое-то время воевала сама с собой. Борьба ОУН Мельника и ОУН Бандеры (в настоящее время деятельность ОУН запрещена на территории РФ. — Ред.) была апофеозом лицемерия, зависти, подлости и жадности, т.е. всех тех качеств, которыми изначально славилась «украинцы». Правда, увлекательная травля сотоварищей не мешала им попутно вырезать польские деревни и помогать немцам. На временно захваченных землях России представители украинской антисистемы распространились по всей зоне оккупации, появившись даже в тех местах, где их отродясь не было раньше. Галицкие идеологи устраивали свои шоу в крымских и донецких городах, добирались даже до Ростова-на-Дону и Северного Кавказа, которые тоже считали украинской территорией.

После полного освобождения СССР от немцев, казалось бы, гибель антисистемы предопределена. Галичане показали себя как однозначный враг коммунизма, они жестоко уничтожали не только поляков, но и представителей органов советской власти, чего простить было уже нельзя. Боевые действия в Галиции продолжались до конца 1950-х годов. Последний известный бой с ячейкой УПА (запрещена на территории РФ. — Ред.) произошел в 1961 году.

Антисистемная вакханалия в Польше закончилась в конце 1940-х, когда всё украинское население с территории ПНР было перевезено в УССР, и, наоборот, большая часть поляков с территории Украины отправлена в Польшу. В один момент антисистема лишилась физических носителей своей идеологии и сразу там исчезла.

А в СССР в начале 1960-х годов произошла массовая амнистия бывших боевиков ОУН; некоторые из них возвращались в места своего проживания, а некоторые частично оказались рассеяны как по УССР, так и по РСФСР. Возвращаясь, они восстанавливали старые связи, налаживали новые, активно внедрялись сами и внедряли своих детей в органы советской власти. Давно не секрет, что первый президент Украины Кравчук, бывший при коммунистах ответственным за марксистско-ленинскую идеологию, в юности проходил обучение на одной из тренировочных баз УПА. В Луганской и Донецкой областях, в Крыму старые бандеровцы и их прямые потомки были основной опорой ползучей украинизации. Во время войны ЛДНР с Украиной именно из этих галичанских анклавов шла прямая помощь ВСУ, отсюда выходили диверсанты и шпионы.

Распад советской системы в 1991 году, который был неминуем, привел к тому, что украинская антисистема получила мощнейший толчок к развитию. Она полностью избавилась от социалистического флёра и далее могла развиваться, не скрываясь. 10 лет понадобилось ей для того, чтобы заявить о своих амбициях, что продемонстрировал сперва политический демарш «Украина без Кучмы», а затем первый «Оранжевый майдан» в 2004 году. Следующие 10 лет понадобилось для того, чтобы выросло первое поколение «украинцев» с тотально отформатированным сознанием. Они стали ударной силой сперва майданных боевиков, затем карательных батальонов ВСУ. Их действиями были уничтожены не только немногочисленные группы русского сопротивления, но и умеренные украинцы, т.е. русские люди, которых несколько десятилетий упорно превращали в искусственный этнос — украинцев.

И вот в 2014 году наконец-то произошло то, чего они так сильно желали, начиная с 1914 года — настоящая война с русскими. Война сделала ползучую украинизацию мгновенной, а украинство сплотило в единый, чудовищный конгломерат.

Украинская антисистема реагирует точно так же: любое увеличение давления на нее приводит только к ее укреплению и на порядки усиливает ответную агрессию. При этом если на провокации и агрессивные действия не реагировать или реагировать вяло, происходит расширение антисистемной общности.

Сегодня Украина не страна. Украина — это территория Юго-Западной России, которая оккупирована жестокой, тоталитарной сектой, чрезвычайно агрессивной и постоянно стремящейся к расширению, образованной на полностью искусственной

основе, чья идеология выстроена на лжи, возведенной в абсолют, где негативное мироощущение возведено в догму, где культ смерти пронизывает всё общество и начинается с первых слов гимна «Ще не вмерла...»

Как уничтожают антисистемы, по мнению Л.Н. Гумилева? *«Нет, не героизм отдельных пассионарных особей, личностей, жертвующих собой, а именно толчок, мутация, порождающая признак пассионарности и сообщающая заново возникающим этносам оригинальный ритм биополя — вот что губит химеры и гнездящиеся в них антисистемы. Пассионарный импульс дает как бы высокий накал, в котором химеры «плавятся» (да простится автору метафора) и превращаются в этносы, гармонически сочетающиеся с ландшафтами, как звено геобиоценозов. При столь высоких накалах антисистемы существовать не могут»*. Другими словами, следует ожидать нового пассионарного толчка, который приведет к возникновению принципиально нового этноса. Возникнет некий новый народ, с новым, оригинальным стереотипом поведения (как в свое время возник русский суперэтнос), который вторгнется на территории, занятые антисистемой. Активные носители идеологии будут истреблены физически, а аморфная часть населения подвергнется ассимиляции. У них будет заменена этноконфессиональная доминанта, и они сделаются частью нового народа.

Можно ли ждать нового пассионарного толчка? Можно. Но никто не знает, когда он произойдет и где. Чисто военной операцией проблема решается примерно наполовину. Военная операция плюс зачистка территории дают хороший результат, но не полный, поскольку остаются очаги сопротивления и носители идеологии (как метастазы раковой опухоли), которые могут годами находиться в подполье, а потом вдруг начнут стремительно развиваться в самых неожиданных местах. Решается эта проблема тотальным выселением или же тотальным уничтожением всех носителей антисистемы.

Поляки, которые сами же и создали «украинцев», просто выселили их на территорию СССР и с тех пор проблем не знают. Турки на Балканах остатки павликиан и богомилов уничтожили физически или заставили принять ислам.

Но с тех пор мир изменился, и то, что не было проблемой, сделалось неразрешимой задачей. Всё, описанное выше, юридически называется геноцидом и в рамках международного законодательства считается преступлением против человечества. Правда, гибкая этическая составляющая международного права одним приписывает «геноцид как геноцид», а другим «геноцид, как не очень он и геноцид».

Так, физическое уничтожение и изгнание сербского населения из Хорватии, Боснии и Косово, по версии ООН, геноцидом не являются. А вот попытки сопротивления со стороны сербов, выразившееся в расстреле нескольких боснийских или албанских боевиков, — «чудовищное преступление сербских националистов».

Геноцид русских в Чечне, Азербайджане, Таджикистане, Киргизии — никому не интересный, мелкий эпизод, не стоящий внимания. Две войны в Чечне, в которых уничтожали исламских боевиков, — «ужасное злодеяние российского режима».

«Гуманитарная» бомбежка Ливии и полное уничтожение ее государственности осуществлены с целью принесения мира ливийскому народу. Но африканский корпус России, который воюет с местными исламистскими бандами, — «негодяи и преступники». И так у них везде.

Исходя из изложенного выше, могу сказать совершенно определленно: теми методами, которыми Кремль проводит «денацификацию» и «демилитаризацию» наших юго-западных территорий, победить невозможно. Даже применив тактическое ядерное оружие по укрепрайонам и скоплениям боевиков. Договориться о мире тоже невозможно в силу того, что представители антисистемы отличаются патологической недоговороспособностью и врожденной лживостью. «Минские соглашения» — ярчайший пример.

Что же делать, если осуществлять «геноцид» по отношению к украинской химере мы не можем в силу поклонения идолу международной правовой системы, а заключение мира никак не приведет к решению этой антисистемной проблемы?

Нужно уповать на Божию милость и каждому на своем месте делать то, что сообразно справедливости, а не букве закона. Или хотя бы не мешать тем, кто так поступает.

В утешение могу заметить: даже в случае реализации абсолютно всех целей украинской антисистемы победой для нее это не станет. Цель раковой опухоли — разрастание. Выжить и превратиться в полноценный организм рак не может по объективным причинам. Убив своего носителя, опухоль не заменит его личность, но умрет вместе с ним.

Поэтому никакого будущего у Украины не может быть в принципе. Как она возникла мертвой сущностью, так она и погибнет в адских муках, холоде и тьме. Ни вместо нас, ни вместе с нами она мирно существовать не сможет. Нам же остается только исполнять свой, христианский долг: не принимать никакого зла, не терпеть зла и каждодневно бороться со злом.

МИНУС-ПЛЮС НАДЕЖДА

ПОВЕСТЬ

1

Пробуждение было ужасным. В его невероятно болящем мозгу надрывно стонало: «Спа-ать!.. Спать да-альше!.. Спа-ать!..» Но никак не удавалось уснуть заново, а значит, и не было никакой возможности избавиться от этой пытки. Он скинул с себя одеяло и, обхватив голову руками, словно стараясь снять незримые тиски, со страшной силой сжимающие мозг, сел на кровати. И тут же голова заболела еще больше — от затарахтевшего на улице трактора, очень близко и очень громко.

Он мягко соскользнул на пол, босиком прошлепал к окну, встал на табуретку, высунул голову в распахнутую форточку и увидел трактор «Беларусь», стоявший возле их двухэтажного дома. Тракторист что-то кричал из кабины мастеру бетонного цеха, забравшемуся на высокое, наполовину облетевшее дерево, а тот обвязывал его ствол тросом, другой конец которого был прикреплен к крюку трактора. Дерево лежало кроной на крыше дома. Вчера весь вечер дул ветер, настолько сильный, что временами срывал листы шифера с крыш. А

ПРОЗА

грунт здесь мягкий, дерево и завалилось, выбив ветвями стекла в окнах второго этажа. Он даже вспомнил их звон сквозь завывание ветра, хоть не помнил ни как добрался до дома, ни с кем пил в последний раз. Он хотел крикнуть трактористу, чтоб заглушил движок, но стоило только открыть рот, как кинжал боли с новой силой вонзился в мозг, и пришлось закрыть форточку, осторожно спуститься с табуретки на пол, плавно дойти до кровати и, плавно повалившись на нее, лежать в полной неподвижности, эту боль перемогая.

Надо было срочно опохмелиться, и он, как только боль в голове немного поутихла, встал и взглянул на часы, висевшие на стене. Стрелки показывали тридцать семь минут десятого. Он начал было одеваться, тоже плавно, и... плавно опустился на кровать. И сидел в бессилии, потерянно, чуть не плача, потому что вспомнил главное, а именно: его гонят с работы. Перед глазами стояло лицо начальника цеха Акимова с его ядовитой ухмылочкой, а в ушах звучал его голос: «В общем, тете Даше, Федя, передавай привет!»

И теперь Федор был не просто разбит, не просто страдал от боли, а переживал самое настоящее горе. Потерять такую работу! Работу-золото! Куда вот теперь идти?! Акимов наверняка больше не простит, даже если «тетя Даша», мать, снова пойдет к нему уговаривать дать сыну последний шанс. И остаётся одно — искать работу.

От этих мыслей просто жить не хотелось!

Но приходилось жить, куда ж деться. И он, стараясь не делать резких движений, облачился в рубашу и костюм, помятый, всю ночь комом провалявшийся на стуле; достал из шкафа тощую пачечку денег, остаток аванса, отделил пару купюр на бутылку, сунул их в нагрудный карман, а остальные положил обратно в шкаф и вышел из комнаты. И сразу наткнулся на укоризненный взгляд матери, сидевшей с чайной чашкой в руке за столом на кухне. Как всегда в таких случаях, она ничего не сказала, но ее взгляда было достаточно, чтобы почувствовать себя еще хуже от того, что сразу противно заскребло внутри, а это было не что иное, как *совесть*, он давно уже понял, и теперь, унимая ее, подумал: «Завяжу, мама! Обязательно завяжу!» В коридоре, включив свет, он кинул на себя взгляд в зеркало. Бесформенная шапка кудрявых, светло-русых волос, похожих сейчас на паклю, опухшее лицо в щетинке, не очень заметной благодаря светлости, и отчего-то слегка вздувшаяся в углу нижняя губа с небольшой ранкой. «Ну и рожа!» — криво усмехнулся, нахлобучивая на голову кепку. Обулся в осенние грязные сапоги, надел куртку и вышел на улицу, в оглушительное тарыхтенье трак-

тора. Взглянув на дерево, завалившееся на дом, мельком подумал: «Вот и меня так же заваливает. Нет, надо, надо бросать пить!» Но мысли бросить немедленно все-таки не было. Уж очень хотелось опохмелиться. Он свернул в противоположную от трактора сторону и быстро пошел прочь.

Было пасмурно и уже прохладно, под стать октябрю. Ветер гулял меж двухэтажных домов заводского поселка, раскачивая кусты сирени на газонах, срывал с них последние сухие листья, цеплял за них обрывки газет, какие-то ленты из целлофана, нитки; в общем, как обычно в выходной день, когда дворники не убирают, и повсюду валяется мусор. Федор шел, поеживаясь, навстречу ветру, в другой конец поселка. Там, в одном из таких же двухэтажных домов, жил его родной брат Владимир. Но Федор шел не к нему. Он уже и забыл, когда последний раз заходил к брату. Оба они работали слесарями на железобетонном заводе, которому и принадлежал этот поселок, работали в одном цехе, арматурном, в разные смены, поскольку слесарь на каждую из двух смен требовался один, и виделись хоть и ежедневно за исключением выходных, но очень коротко, в слесарке, между сменами или, как говорят, на пересменке. Владимир был на пять лет старше Федора, в этом году ему исполнилось тридцать два, он был слесарем всеми уважаемым, первоклассным, как его здесь называли, с шестым разрядом. Его фото висело на заводской Доске почета. Он был абсолютно непьющим. У Федора же был лишь третий разряд, и котиrowался он по негласной категории алкашей. Но его мысленное обращение к матери не было пустым: он действительно очень хотел «завязать», и даже мечтал стать трезвенником, как брат. Да вот всё не получалось.

Навстречу ему попалась Тоня Иванова, инспектор отдела кадров, возрастом на три года моложе его. Он поздоровался с ней и почувствовал ее жалость — и в тихом голосе, когда она ответила ему, и в кивке, а главное — в глазах, больших, серых. Ему всегда думалось, что только глаза и привлекательны в ее лице, само же лицо казалось не очень выразительным. «Хорошие же ощущения вызывает мой вид у хороших людей!» — подумал он, когда Тоня прошла мимо. А она и в самом деле была хорошим человеком, он знал, но сразу и забыл о ней, потому что мысль перескочила на Валентину, бывшую жену, а вспомнил он ее потому что в эту минуту проходил мимо того места, где около трех лет назад они случайно встретились. Вон у той трансформаторной будки. Он медленно ехал от гаража на своем мотоцикле с коляской, а она шла мимо, с большим чемоданом в руке, другой рукой держала за руку пятилетнего сына. И спросила, не знает ли он

Виктора Воловикова. Он остановил мотоцикл и ответил, что знает: Воловиков у них в цехе резал проволоку для арматуры. Она обрадовалась и сказала, что это ее муж, и спросила, где его найти, а Витька уже больше месяца, как уволился, и когда она это услышала, ее миловидное личико сморщилось, как обычно морщится оно у женщин перед тем, как они начинают плакать. И Федор поспешно сказал: может, в отделе кадров знают, куда он собирался устроиться. Она оживилась и спросила, не поможет ли он ей. Федор усадил ее сына в коляску, туда же уместил и чемодан, а она села на заднее сиденье, и он отвез их к заводууправлению и проводил до отдела кадров, где его начальница сказала, что Воловиков вроде как хотел пойти работать в локомотивное депо. Но ей возразил находившийся там по каким-то своим делам механик арматурного цеха, сказав, что Витька собирался устроиться на нефтекомбинат. Тут же в кабинет вошел стоявший всё это время в коридоре сварщик и заявил: нет, Витька в производство больше не пойдет, он ему говорил, что будет устраиваться на чистую работу, на механический завод: у него, дескать, имеется какое-то бухгалтерское образование; и это мгновенно подтвердила Валентина, сказав: да, он окончил экономический колледж. Она попала в сложную ситуацию, и когда в сопровождении Федора вышла на улицу, то стояла в растерянности, глядя по сторонам и повторяя шепотом:

— И куда ж мне теперь-то?.. Куда?..

— А может, он и правда в бухгалтера подался? — предположил Федор. — На механический...

— А далеко это?

— Да нет, не очень.

— Не отвезете нас? А то я уж не знаю, найду ли. Да и тяжело мне будет, с Мишей-то... Я заплачу!

— Не надо! — поспешно сказал Федор. — Отвезу! Мне и по пути, я на базар собрался...

— Ой, спасибо вам!

И он повез их на механический завод, а пока ехали, она в шуме ветра и треске двигателя рассказала, дыша ему сзади в щеку, что уже почти год ищет мужа через правоохранительные органы (там и дали ей адрес), а сама живет в Ишиме. И Федор сразу вспомнил: Воловиков говорил, что он оттуда. Но ни словом не обмолвился о семье, и никто в цехе не знал, женат он или нет, и есть ли у него дети, а когда кто-нибудь спрашивал, отвечал вялой отмашкой: мол, не имеет значения. И теперь его личная жизнь слегка приоткрылась Федору, и ему было совершенно непонятно, что же это швырнуло

Витьку от такой очаровательной жены и такого славного сынишки, да плюс от приличной чистой работы (в Ишиме он, как выяснилось, работал экономистом на мукомольном заводе). И Федор, заворачивая мотоцикл с широкой улицы к проходной механического завода, подумал, что будь у него такая жена и такой сын, он бы ни за что на свете не уехал от них. И решил подождать у проходной, дабы убедиться, что сделал всё правильно, о чем и сказал ей, прежде чем она скрылась за стеклянной дверью входа, по-прежнему держа в одной руке чемодан, а в другой — руку сына. Очень скоро они вернулись, и Валентина огорченно сказала, что ее муж сюда не устраивался. Федора это странным образом как-то даже обрадовало, чего он, конечно, старался не показывать. И сразу повез их на нефтезавод, куда Витька мог устроиться по версии механика. Ехать было далеко, пришлось остановиться у заправки и залить опустевший бак, но это не было для него обузой, наоборот, поднимало настроение, возможно, от того, что делал доброе дело, а может, еще от чего-то, труднодоступного для понимания; да он и не хотел ничего понимать, просто ехал да ехал, разговаривая с ней, и ему становилось необыкновенно легко: он чувствовал себя так, будто не на мотоцикле мчал, а на чем-то позволявшем лететь над землей — вроде самолета, а лучше сказать — с помощью крыльев, выросших за спиной.

На нефтезаводе сказали, что и к ним Воловиков не устраивался, и Федор предложил Валентине поехать в локомотивное депо, куда Витька мог устроиться по версии начальницы отдела кадров. Она без раздумий согласилась, но когда ехали, в кармане ее плаща заверещал сотовый телефон, и она попросила остановить мотоцикл, что Федор и сделал. И сидел в ожидании, слыша сквозь урчание двигателя ее редкие короткие фразы, а потом наступило молчание, и он, обернувшись на сиденье, увидел ее низко склоненную голову в каске, а потом и ее опечаленный взгляд, который она подняла на его вопрос:

— Что случилось?

И в глазах сына, оцепеневшего в коляске и с испугом смотревшего на нее снизу вверх из-под непомерно большой для него каски, стоял тот же вопрос. Она хотела что-то сказать, но не получилось, и тут уж Федор не смог предотвратить ее слез, они потекли мгновенно и обильно, сопровождаемые сдавленными рыданиями, услышав которые, заплакал и сын. Федор мигом слез с мотоцикла и придержал ее за плечи, чтобы в расслабленности не соскользнула из сиденья на асфальт, а мальчику сказал:

— Не плачь, Миша, не плачь! Сейчас всё выясним!

И спросил ее:

— Что случилось-то? Можешь объяснить?

Она, всё рыдая, проговорила прерывисто:

— Моей... семье... пришел... конец...

А Миша перестал плакать, видимо, послушавшись его.

Федор достал из притороченной к багажнику пластмассовой коробки «полторашку» с минеральной водой и прозрачный пластмассовый стаканчик, наполнил его и дал ей выпить, а когда она немного успокоилась, выведал всё.

Оказалось, звонила из Ишима ее мать и сказала, что от Воловикова пришли деньги, алименты на сына, как он написал в письме, но не по исполнительному листу, а переводом от него самого. Он написал, что алименты будет присылать регулярно, но если она желает, то может оформить их официально через суд. Написал так же, что устроился в литейный цех на заводе в Новосибирске, где живет уже месяц. А главное — в конверте вместе с письмом была копия свидетельства о разводе, который он каким-то образом сумел оформить без ее участия. И снова Федору было непонятно, почему Витька сбежал от них.

«Где уж мне было это понять *тогда!*» — думал он, шагая по поселку.

И вдруг услышал:

— Эй, Федя!

Повернулся на голос и увидел компрессорщика Петьку Рыбина. Тот стоял, докуривая сигарету, возле двухэтажного дома, у дверей подъезда, маленький, шустрый, без головного убора, постриженный наголо, в синей телогрейке, в синих штанах-трико и в шлепанцах. Затянувшись в последний раз, Рыбин бросил в урну окурки, подлетел к Федору и с размаху, со щелчком вцепил свою маленькую кисть в его подставленную ладонь. И тихо, почти шепотом сказал, косясь на окно своей квартиры на первом этаже:

— Ты очень вовремя, Федя! Надо срочно принять по со-точке! — От его чисто выбритого лица приятно пахло одеколоном, и выглядел он свежо, будто вчера не выпил ни капли, хоть и пили они изрядно. С ним-то, вспомнил Федор, и заканчивал он пьянствовать. — На тебе, — шепнул Рыбин, доставая из кармана телогрейки смятую купюру и протягивая так, чтобы не видно было из окна. — Скачи в темпе на Волчий!

— Не, давай-ка ты сходи, — возразил Федор.

Он достал свою купюру из-под куртки, из нагрудного кармана пиджака, и вложил ее в Петькину руку.

— А ну, не соображай, не соображай мне там! — прокричала, высунувшись в форточку, жена Петьки, крупная, с полным моложавым лицом, маленькими глазками и с белесыми волосами, сплетенными в длинную толстую косу, переброшенную через плечо на грудь.

— Да ладно ты, успокойся! — прокричал в ответ Петька. — Дай поговорить с человеком! У нас производственные дела! — И тихо сказал Федору, увлекая его за собой: — Пойдем, пойдем, пойдем...

Они зашли за угол дома, и Петька, протягивая Федору деньги, сказал скороговоркой:

— Давай скорей вперед, видишь, она после вчерашнего стоит ногой мне на глотке, а сушняк душит, тебя б на мое место, давай, давай, давай...

— Нет! — резко ответил Федор. И умолк, морщась и пережидая боль в голове. Поселок, прозванный в народе Волчьим, был ближайшим местом, где продавалась выпивка, там ее можно было взять в любое время суток. А здесь директор железобетонного завода запретил ее продавать, изгнав всех предпринимателей, пытавшихся нарушить его запрет. Волчий же стоял за железной дорогой, шагать к нему надо было через сортировочную, а там вагоны идут и идут с перестуком по рельсам, и приходится пережидать, а видеть в этом состоянии движущиеся вагонные колеса Федору было невыносимо. Он снял кепку, помассировал рукой голову, утихомиривая боль, снова надел ее и сказал спокойно и твердо: — Не пойдешь, попрошу кого-нибудь другого...

— Да ладно ты! — испуганно отпрянул Петька. — Схожу уж. Найду, как ее обойти. Жди меня у общаги.

И ушел обратно — за угол дома.

2

А Федор направился к общежитию, продолжая вспоминать тот день, когда познакомился с Валентиной.

Она всё так же сидела на заднем сиденье мотоцикла, уже закончив рассказывать. И попросила:

— Отвези нас на вокзал.

— В таком состоянии? — усмехнулся он. — Поехали лучше ко мне.

— Ты не женат, что ли?

— Нет. Живу с матерью. Поехали!

— А как же базар?

— Обойдусь, дома найдется всё что надо. Мать хоть накормит вас да спать уложит. А завтра утром отвезу на вокзал...

Валентина отказывалась, упиралась, но он все-таки уговорил — уговорил, естественно, не предполагая, что потом придется об этом жалеть. И сейчас думал: как же это было просто — отвезти ее с сыном на вокзал, посадить на первый попавшийся поезд, их много ходит в том направлении, а до Ишима всего-то четыре часа езды, а на скором так и три. И всё было бы в норме. «Ну вот с чего так запал на нее?» — думал он, подходя к общежитию, одному из немногих трех-этажных зданий в поселке.

И как раз в этот момент из него вышел Саня Ефимов, рихтовщик арматурного цеха по прозвищу Студент, которое он получил благодаря тому, что учился на заочном отделении строительного института.

— О, Федор Иванович! — воскликнул он и захохотал своим зычным хохотом. — Я очень рад вас видеть! — Студент всех называл на «вы» и по имени-отчеству. — На ловца, как говорится, и зверь бежит! Позвольте, я продемонстрирую вам интереснейшие кадры!

Он достал смартфон из кармана ладно сидящего на нем белоснежного плаща и стал показывать видеозапись. Федор сразу почувствовал, что не надо бы ему этого смотреть, но стоял и смотрел, смотрел, словно парализованный, на экранчик, где двигался, действовал, жил он и только он, он вчерашний, он незнакомый ему, он, просто убивавший его своим видом, своим поведением, своим пьяно звучащим голосом, он, которого не следовало бы ему видеть никогда. Но он видел! Видел! И не мог оторваться, не мог двинуться с места.

Он не знал, сколько времени всё это смотрел, ему показалось — вечность. А когда закончилась видеозапись, Ефимов сунул смартфон в карман плаща и опять захохотал во всё горло. И весело сказал:

— Видели?! Оценили?! Ведь правда отлично?! Впечатляюще, да? Вам должно это запомниться на-всег-да-а-а!

Федор смотрел в его расплывавшееся перед глазами лицо и ничего толком не соображал. Никогда еще не был он так потрясен. Без всяких мыслей и чувств — даже головная боль куда-то ушла — он повернулся и деревянной походной пошел прочь от общежития, пошел наугад, не слыша, как Студент кричал ему вслед:

— Осторожней идите, Федор Иванович! Особенно, когда будете переходить дорогу!

Но идти через дорогу ему не понадобилось. Он шел, малопомалу начиная ориентироваться в пространстве, и его продвижение вперед постепенно приобретало целенаправленность. А целью был завод, он шел именно туда, почти бессос-

знательно и довольно быстро, словно желая поскорее спрятаться там невесть от чего. Дойдя до дыры в бетонном заборе, он пролез в нее на заводскую территорию и двинулся к огромному блоку цехов. И зашел в него через дверь в деревянных воротах. Внутри было темновато, безлюдно и тихо, но когда он свернул к арматурному цеху и пошел мимо стоявших в ряд станков точечной сварки, расслышал треск сварки дуговой и увидел впереди на стене чью-то громадную тень, то появлявшуюся, то исчезающую в белом трепещущем свете электрода. На мгновение ему показалось, что это он сам в одном из «кадров» видеозаписи Студента, в такой же позе, на фоне окна, выписывает руками под музыку какие-то замысловато-идиотские кренделя... И до чего ж, оказывается, противная физиономия у него, когда он пьяный! Стиснув зубы, Федор замычал, закрывая на ходу глаза и мотая головой, чтоб отогнать эту муть. Чувства вернулись к нему, но какие это были чувства! Лучше б вернулась головная боль! Но она-то как раз и не возвращалась, а вот на душе было тако-ое... Ох, и нехорошо было ему сейчас! Дико нехорошо!

Подходя к железным сварочным столам, он выставлял перед лицом пятерню, чтоб не слепил ярчайший белый клочок огня, но уже понял, что это «сварной» Сергей Ломов варит сетки из проволоки. Ломов — из лучших рабочих цеха, плюс цеховой профсоюзник. Его портрет висит на Доске почета рядом с портретом Владимира Тимофеева, брата Федора.

Вот он закончил варить очередную сетку, треск прекратился, огонь погас. Ломов поднял от лица щиток тыльной стороной руки с зажатым в ней держакom и, увидев его, обрадованно сказал:

— О, Федя! Ты как нельзя кстати! Замени ножи, а? Так плохо ножницы режут, я замучился!

Он положил держак на стол рядом с готовой сеткой, подошел к Федору, снял рукавицу и подал ему руку:

— Здорово!

Федор молча пожал ее и пошел к слесарке, медленно, ссутулившись, как-то даже скорбно. Он, конечно, помнил, что потерял эту работу. В понедельник его здесь уже не будет. И сейчас, когда шел на свое рабочее место, теперь бывшее, боль его была особенно острой. Он подумал, что хорошо бы залить ее приличной дозой водки, но ему тут же вспомнился еще один кадр из видеозаписи Студента — когда он, издавая что-то похожее на лошадиное ржание, вставал на четвереньки и, уперев руки в пол, вскидывал ноги над головой и болтал ими в воздухе, будто ехал на велосипеде. И — опять же, опять! — до ужаса неприятно было видеть ему свое пьяное лицо, осо-

бенно когда Студент, приближаясь, снимал его крупным планом; и сейчас оно так и стояло перед глазами, и невозможно было ни отогнать его, ни стереть в сознании, хоть и старался он изо всех сил, но не получалось. И его отвращение и к себе, и к выпивке становилось мучительным, и не было уже никакого желания заливать что-то там внутри водкой; хотелось только одного — чтобы ушло это жесточайшее отвращение и вернулось обычное нормальное состояние с нормальным же настроением. Он понимал, что для этого надо, пересиливая себя, делать и делать то, что делал раньше изо дня в день, и сдержанно-неторопливо открывал дверь ключом, который всегда носил с собой в связке в кармане брюк; так же неторопливо входил в слесарку, в очень приятный для себя запах, давно ставший родным, но сейчас вызывавший и горечь, *ведь с ним придется расстаться*. Потом открывал другим ключом железный шкаф, доставал новые ножи и слесарный инструмент и, захватив всё это и выйдя в цех, шел к станку, который называли здесь «ножницами», и выполнял привычную работу, заменяя ножи и чувствуя, как потихоньку начинает возвращаться нормальное состояние. А для того, чтобы оно возвращалось скорей, помог Ломову — к его молчаливому удивлению — резать на части длинные рифленые прутья для арматуры бетонных плит.

И когда вернулся в слесарку, чувствовал себя получше.

Положив инструмент в шкаф, он закрыл его на ключ и двинулся к двери. Но тут же остановился. Нет, не хотелось ему уходить отсюда сразу, хотелось еще хоть немного побыть здесь.

И он подошел к стоявшему у окна столу с разбросанными по нему костяшками домино и сел за этот стол — на скамейку у окна, лицом к слесарке. И сидел неподвижно, думая: «Похоже, дела мои окончательно зашли в тупик. Жизнь загнала! — и тут же задал себе вопрос: — А точно ли жизнь? Не сам ли себя загнал?.. — и ответил: — Конечно, сам! — и добавил: — Не без помощи, вообще-то, обстоятельств... — И с досадой грохнул кулаками по столу, так что подскочили костяшки домино. И опустил лицо в ладони, и замычал, думая: — Ну вот почему, почему мне всегда так не везло?!»

И вновь пошли воспоминания, бессвязные, сумбурные, но их-то отгонять он не стал и не мешал им идти да идти, тем более что физиономию его пьяную, убийственно действующую на внутреннее состояние, они затмевали, и это было в общем-то даже и неплохо. Если б эти воспоминания упорядочить и выстроить последовательно по хронологии, они бы начались с того момента, когда двенадцать лет назад он при-

шел после девятого класса на этот завод, в этот цех, и начал трудиться на простенькой работе — гнул на станке петли для бетонных плит. Тогда он, разумеется, был непьющим, и даже защищенным от пьянки: мужики не втягивали в нее юных, наоборот, старались оберегать; и он спокойно работал до армии, а потом, отслужив два года связистом на Дальнем Востоке, несколько лет помотался с армейскими друзьями по стройкам страны, был каменщиком, стропалем, бетонщиком; хотел где-нибудь осесть, но не получилось, и он вернулся домой, устроился на прежнюю работу, петельщиком, но ненадолго: мать попросила Акимова поставить его на освободившееся место слесаря, чтоб работал на пару с братом Владимиром, и начальник цеха пошел навстречу, дал Федору возможность сдать на разряд... Н-да-а... А теперь приходится заканчивать таким вот образом... Короче, позором... Тете Даше, значит, привет... И что еще-то сказал вчера Акимов?.. Что-то вроде воспитательного... Мол, ну уехала Валька, что ж теперь, вообще из рук себя выпустить? Это он, конечно, пальцем в небо. За те полтора года, что прожил без Валентины, она уже и забыться успела, и только по Мише он еще иногда скучает, а по ней нет, после нее кое-что и другое в его жизни было, чего Акимов, может, и не знает, хоть, конечно, прав: из-за нее всё пошло у него наперекосяк. А начиналось-то как! Думал: на всю жизнь счастье улыбнулось...

Да-да, ему все-таки удалось уговорить ее поехать к нему. А когда приехали, она сразу, у гаража, куда он загнал мотоцикл, стала сильно кашлять, и пока шли к дому, лицо ее пошло горячей краснотой, видимо, от того, что продуло за время езды на мотоцикле. Странно, Миша шел, как ни в чем не бывало, простуда обошла его, и это, разумеется, было хорошо. А Валентину шибануло так, что Дарья Степановна, мать Федора, увидев ее и услышав кашель, когда они вошли в квартиру, всплеснула руками и сразу же захлопотала, даже не спросив у него, кто она такая, словно знала ее всю жизнь. Первым делом она позвонила по мобильнику своей давней подруге, Анастасии Сергеевне, жившей здесь же, в поселке. Она была врачом-терапевтом, работала в районной поликлинике. И когда она пришла со всем необходимым в своем коричневом саквояжике, Валентина уже лежала в комнате Федора, на свежей постели в его кровати. Ее жар набирал силу, однако Анастасия Сергеевна, очень хороший специалист, сумела быстро сбить температуру, и уже через три дня Валентина выздоровела и хотела ехать домой, но Анастасия Сергеевна жестко велела ей лечиться еще не менее четырех дней. И вот тогда-то, за эти дни, Федор уже не просто «запал» на

нее, а наглухо «сел», как садится грузовик на не асфальтированной дороге, раскисшей от дождей, когда его только с помощью тягача и можно вытащить.

Но есть ли тягач для человека, попавшего в ситуацию подобную той, в которой оказался Федор? Он не мог ни о чем думать, кроме как о ней, и постоянно делал промахи на работе, вызывая недоумение, а то и смех сотоварищей по цеху. И с большим нетерпением ждал окончания смены, а домой не шел, а мчался — в страхе, что вот сейчас примчится, а ее уже нет. За эти дни он успел привыкнуть к Мише (тот постоянно находился в большой комнате с ним и его матерью), читал ему оставшиеся с детства книжки, играл с ним в настольные игры, за которыми съездил в «Детский мир». Первые дни Федор только с ним и общался, а ее почти не видел, потому что не мог заходить в свою комнату (там бывали только мать да ее подруга-врач), а если и видел, когда она выходила по необходимости, то почему-то робел, не мог сказать ни слова; и только на пятый день, когда она, одетая в блестящий спортивный костюм небесного цвета, стала ходить по квартире, это прошло, сменившись, однако, страхом: а что с ним будет после того, как она уедет? Она же была весела, вроде даже беспечна, и ему казалось, что семейное несчастье начисто ушло из ее памяти вместе с простудой. Правда, иногда, замечал он, ее лицо все-таки застывало в серьезном раздумье, но лишь на минуту-другую, а потом снова на нем появлялась улыбка, она то и дело напевала какую-нибудь песенку или шутливо журила Мишу. И постоянно что-нибудь готовила. Да как готовила! Никогда еще не едал он такой вкуснятины из обыкновенного мяса, обыкновенной курицы, обыкновенных овощей... Он не знал, как к ней подступиться, как сказать главное, и только украдкой любовался ее лицом, а оно день ото дня хорошело. Да она еще взялась накручивать бигуди, которые, как и спортивный костюм, захватила с собой из дома, и ее светлые, как у него, волосы своими изящными локонами делали ее еще красивей.

И оставался последний день до ее заведомо намеченного отъезда, когда она позвала Федора в его комнату, неплохо обжитую ею за эти дни, чистенько убранную, с аккуратно застеленной в кои-то веки кроватью, с порядком на письменном столе и с приклеенными к стене скотчем цветными фотографиями из журналов, которые он покупал ей, чтоб не скучала. Она дала ему деньги и написанный на тетрадном листке перечень того, что надо купить на прощание его маме и Анастасии Сергеевне: по килограмму самых лучших шоколадных конфет, по тарту «Полено», по баночке красной

икры, балычок, грудинку, колбаски копченой, что-то еще и что-то еще...

— И съезди, пожалуйста, на вокзал, — попросила она. — Возьми нам билеты на завтра, на день. Может, проводишь нас? Только не на мотоцикле! — Она засмеялась. — А то ведь у нас уже есть опыт... Но простыла я все-таки не на мотоцикле, а еще за день до того, в поезде, да плюс в холодной гостинице у вокзала, нам пришлось там переночевать. Хорошо еще, Мишу как следует укутывала... Ну, вперед, Федя! Денежек должно хватить с верхом, а что останется — тебе. И помни — я очень вам благодарна!

Он съездил на мотоцикле в супермаркет, всё купил, а потом сидел на скамеечке и думал. Ему было тяжело. Он не мог решиться, всё удерживал и удерживал себя, чтобы не поехать на вокзал за билетами. И всё-таки удержал. И помчался домой. А дома вошел в свою комнату, с двумя набитыми пластиковыми пакетами в руках, и сказал отчаянно-весело:

— Вот! Взял!

— А билеты? — спросила она, оборачиваясь к нему от письменного стола, за которым сидела с ручкой в руке, решая сканворд.

— Билеты — нет! И не хочу! — Он положил пакеты на кровать, сел рядом с ней на второй стул и торопливо сказал: — Не уезжай, Валя! Оставайся! Поженимся и... Ну, в общем... Оставайся, Валя!

Она опешила:

— Ты с ума сошел?!

А он всё так же торопливо продолжал:

— Да, да. Сошел, сошел. Правильно говоришь! Ты можешь не спешить, можешь подумать, есть время. И если не согласишься, я поеду на вокзал и возьму билеты. Завтра же! А сейчас можно взять какие-нибудь другие билеты... Суббота все-таки... Давай сходим куда-нибудь вдвоем, а? Например, в цирк!

Его услышал Миша из большой комнаты через открытую дверь и, вбежав, закричал:

— В цирк! В цирк! Мама, я хочу в цирк! Пойдемте в цирк!

3

Его лицо светлеет от воспоминаний о лучшем, что было в его жизни, и он чувствует, как в нем загорается желание жить дальше так же, как жил тогда, пусть без всего того, что пришло тогда, но с теми же чувствами, в том же состоянии, ведь можно, очевидно, потеряв всё, оставаться внутренне счастливым — одним только вот этим пониманием, знанием, ощу-

шением, в конце концов, простой жаждой быть счастливым и надеждой на лучшее, несмотря ни на что, ибо ты, как бы там ни было, продолжаешь пребывать в той же самой жизни, а уж в ней-то есть всё, в ней при желании всегда можно найти необходимое... Его мысли кажутся ему дурацкими, хоть подсознательно он чувствует и какую-то их важность для себя, но нет желания уплывать в этот туман, и он обрывает их и, как бы спустившись откуда-то сверху и вновь очутившись в этой простой и грубой реальности, осматривает слесарку прощальным внимательным взглядом, медленно скользит им по плакатам, прикрепленным проволочками к арматурному пруту, протянувшемуся по всей стене справа — над железным верстаком с тисками, над вторым железным шкафом с инструментом и над большим деревянным ящиком с ветошью, в котором позавчера, вспоминается ему, он, пьяный в дрова, какое-то время поспал. А плакаты эти — по технике безопасности: «Безопасность не должна быть принесена в жертву производства работ»; «Вчера повезло, завтра может НЕ!» (под этой надписью изображен человек без защитных очков, он затачивает резец на наждаке и искры летят ему в глаза); «Слесарь! Работай только исправным инструментом!» и другие в этом ряду, а последний — тот, что всегда всех веселит: на нём бутылка водки на тонких ножках ведет за руку вниз по ломаной линии графика пьяненького мужичка в комбинезоне и каске. «Похмеляться повела!» — сказал однажды кто-то из мужиков, вызвав всеобщий смех.

Но ему сейчас не до смеха. Глядя на этот плакат, он опять видит себя в видеозаписи Студента, на сей раз за столом: сидит, заложив руки за спину и пытается без их помощи выпить водку из стакана, зажимая его край зубами, а стакан-то не гранёный, он из тонкого стекла, и его край обламывается, а он сидит, облитый водкой, с крупным обломком стекла во рту и смотрит перед собой дурным взглядом — в оглушительном хохоте, гремящем вокруг. Он закрывает глаза и встряхивает головой, а потом, еще раз взглянув на плакат, видит что-то написанное возле него на стене шариковой ручкой; и встает со скамейки, выходит из-за стола, приближается к плакату и смотрит, что же это такое синее на белом, чего он раньше не замечал. А это одно-единственное слово — «Надежда». Перед ним — знак «минус». Он сдвигает плакат влево — посмотреть, что еще написано на стене. А там написано — «Жизнь», тоже с большой буквы. И в целом получается: Жизнь минус Надежда. Не про его ли это жизнь? Да так оно и есть! Какова ж еще-то его сегодняшняя жизнь, как не жизнь, лишенная надежды? Ему опять становится больно, и

он, приложив над собой усилие, начинает соображать, куда первым делом пойдет завтра искать работу, и в голове мелькает: «Эх, жаль, нет мотоцикла!» — и вспоминаются его обломки, которые выбросил на свалку после того, как разбил его по пьянке, благо сам остался цел, отделавшись легкими ушибами и тем самым подтвердив справедливость слов: дуракам и пьяным везет. Но нет, увы, ни капли ощущения своей везучести сейчас, ибо предвидит он, как будет «везти» ему в разъездах по городу на автобусах в поисках новой работы; и сразу пропадает желание думать об этом, и он возвращается памятью к тому, от чего несколько минут назад становилось светлей на душе — с тех мгновений, когда Миша вбежал в его комнату с криком:

— Мама, я хочу в цирк! Пойдемте в цирк!

А на лице Валентины застыла ошеломленность, вызванная, конечно же, словом «поженимся», брошенным как бы вскользь, но натурально повергнувшим ее в шок, и это было неприятно Федору, ибо говорило о ее равнодушии к нему, тогда как он надеялся, что за эти дни в ней хоть что-то да появилось, хоть какие-то чувства, подобные тем, что жили теперь в нём. И он сидел, глядя на нее в упор в ожидании ответа на свое только что сделанное предложение, ни на что уже не надеясь, готовый вскочить и броситься на вокзал за билетами даже и не на завтрашний, а на сегодняшний день, до того чужим, холодным, мертвым был ее взгляд. Но он мало-помалу оживал, в нём мелькнуло сначала изумление, потом он начал теплеть, так что Федору стало легче выдерживать его, и, наконец, в глазах ее вперемешку с теплом заискрилась насмешливость, и она, опуская их и качая головой, сказала:

— Так меня еще никто никогда не убивал... Точно цирк! Настоящий цирк!

А Миша опять закричал:

— В цирк! Мама, в цирк! Поехали в цирк!

Она засмеялась, краснея и качая головой. И сказала, не глядя ни на него, ни на сына:

— А есть ли такая возможность? В цирк-то? А?

Федор, чувствуя, как в нём мгновенно поднимается небывалая силища, выдохнул:

— Есть! Минутку!

Он достал из кармана пиджака свой сотовый телефон и позвонил в цирк приятелю, однокласснику, работавшему там пожарником, моля про себя, чтоб он ответил. Ему повезло, более того, приятель сказал, чтобы Федор взял с собой и маму: в директорской ложе, мол, на всех места хватит. А дальше — недолгие сборы, вызов такси и — представление, с акробата-

ми, фокусниками, конечно, клоунами, и даже слонами, которое он смотрел, мало что видя на арене, с постоянной, как от вина, кружью в голове, то и дело поглядывая на неё и отмечая про себя, что его предложение не прошло впустую, оно в действии, оно, так сказать, рассматривается, и Валентина ни на минуту не забывает о нём и всё думает, думает... И уже вечером, после ужина, сготовленного ею, как и прежде, на славу, она шепнула ему перед тем, как ушла спать в его комнату:

— Я не могу так сразу, Федя. Давай завтра поговорим.

И на другой день первым делом сказала ему, что ехала сюда не просто для того, чтобы найти своего мужа, а чтобы остаться с ним, и поэтому взяла с собой всё необходимое и выписалась из квартиры ее родителей в Ишиме, у которых они и жили с Витькой и сыном, и уволилась с того же мукомольного завода, где работала зашивальщицей.

— Так что я могу и остаться, — сказала она, и Федор обрадованно подхватил:

— И устроиться к нам на завод и прописаться в нашей квартире!

— Ну.. В общем-то я и не хочу возвращаться домой... Есть причины... Я бы поехала к Витьке, но раз он со мной развелся... Нет!.. Устрой меня на работу и пропиши у себя. Но пусть пока у нас с тобой всё остается как есть, а я поживу у вас квартиранткой. Миша перейдет ко мне в комнату. А там как получится.

Это не очень-то понравилось Федору, но в тот момент было для него все-таки неизмеримо лучше, чем если б она уехала.

И через два дня они пришли в цех вместе, и Валентина стала работать в женской бригаде на точечной сварке. Она легко, как говорится, влилась в коллектив, ведь рабочая среда была для нее своей. Да еще сумела отличиться на второй месяц работы, когда цех неожиданно остался без руководства: начальник сломал ногу на даче и оказался в больнице, а мастер, молодая женщина, должна была срочно выступить в суде в качестве свидетеля в защиту своего брата по делу о хулиганстве. Послали за вторым мастером в поселок, но она была гражданской женой начальника цеха и в это время ухаживала за ним в больнице. Арматурный цех замер. Люди стояли, сидели, мрачно бродили без дела. Из других цехов, выпускавших пустотные плиты, сваи, колонны, ригеля, лестничные марши и прочие бетонные изделия, прибежали мастера и давай орать, что все их планы на сегодня накрываются, и арматурщикам придется отвечать. Бригада сварщиц, плотно сгрудившись, молча сидела у станков. И вдруг от нее полетел вопрос к мастерам:

— А вы можете написать, кому какая арматура нужна и сколько?

Мастера ответили:

— Конечно!

Тут же из груды женщин поднялась Валентина и пошла к ним со словами:

— Вот и напишите на бумаге и дайте мне.

И крикнула в сторону стоявших поодаль рабочих арматурного цеха:

— Эй, супруг! Федя! Иди-ка сюда! Будешь мне помогать!

Странно, слово «супруг» ни у кого не вызвало удивления, хотя супругами Федор и Валентина еще не стали.

Мастера умчались на свои участки и быстро вернулись с написанными на листках бумаги сменными заданиями. А один из них вдобавок принес Валентине пачку бумаги и ручки, и она, собрав всё это, повела людей за собой в слесарку, и там села за стол, велела Федору сесть рядом и, дав ему одну из ручек, стала писать на листках, кому что надо выполнить, попеременно диктуя Федору, чтоб дело двигалось быстрее, и он тоже писал. А потом она раздала все эти листки. И цех заработал. Федор не отходил от нее ни на шаг. А она встала за станок, хоть ей и говорили, что не надо бы, раз взяла на себя обязанности мастера. Но она только отмахнулась и работала со всеми, а Федору, так и стоявшему рядом, на его вопрос, откуда у нее такие навыки, рассказала, не прекращая варить арматуру, как трудилась в Ишиме на заводе, выпускавшем запчасти для сельскохозяйственной техники, и одновременно училась на заочном отделении Свердловского политехнического института. А когда окончила третий курс, ее из штамповщиц перевели в мастера, и она больше года руководила работой смены, пока завод не остановился. Именно тогда вышла замуж, родила сына, и ей пришлось взять в институте академический отпуск, но дальше учиться не стала, верней, не хотела, поскольку работы по этой специальности в городе уже не было. «Может, еще и закончу, когда всё переменится к лучшему», — сказала она Федору, продолжая трудиться. В тот день цех выполнил план, и Валентину уважали, а Федору она полюбилась еще больше.

Через несколько дней он, придя домой после работы позже нее (из-за того, что пришлось задержаться, помогая брату ремонтировать один из станков), увидел ее в сильном расстройстве, хотя в цехе она всю смену была в хорошем настроении.

— Что с тобой, Валя? — забеспокоился он.

Она сидела на кухне, держа в руках сотовый телефон. И спросила, не глядя на него:

— Ну что, Федя, поедem завтра подавать заявление?

— Э... Какое? — опешил он.

Она медленно подняла на него взгляд, довольно-таки мрачный, тяжелый. И, тяжело роняя слова, сказала:

— Ты вроде предлагал пожениться. Или передумал?

— Я?! — вскричал он. — Да нет! С чего б я передумал?!.. Но Валь... ты это... Что случилось?

— Ай, ерунда! — махнула она рукой. — Мать позвонила, — качнула она телефоном. — Мой дурак, оказывается, женился.

— Витька-то? — сказал Федор, чувствуя, как ему становится нехорошо из-за ее расстройства. — Так ты что ж, хочешь сделать ему ответный жест?.. Ну, не-ет... Мне так не надо...

— Брось ты! — быстро сказала Валентина. — Он не при чем. Про него я больше и думать не хочу. — И улыбнулась. Хорошая у нее получилась улыбка, светлая. И взгляд просветлел. — Ты разве не услышал меня, когда я в цехе назвала тебя супругом? Это значит — тогда уже решилась...

Она встала, подошла и обняла его. А потом посмотрела ему в глаза и сказала с той же улыбкой:

— И теперь даю согласие на твое предложение.

4

Он еще какое-то время сидит в слесарке за столом, закрыв глаза и вновь испытывая ту радость: она оживала в нём всякий раз, как только он вспоминал о ней; оживает и сейчас, и всё так же свежа, как в те минуты, когда всплеснулась в нём от слов Валентины, в один миг начисто смыл огорчение; и он вскинул ее на руки и закружил по комнате, и только мать с Мишей, прибежавшие на ее пронзительный крик и застывшие у двери, вынудили его своим испуганным видом бережно опустить ее, покрасневшую от смеха, на пол. Всё это он видит сейчас, пока закрыты глаза, но когда открывает их, взгляд его падает на небольшой прямоугольник толстого листового металла с отверстием сбоку, что лежит среди запчастей на железном стеллаже у входа.

И тут же он вспоминает, что эту деталь, собственноручно изготовленную, необходимо прикрепить к одному из рихтовочных станков. Он собирался сделать это в понедельник. Но в понедельник его здесь уже не будет. Значит, надо сделать сейчас. Он снова достает из шкафа инструмент, берет со

стеллажа деталь вместе с болтом и гайкой и выходит в цех, где всё так же слышен треск сварки.

Треск прекращается, когда Федор затягивает болт гаечным ключом. К нему подходит Ломов и говорит:

— О, это дело! А то прутья за станину цепляются... Слушай, Федя, а ты молодец! И мне помог рифленку резать, и свое тоже выполняешь в выходной. А давай-ка мы с тобой организуем статью про тебя в строительной газете! А? Ты же знаешь, я пишу туда...

Затянув покрепче болт, Федор покосился на Ломова: не издевается ли? Но нет. Видно, что он всерьез.

— Можно, — кивнул Федор так же серьезно. — Только снимок надо сделать.

— Да без проблем! Могу завтра позвонить в редакцию и пригласить фотографа.

— Я подумаю, — нахмурено сказал Федор. — Это же не так просто...

— Конечно! Подумай, Федя!

— Считаю, начал думать... Давай, пока! — махнул рукой Федор и пошел в слесарку, горьковато посмеиваясь про себя и представляя, какое лицо будет у Ломова, когда он узнает, что его, Федора, уволили за пьянку. И все-таки в голове мелькнуло, вызвав еще большую горечь: а как бы здорово было, если б о нём и в самом деле напечатали в газете, да с фотографией!

Он возвращает инструмент в слесарку, закрывает ее на ключ и выходит из цеха на улицу через ближние ворота. Остатки славных чувств, вызванных воспоминаниями о хорошем, еще согревают его и освещают душу, и он продолжает думать всё о том же и вспоминать всё то же, и чувства эти не уходят и даже не просто сохраняются, а набирают силу, хоть и зябкий дует навстречу ветерок, и пасмурное небо всё так же простирается над головой, и гарь керамзитового цеха, работающего даже в выходной, шибает в нос; но неуничтожимо в памяти однажды испытанное счастье, и он живет им, шагая по территории завода неторопливо, мысленно пребывая не здесь, а в своем прошлом, суммой которого по справедливому утверждению одного из самых великих творцов собственного мира является Человек; и прошлое ведет его пройденным путем, спутанным в клубок навроде лабиринта, от тех мгновений, когда он кружил по комнате Валентину, стремительно влетая в счастье, и дальше, через счастливые же хлопоты, через регистрацию в зале бракосочетаний, через свадьбу на одной из дач, беспорядочно сбившихся впритык к заводу, где в течение субботнего дня по традиции побывали с поздрав-

лениями и подарками да погуляли все до единого жителя поселка; и еще дальше, дальше — в жизнь уже семейную, ничем не замутнённую в первые месяца полтора, когда он был уверен, что только так она будет всегда идти да идти, и сейчас лишь об этом времени ему хочется вспоминать, не вспоминая о том, что было дальше, когда он почувствовал, что ошибся, и жизнь стала катастрофически терять для него свою чистоту, начиная с той первой мутной капли — случая с Анной, технологом бетонно-смесительного цеха, женщиной симпатичной, но немолодой, матерью четверых детей, муж которой был водителем заводского самосвала. Анна пришла в арматурный цех и попросила Федора отрезать ей тонкой проволоки для каких-то своих хозяйственных нужд. И Валентина увидела, как Федор шел с ней по цеху, весело разговаривая. А после работы, когда возвращались домой, она спросила с незнакомой ему прежде злой ноткой в голосе:

— А с этой Анечкой у тебя, как я понимаю, что-то было?

Некоторое время он не мог сообразить, о чём это она, а когда до него дошло, не просто рассмеялся, а захохотал, хлопнув себя ладонями по бокам, и закричал с той же радостью, с какой жил всё последнее время, ничуть не сомневаясь, что она сказала это в шутку:

— Конечно было! Как не быть-то — столько времени провели на одном заводе! Много-ого всего было! Она и раньше приходила. То одно ей надо, то другое. То наждачку, то паса-тижи...

И он продолжал бы так же радостно голосить, если б не осекся, посмотрев на неё. И, помолчав, растерянно проговорил:

— Валь, что с тобой?

— Ничего! — ответила она тихо, почти шёпотом, но так резко, что он вздрогнул и некоторое время шел, непонимающе глядя на неё, а она, шагая рядом, мрачно смотрела себе под ноги и кусала губы.

Он начал оправдываться, понимая, что оправдываться ему не в чем, что это даже и глупо для него — оправдываться. Но так хотелось сохранить свое радостное настроение, хотелось, чтобы она улыбнулась и сказала: «Да ладно, ерунда! Проехали!» Очень хотелось ему, чтобы всё пошло прежним, счастливым ходом! И он продолжал оправдываться, но она до самого дома так и шла молча. И за весь вечер не произнесла ни слова, и на следующий день с утра молчала, и на работу рядом с ним шла молча и молчала в обеденный перерыв (они ходили обедать не в столовую, а домой), и только к концу смены, когда ей понадобилось поменять электроды на сварочном

станке, пришла в слесарку и позвала его, а когда он вышел вслед за ней, и они пошли по цеху, заговорила как ни в чём не бывало, будто и не было никакой размолвки, и дальше всё шло нормально, и довольно долго, так что Федор забыл об этом и успокоился, решив, что подобного больше не повторится.

Но где-то через месяц, когда во время смены ему понадобилось подняться на мостовой кран, Валентина к его удивлению ушла с завода раньше, а когда он, придя домой и увидев ее на кухне, спросил, почему не дождалась, ядовито бросила:

— Ну и как тебе там было со Ступакиной?

— Где там? — не понял он.

— На кране! Она же крановщица.

— Так... — Федор задумался. Дел у него в тот день было много, и он не сразу вспомнил. — А-а... Да это... Подшаманить надо было... А что?

— Я видела, как вы с ней...

И пошло-поехало! Опять он оправдывался, торопливо и сбивчиво говорил, что крановщица помогала ему — прижимала отошедший борт кабины, а он закреплял его, орудуя инструментом. Но никакого действия его судорожные пояснения на нее не оказывали, она смотрела на него ледяно блестящими глазами, а затем повернулась и ушла из кухни — в бойкот, продлившийся уже несколько дней. И вот тогда-то до него стало доходить, что попал он в ситуацию неважнецкую, из которой чёрт его не знает, как теперь выбираться.

Впрочем, он и в этот раз надеялся, что подобного не повториться, и старался, чтобы Валентина больше рядом с женщинами его не видела. Но в цехе, где их так много, это нереально. И вскоре — новая вспышка ревности, уже к другой, а потом еще, еще и еще, и всё к разным. Он начал подумывать — не перейти ли ему в другой цех, например, бетонщиком, пусть ту работу не сравнить с этой работой-золото, зато он себя оградит... Но когда она приревновала его к кондукторше в автобусе, почему-то решив, что он давно с ней знаком, а потом к продавщице в магазине, с которой вежливо обменялся парой фраз, он понял, что перемена места работы ничего не изменит. Нужны изменения в ней. Но как их добиться?

Он попытался поговорить с ней об этом, но добился только очередного бойкота. И не знал, как быть дальше, сколько ни думал. В конце концов решил просто терпеть. Молча и спокойно переносить вспышки ее ревности и эти самые бойкоты. И терпел бы. Готов был терпеть до бесконечности. Потому что главным для него было — чтобы она всегда остава-

лась с ним. Благо, в периоды ее хорошего настроения семейная жизнь все-таки была для него счастливой. Он встал в очередь на жилье, и года через полтора они должны были получить квартиру от завода, в новом доме, трехкомнатную, на такую именно он заключил договор — в полной уверенности, что к тому времени их будет четверо. Она вскоре и забеременела, а через месяц прекратились приступы ее ревности, что особенно его радовало, и он связывал это с ее ожиданием рождения ребенка. Неожиданно она собралась съездить домой на несколько дней к родителям, объясняя это тем, что соскучилась по ним, и ему это было странно, ведь она говорила, что не хочет с ними жить, да он и сам видел их отношения, когда они однажды приезжали к ним на выходные. С отцом-то она еще ладила, он был человек спокойный и миролюбивый, а вот с матерью постоянно ругалась, и в этом, как выяснилось, крылась причина, почему она не хотела возвращаться к родителям навсегда. Но ведь скучать по ним — это другое, и он ни на мгновение не усомнился в том, что она сказала правду.

Вскоре после возвращения она опять собралась к родителям, на сей раз с Мишей. Сказала, что они просили привези его к ним погостить. В день отъезда он отпросился на пару часов у Акимова и пришел с завода домой, когда она вместе с Мишей уже полностью собралась в дорогу. Чемодан ее стоял в коридоре, и это удивило его, но он ничего не спросил и лишь подумал, что раз она берет его, значит ей так надо; подумал даже, что решила увезти чемодан и оставить его у родителей, поскольку здесь он ей больше не нужен. И весело сказал:

— Провожу вас, мои родные! Отвез бы на мотоцикле, но уж коли у нас есть опыт... Нет!.. Пусть и тепло сейчас, но рисковать не стану, поедem до вокзала на автобусе!

Она ничего не сказала, только нахмурилась, а когда приехали на вокзал и пришли на перрон, как раз к отходу поезда, он удивился:

— А почему же Новосибирский? Ты куда это собралась?

Тут-то она и ошарашила его:

— К мужу, Федя!

— Так я ж твой муж! — вырвалось у него, и он почувствовал, что это прозвучало глупо. И глупую ощутил улыбку на своем лице. Ему вмиг стало понятно, почему прекратились вспышки ее ревности. Он стоял, с той же улыбкой глядя на нее, а она, опустив взгляд, заговорила тихо, растерянно, то-ропливо:

— Я хотела тебе потом написать, объяснить... Но так оно, может, и лучше... Теперь уже не понадобится...

Федор, чувствуя, как начинает невыносимо болеть в груди, с трудом произнес:

— А как же... Как же наш ребенок?

— Его не будет, Федя. Я... избавилась... Для этого и ездила в Ишим... Прости меня, пожалуйста!

Она бросилась к нему и крепко обняла. А он стоял, не в силах шевельнуться, будто окаменев.

— Ты очень, очень хороший! — шептала она, целуя его лицо. — Я очень благодарна тебе, и хочу, чтобы всё у тебя было хорошо, и у тебя обязательно всё будет хорошо, я знаю, ты будешь счастлив; такому, как ты, не может не встретиться счастье, верней, счастье не может обойти такого, как ты! А меня лихом не поминай, забудь и всё. Я много причинила тебе зла, знаю, но такая уж я есть, что сделаешь! И мне очень хочется, чтобы в тебе не осталось от меня ни капельки зла... Мне, Федя, нельзя по-другому... Я без него не могу... Прости!

Ему плохо запомнились те минуты, всё было расплывчато, сумбурно, боль мешала воспринимать окружающее, и память сохранила всё обрывочно. Помнилось, как заплакал Миша, прижимаясь к нему, а у него перед глазами мелькнул он же, Миша, плачущий в коляске его мотоцикла, и Федор, как и тогда, сказал ему, чтоб перестал, а мальчик продолжал плакать и говорил, что хочет остаться с дядей Федей и с бабой Дашей, чтобы она, как и раньше, делала с ним уроки (он был уже первоклассником), и брала с собой на завод, и продолжала там показывать всё и рассказывать о своей работе (она была контрольным мастером), а Федор говорил ему, что он должен ехать с мамой, что его ждет отец, и подхватывал его на руки, брал ее чемодан, поднимался в вагон и шел в купе... А дальше всё сливалось в одно сплошное калейдоскопичное пестрое месиво, в котором невозможно было различить отдельных картин, наверное, еще и потому, что он сразу зашел в привокзальную рюмочную и «принял на грудь», а позже сам удивлялся, как еще хватало его ходить на работу и выполнять всё настолько четко, что ни разу ни у кого не возникло подозрений, что с ним не всё в порядке. Тогда он еще не числился по негласному разряду алкашей, да и выпить-то не мог толком, водка не шла в него, приходилось вгонять ее в себя с огромным усилием и с не меньшим усилием удерживать, чтобы не сфантазировала обратно. Словом, запоя не получилось, через день он начисто отрезвел и когда стал убираться в своей комнате и отодвинул от стены тумбочку, то увидел завалившееся за нее письмо и, поднимая его, вспомнил, как Валентина спрашивала про какое-то письмо, мол, не попадалось ли оно ему на глаза, а он не придал этому зна-

чения; но сейчас, держа его в руках, понимал, что это то самое письмо — от Витьки, без адреса на конверте: он отправил его, вложив в другой конверт, ее родителям, а уж они переслали ей.

Федор долго смотрел на письмо, не зная, выбросить его или прочитать. И все-таки решил прочитать. Витька писал, что развелся с новой женой и что это была ошибка — не потому что женился на ней, а потому что вообще женился: не следовало ему делать этого «при таком положении вещей, когда не могу забыть ни тебя, ни сына, и больше всего на свете хочу вернуть теперь вас в свою жизнь!» И дальше: «Я знаю, ты теперь замужем за Федей Тимофеевым. Он нормальный мужик, я его уважаю. Но если ты еще не забыла меня, подумай. И приезжай. Ведь у нас с тобой сын. Я никогда ни в чем тебя не упрекну, обещаю, будем просто жить дальше, и всё у нас будет хорошо. Я нашел выход. Мы вместе справимся с твоим ревностным синдромом. Ведь из-за него-то я и сбежал от тебя. Но больше не сбегу, однозначно. Я консультировался с врачами, познакомился с хорошим психиатром, и он сказал, что медицина, безусловно, поможет... В общем, приезжай! Я жду тебя».

Обо всём этом Федор не вспоминает сейчас, а вспоминает, как и приказал себе, только о хорошем. Он уже вышел с завода через ту же дыру в заборе и неторопливо шагает среди домов поселка. Глаза его прищурены, на лице — улыбка, и самочувствие теперь сносное.

5

Идет он бесцельно, не думая, куда теперь податься, но чувствуя: еще немного и цель появится. А пока что лучше всего вот так вот идти да идти, расслабленно, погрузившись в свои мысли и отдыхая на ходу от всего того груза, который сам же на себя и наворотил.

Но действительность не дает покоя. До него долетает:
— Федя, ну ты чё! Долго тебя ждать?!

Он останавливается и смотрит в ту сторону, откуда слышен голос Петьки Рыбина. И только сейчас вспоминает о нём, вспоминает, что отправил его за выпивкой. А Петька стоит у своего дома с обратной стороны от окон его квартиры и зовет Федора к себе, уже молча, энергично двигая правой рукой с зажатым в ней граненым стаканом. В левой руке — початая бутылка водки, а под мышкой — чем-то наполненный бумажный светло-коричневый пакет.

Федор сворачивает к нему, чувствуя, как начинает портиться настроение, и не может понять, почему, ведь он так хотел

опохмелиться. Но ему сразу становится понятно, почему: глядя на бутылку, из которой Петка уже наливает водку в стакан, он видит себя с бутылкой в руке в видеозаписи Студента. Он жонглирует этой бутылкой, стараясь подбрасывать ее так, чтобы кувыркалась как можно быстрее, и водка не успевала из нее вылиться. И после каждого кувырка, поймав бутылку, делает глоток из горлышка, и снова подбрасывал, и снова глотает, и все получается ладно и даже красиво под аплодисменты окружающих, пока бутылка не выскальзывает из руки и не разбивается, упав на пол. И кто-то кричит в общем хохоте: «Что-то не получается из тебя сегодня, Федька, циркача! Теряешь квалификацию!» И опять — его пьяная рожа, крупным планом, с глупейшей улыбкой. Он видит ее на фоне почти доверху наполненного стакана, который протягивает ему Петька. И берет его механически, как робот, но даже ко рту поднести не может, до того сильное отвращение вызывает у него эта жидкость, еще совсем недавно такая желанная. И он еле сдерживается, чтобы не выплеснуть ее на траву газона, высохшую до состояния сена, и протягивает обратно, говоря твердо:

— Пас!

А Петька, сунув бутылку под мышку, со словами, произнесенными согласно и даже довольно: «Как знаешь, насильно лить в тебя не стану!» — забирает у него стакан, немного расплескав, и мигом опорожняет его, так что выскочившая из-за угла жена выбивает стакан из его руки уже пустым, и он падает в траву, оставшись целехоньким; а она в ярости, с удивительной для ее комплекции живостью нагибается, хватает его и со всей силы швыряет в стену, так что он разлетается на мелкие осколки. И бросается к Петьке, чтобы вырвать у него бутылку, но тот шустро отскакивает и улепетывает на безопасное расстояние, и она, дернувшись было за ним, останавливается и набрасывается на Федора с криком:

— Ты! Алкашня! Глянь на себя! Каким стал! Уже почти как твой отец! И как отец Володьки! Я постарше тебя, обоих помню... Ах, бедная, бедная Дарья Степановна! Досталось ей! Что ж ты, идиот, хочешь сгинуть, как и они, без следа, без вести?!

— Да я не пил, Груня! — закричал Федор. — Не пил!

Но она закричала еще громче:

— Ай, молодец, что не пил! Како-ой молодец! А моему-то придурку почему глотку не заткнул, что б он тоже не пил?! А? Вон, глянь на него! — указала она на Петьку, который стоял на отдалении, посмеиваясь, и с удовольствием уплетал жареный пирожок. — Я тебя сегодня на скалку намотаю! —

крикнула она ему, но он только расхохотался. А Груня сказала Федору тише: — Если правда не пил, так и не пей больше. Подумай о Дарье Степановне. Хватит ей уж такого добра...

И, резко повернувшись, пошла домой, широко размахивая руками и четко печатая шаг. Весь вид ее, казалось бы, должен источать угрозу, но странным образом ничего пугающего в ней не было, и выглядела она, скорее, забавно, чем грозно. Да и не могло быть иначе, потому как была она женщиной доброй, Федор знал. И, по правде говоря, завидовал Рыбину. Повезло ему.

Он тоже повернулся и пошел. Проходя мимо весело жующего Петьки, отрицательно мотнул головой на его веселое же предложение выпить из горла ввиду утраты стакана. И шел дальше, довольно быстро, но всё еще беспечно. И тут увидел инспектора отдела кадров Тоню Иванову — она вышла из-за соседнего дома. Федор нагнал ее и пошел рядом. В это мгновение ему как раз и пришлось в голову, куда теперь пойти. То есть неожиданно появилась цель. Но пока что он заговорил с Тоней, спросил, как поживает Анастасия Сергеевна, ее мама, та самая врач-терапевт, которая лечила от простуды его бывшую жену Валентину.

— А ты б зашел да проведал ее, — ответила Тоня с улыбкой. — Она тебе сама и расскажет.

— Зайду, конечно, — пообещал он, тоже улыбнувшись. — Причем, сдастся мне, очень скоро! — И помахал рукой: — Ну, пока, Тонь! Я к брату.

И, чувствуя, как свежо стало на душе от этого короткого разговора с ней, свернул в сторону дома, где жил Владимир. Это и была неожиданно появившаяся цель: навестить его.

6

Ведь неправильно это — подолгу не бывать друг у друга. Родные же братья! Значит, и контактировать должны, как братья, на всю катушку, а не только в течение считанных минут на пересменах!

Так он весело думал, шагая навстречу заметно поутихшему ветру. Да и небо посветлело, уплывали последние мрачные тучи, оставляя над головой сияющую молочную белизну. По пути он зашел в магазин, купил на оставшуюся купюру шоколадных конфет, племянницам, и ходким шагом быстро пришел к дому, в котором жил Владимир. У подъезда стояла его новенькая серебристая иномарка. Значит, брат дома. А если собрался куда-то ехать, ничего: навестить его можно и кратко.

Когда Владимир открыл дверь и увидел Федора, он на мгновение замер, как бы опешив, но тут же заулыбался и пригласил

сил его жестом в квартиру, а когда он вошел, пожал ему руку. Братья были совершенно не похожи друг на друга, хоть у Владимира такие же светлые волосы, правда, не кудрявые, как у Федора, а прямые. Однако лицо старшего здорово отличалось от худощавого, чуть вытянутого лица младшего, было округлым, можно сказать, упитанным, а изящно гнутые брови и довольно пышные баки придавали ему какой-то интеллигентской, что ли, степенности, так что на первый взгляд и не сказать было, что он по профессии слесарь: его можно было принять, пожалуй, и за какого-нибудь начальника. Но выражение лица у Владимира было простецким, добродушным. Он смотрел на Федора, всё улыбаясь, и спрашивал:

— Ну как ты? Что нового?

А Федор, не желая вносить в эту чистенькую уютную квартиру своего морального сора, отвечал с улыбкой человека, абсолютно довольного жизнью:

— Да всё в норме. Вот, зашел проведать.

— Ну, проходи, — по-прежнему улыбаясь, указал рукой в комнату Владимир. — Сейчас обедать будем. — И, обернувшись, крикнул: — Лера! У нас гость. Доставай еще один прибор!

Федор снял куртку и кепку, повесил на вешалку и, скинув грязные свои сапоги, надел тапочки, предназначенные для гостей. Братья вошли в комнату, и только тут Федор обратил внимание, что Владимир одет в светло-синий шерстяной спортивный костюм. И жена его была в таком же костюме. Она вышла из кухни, глядя на Федора тоже с улыбкой и, приветливо с ним поздоровавшись, сказала:

— А мы, Федя, в лес собрались. Последних грузочков пособирать.

Она всегда была с ним приветлива и улыбчива, впрочем, как и со всеми, и Федору порой думалось, что на ее характере сильно сказывается ее работа воспитателем в поселковом детском саду, и все люди для нее — дети; и ко всем она, как к детям и относится. Вот и на него смотрит ласково, с доброй улыбкой, вроде как не замечая, что он помят, небрит и нечесан, и говорит ему так же ласково, как ребенку:

— Поедешь с нами, Федя, а?

— С удовольствием! — отвечал он, улыбаясь. — Мне это и кстати — подышать лесом... Кхм... А я вот конфеток вашим дочкам взял, — приподнял Федор целлофановый пакетик, который всю дорогу нес в руке. — Где они?

— В той комнате, — сказала Лера. — Иди, Федя, поиграй с ними, пока я накрою, — Пойдем, — повернулась она к Владимиру. — Поможешь мне.

И они ушли на кухню. А Федор вошел в другую комнату, детскую, где стены пестрили разноцветными рисунками и повсюду, в том числе и на двух аккуратно заправленных кроватках, лежали игрушки и куклы. И тут же раздались крики шестилетней Оли и пятилетней Ксюши:

— Дядя Федя!

— Здравствуй!

— Давай с нами играть!

Они сидели за столом. Стол был устелен цветными вырезками из бумажной детской игры. Федор, засмеявшись, быстро и нежно пожал ручки девочкам, положил пакетик с конфетами на край стола, придвинул к нему свободный стул и сел рядом с ними, светловолосыми, похожими своими красивенькими личиками и друг на дружку, и на Дарью Степановну, мать Владимира и Федора.

— О-о, я смотрю, у вас тут целый сказочный мир! — сказал Федор, окидывая взглядом вырезки. — И в нём обязательно должны происходить какие-то интересные события! Сейча-ас мы их и уви-идим... Та-ак...

И он стал выбирать вырезки, необходимые для сказочной истории, которая тут же начала складываться у него в голове. Он ничего особо не выдумывал, да этого и не требовалось, ему достаточно было вспомнить сказки из тех книжек, что читал Мише, а всё остальное получалось само собой: частицы этих сказок, сдобренные его фантазией, ладно выстраивались в одну сказку, и он рассказывал и рассказывал ее, не прерываясь и аккуратно, одна к одной, раскладывая на столе вырезки. И Оля с Ксюшей, притихнув и лишь изредка смеясь или с детским восторгом повторяя что-нибудь из сказанного Федором, слушали историю о Царе, который объявил войну соседнему государству и приказал своим войскам двинуться на него. И вот пошли строем рисованные солдаты, держа наизготовку ружья, а другие выкатывали пушки и посылали ядра на ту территорию, да только ее народ не сдался, и с той стороны в свою очередь загремела стрельба; сопротивление оказалось настолько сильным, что войску Царя пришлось отступать по своей земле, и всё могло бы закончиться для него полным поражением и изгнанием в глухие леса за пределы своего царства, если бы не один Кузнец-молодец, взявший на себя командование войсками; он сумел организовать оборону, остановил противника, а потом очень быстро и толково продумал план ответного наступления — за счет заработавшего на всю мощь тыла, где под его руководством заводские мастеровые с поразительной скоростью воплощали в жизнь его задумки. И теперь уже трудное время настало

для противника. В его стан летел выпущенный из метательной установки меч-саморуб, — стремительно вращаясь, как пропеллер вертолета, он поражал и поражал солдат противника, а потом возвращался подобно бумерангу по воздуху и падал возле той же установки, и его вновь заряжали и выпускали. А двое лошадей несли всадников, обходя с обеих сторон колонну вражеских солдат, и всадники накрывали ее сетью, которую женщины по распоряжению Кузнеца искусно сплели из тонкой гибкой сверхпрочной проволоки. Под этой сетью колонна превращалась в кучу малу, так что не только махать саблям или стрелять из ружей, но и пошевелиться не мог ни один солдат, и уже другие всадники, зацепив сеть крючьями, тащили ее, как наполненный рыбой невод, к себе в тыл, а там разоружали солдат и брали в плен. И прочие придуманные Кузнецом новшества помогали одолевать противника, и в конце концов он был побежден и изгнан с родной земли, но поскольку страна была разрушена войной, необходимо было ее восстанавливать, и пришлось Кузнецу и в этом деле взять всё в свои руки. Что касается Царя, то ничего не оставалось, кроме как посадить его в каземат, но Кузнец все-таки был добрым по характеру, и обеспечил ему не тюремный, а курортный режим, оздоровительный на все сто, с отличным питанием; однако до безделья не допустил, а на полезный труд обрек, заставив освоить профессию сапожника, которая неожиданно приглянулась Царю по душе; да плюс еще и большой дар обнаружился в нем к этому делу, так что по несколько пар отличнейших сапог выходили из-под его рук ежедневно и раскупались влет по баснословным ценам — не потому что изготовил их Царь, а потому что они и на вид необыкновенно красивы, и сноса им нет. Кузнец же руководил восстановлением страны, и Федору было очень кстати, что именно в этот момент, а не раньше его позвали за стол, ибо теперь можно было, быстро дав указания на дальнейшее, оставить девочек одних, чтобы они, угощаясь конфетами, увлеченно продолжали восстанавливать страну самостоятельно.

Он вошел в большую комнату, сходу сел на ближнее место за накрытым столом и, мгновенно ощутив сильнейший голод, взял вилку и стал есть салат из стоящей перед ним тарелочки, чувствуя себя здесь, в квартире брата, абсолютно свободно, как у себя дома. И до чего же вкусной была для него эта первая на сегодняшний день еда, эти мелко нарезанные свежие овощи! Он поглощал их с наслаждением, реально ощущая, как сразу начинают прибывать силы. И продолжал бы есть, если б над столом не прозвучал веселый дружелюбный голос сидевшего напротив Владимира:

— Федь, да погоди! Ты кое-что важное забыл!

Он поднял взгляд от тарелочки и увидел в руке брата бутылку водки, которую тот подносил к стоявшей перед ним рюмке (то ли Федор не заметил ее сразу, то ли она была поставлена вот только что, секунду назад). Он замер, перестав жевать. И на фоне наполнявшейся рюмки отчетливо увидел еще один эпизод из видеозаписи Студента: такая же прозрачная струйка льется из бутылки «Столичной» в стакан — перед его плаксиво сморщенным лицом со свежеразбитой нижней губой (они вроде как в шутку «побоксовались» с жестианщиком). И это лицо, его собственное лицо, пьяное лицо, опять же до того омерзительно ему, что в нём мгновенно вскипает и омерзение к сруйке, что наполняет рюмку, стоящую перед ним. Какое-то затмение находит на него, всё меркнет перед глазами, и он, толком ничего не соображая, кладет на стол вилку, вскакивает и, с мучительным усилием над собой дожевывая салат, идет из комнаты, успевая услышать что-то из сказанного братом и его женой. Он чувствует, что ведет себя неправильно, и понимает, что надо взять себя в руки и остановиться да спокойно всё объяснить, но мощная неведомая сила, одолеть которую он не в состоянии, выносит его в коридор, где он скидывает тапки, надевает свои грязные сапоги, срывает с вешалки куртку, хватается за кепку, затем после краткой борьбы с дверным замком, выскакивает в подъезд, а из него — на улицу, и там, на ходу надев кепку и куртку, быстро шагает и шагает наугад по поселку, покуда не стираются в сознании кадры убийственной видеозаписи, и только тогда замедляет шаг, и теперь уже ему видятся недоуменные лица Владимира и Леры, их все-таки успел схватить его взгляд. Он вспоминает то, что говорили они ему вслед. Брат сказал: «Ты больше не принимаешь, что ли? Ну так и молодец! А что ж сразу-то не предупредил?!» А его жена: «Феденька, но ведь тебя никто не заставляет. Садись, садись, кушай!» И на мгновение возникает желание вернуться, но он идет и идет дальше, думая: «Нельзя! Ни в коем разе!.. Ничего страшного... Завтра всё объясню им... Ну, братан! С чего это взбрело ему налить мне? Раньше-то не наливал... Сам, конечно, как всегда, пить не стал бы, водка только для гостей и стоит у него в холодильнике... Как это он сказал? Мол, я забыл кое-что важное?... А вот ни черта это уже не важное для меня!»

И вдруг у него в груди вскипает радость и поднимается мощной волной, заставляя подпрыгнуть на ходу и заорать во все горло:

— Ха-а-а-а!

И дальше он идет, обуреваемый этой радостью. И думает: «Вот оно то самое, о чём мечтал, но достичь не мог... А теперь пришло...» Чувство освобождения от *зависимости* отрадно. Сила, рождённая абсолютной внутренней свободой, неимоверна. Не может быть ничего нерешаемого при таком вот состоянии — когда, кажется, способен поднять мир и протрясти его для избавления от худого. И вновь его пробивает страшный голод, и он рванул бы домой, если б не чувствовал необходимость выплеснуть сгусток эмоций, разрывающих грудь, а то еще чего доброго «выскочит» сердце. И он идет дальше еще быстрее, вновь приближаясь к заводу. И видит сбоку от него идущих навстречу вдоль бетонного забора Тоню и ее маму Анастасию Сергеевну. Они несут по две большие сумки. Подойдя к ним, Федор останавливается, здоровается с Анастасией Сергеевной и говорит весело:

— Дачные плоды урожая? Давайте мне их все, донесу.

— А не тяжело будет все? — говорит Анастасия Сергеевна.

— Да мне чем тяжелей, тем лучше!

Он берет у них сумки и несет по две в каждой руке, стараясь не гнутья. И правда, тяжело. Но эта тяжесть еще больше веселит его, и он живо разговаривает с ними о дачных делах и прочем, поглядывая на Тоню и думая: неспроста ведь она не в первый уже раз встречается ему сегодня. Может, кто-то наверху специально для него это и подстраивает. И вдруг мелькает мысль, которой никогда еще не было и в помине при взгляде на Тоню, и она поражает его и даже вызывает нечто похожее на испуг, так что он и до сознания ее не допускает, а только чувствует: надо сказать ей что-то такое, что продолжит эту встречу, не даст расстаться с ней, как дойдут; и лихорадочно соображает, что же сказать, но в голову, как назло, ничего не идет, должно быть, из-за невесть откуда взявшейся робости, похожей на ту, что одолевала его в те дни, когда у него в квартире лечилась от простуды Валентина. И как ни старается он идти медленней, продолжая мучительно и тщетно соображать, но вот уже и их дом. И их подъезд. Он вносит в него сумки, ставит возле двери на первом этаже и говорит тихо, со вздохом:

— Ну, всё... Пошел я... Счастливо...

И поворачивается, чтобы уйти, но слышит голос Анастасии Сергеевны — и насмешливый, и властный:

— Ну надо же, пошел он! А ну поднимай плоды урожая, как ты говоришь, и заноси!

Она открывает ключом дверь и распахивает ее, и Федор, обернувшись и скользнув взглядом по смеющемуся лицу Тони, поспешно, как бы исправляя оплошность, хватает за

ручки сумки и вваливается в квартиру так быстро, словно его туда впихнули.

7

Теперь у него есть время найти способ продолжить встречу с Тоней, и пока Анастасия Сергеевна обильно потчует его обедом, он, наслаждаясь сначала салатом, таким же, какой не доел у Владимира, потом борщом со сметаной, а следом биточками с рожками, всё думает и думает, куда лучше ее пригласить. А Тоня сидит, тоже обедая, напротив него, за столом в большой комнате. Ему, наконец, приходит в голову неплохая мысль. В этот момент из кухни доносится мелодичный звук смартфона и слышится голос Анастасии Сергеевны. Через полминуты она входит в комнату с двумя чашками, в которых дымитесь чай, ставит их на стол и говорит Тоне:

— Я схожу к Ломовым, мне Софья позвонила. С их дочкой что-то неладно.

Она приносит еще сахарницу с ложечками и две вазы, одну с вареньем, другую с конфетами. И берет с тумбочки у окна свой неизменный коричневый саквояжик с медицинскими принадлежностями. А Федор спрашивает у нее:

— Анастасия Сергеевна, не будете возражать, если я приглашу Антонину в парк культуры на воскресные мероприятия?

Куда только и делась его робость. Он доедает биточки с чувством некоторого уже пресыщения и ощущает в себе силу, превосходящую ту, что вынудила его подпрыгнуть и заорать, когда он стремительно шел по поселку от брата.

— Это, Федя, не по адресу! — смеется Анастасия Сергеевна. — Хоть, может, ты и прав. Уважение к старшим всегда уважительно. И я отвечу тебе честно. Я — не против. Но главное — как она!

— Я против! — весело и как-то озорно говорит Тоня, и ее мама восклицает:

— О как! — И мгновенно перестает смеяться и строго спрашивает: — Почему?!

Всё начинает меркнуть внутри у Федора, и он остро ощущает весь свой непрезентабельный вид — с этой проклятой небритостью, нечесанностью, неглаженностью. Но тут же снова всё осветляется в нём быстро сказанными Тоней словами:

— А потому что я предлагаю поехать не в парк культуры, а в конный клуб!

И смотрит на Федора с улыбкой.

— Ну, вы тут решайте, а я пошла, — быстро говорит Анастасия Сергеевна, и добавляет Тоне: — Свои ключи я возьму.

И уходит.

— Ну так что? — спрашивает Тоня. — Ты к лошадям как?

— Отлично!

— А умеешь?

— Еще бы! В армии вволю поездил верхом!

— В кавалерии, что ли, служил?

Федор хохочет и подробно рассказывает за чаем, как в армии они с двумя приятелями-связистами постоянно носили пищевые отходы для свиней одному жившему неподалеко от их части деду, а у него были еще и верховые породистые лошади — жеребец и три кобылицы, которые стабильно плодили жеребят, и он продавал их совхозам. Армейцам же давал вволю погонять в седлах на лошадях. Да и в тех далеких, малообжитых местах, степных, лесных, таежных, где после службы работал на стройках, ему немало довелось поездить верхом.

— Так что меня этим не напугать! — говорил он, попивая чай и глядя в большие серые, весело блестящие глаза Тони.

— Значит, едем?

— Само собой! — отвечает Федор, глядя на свои наручные часы, которые не снимал со вчерашнего дня, и радуясь, что времени-то, оказывается, лишь начало первого: считай, и день, и вечер впереди!

Бросив в рот печенюшку, он допивает чай и встает из-за стола:

— Через полчаса буду!

8

Прибежав домой, на предельной скорости побрился, помылся под душем, надел чистое белье, просушил волосы феном, аккуратно замазал кремом ранку на губе, разыскал всё необходимое для конной прогулки: джинсы, рубаху, свитер, штормовку, кирзовые армейские сапоги, кепочку сродни жокейской, и такая у него была. И, одевшись во всё это в считанные секунды, как по тревоге, тщательно причесался перед зеркалом, взял проездную карту, паспорт, деньги, сказал матери, глядевшей на него в изумлении, что идет заниматься спортом, и бросился к Тоне опять же бегом, так что полчаса и не потребовалось, хватило восемнадцати минут, он засёк.

Она ждала его, сидя на скамейке у подъезда. На ней была болониевая синяя куртка и черные брюки, заправленные в черные кожаные сапожки на сплошной подошве, а на голове — красная вязаная шапочка.

— И где же это у нас конный клуб? — весело спрашивал Федор, когда шли к остановке автобуса. — Что-то я про него не слышал. Ипподром, знаю, есть. Недалеко от центра.

— Его там уже нет.
— Как так? Ничего себе, я отстал от жизни!
— Теперь в городе другой ипподром. А конных клубов не-
сколько. Мы поедем в ближайший. Он почти за городом, но
автобус туда ходит, три остановки всего.

— Подумать только, я и этого не знал...
И так они шли, разговаривая, к автобусной остановке,
мимо общежития. А возле него стоял Саня Ефимов по про-
звищу Студент и, глядя на них, говорил стоявшей рядом по-
жилой вахтерше:

— Смотрите, Светлана Васильевна, на преобразившегося
Федора Иваныча Тимофеева! Кто, по-вашему, автор этого
пигмалионского деяния?

И, не дожидаясь ответа, ткнул себя пальцем в грудь. И
коротко рассказал о том, как снял на смартфон пьяного Фе-
дора, а потом показал ему.

— Слушай, а ведь и правда! — всплеснула руками Светла-
на Васильевна. — Я сама видела вот прямо отсюда, как они
во-он у того дома с Петькой Рыбиным стояли, и он Феде ста-
кан налил, а тот и пить не стал!

— Вот, вот! Получается — надежный рецепт от алкоголизма!
Жаль, что это не мое изобретение, а то бы я на него патент
оформил! Мне одноклассник по институту рассказывал, как
он от кого-то услышал, а тот вроде тоже где-то слышал или
читал. В общем, одного алкаша засняли в угаре, невменяе-
мым, а потом показали ему съемку, он и бросил. Навсегда!

— Ну, ты молодец, Саша!

— А я буду продолжать! — захохотал студент своим зыч-
ным хохотом. — Следующим Петьку Рыбина и подкараулю!
А потом поочередно и других наших злоупотребляющих. Ста-
ну народным наркологом! Обо мне еще в газете напишут! Да-
да! Ломов напишет!

9

Как ни странно, погода неожиданно стала стремительно
меняться к лучшему, и когда Федор и Тоня вышли из автобу-
са и направились к видневшемуся над деревьями серебристо-
тому металлическому сооружению с закруглённой крышей,
похожему на ангар для ремонта самолетов, небо уже почти
очистилось, радуя своей светлой дымчатой голубизной, ве-
тер поутих, и солнышко приятно согревало лица последним
осенним теплом. На этот солнечный свет они и вывели ло-
шадей из «ангара», который на самом деле был конюшней со
множеством денников. Тоне досталась вороная, Федору гне-
дая. Они вели этих красавиц за уздечки, шагая рядом по за-

сыпанной песком площадке, где несколько девчат ездили верхом на таких же красивых и ухоженных лошадях, кто рысцой, кто шагом.

Выйдя из ворот и вскочив в седла, поскакали сначала по бугристой дороге, ныряющей в рощу, а когда выехали из нее, помчались во весь опор по полю, что раскинулось до леса, темневшего узкой полоской вдаль у горизонта. Потом, уняв первый порывистый пыл, ехали шагом, разговаривая, и Федор узнал, что к верховой езде Тоню приучил ее покойный отец Василий Игнатьевич. Он, как и мать, был врачом по профессии: они вместе учились в мединституте. Федор хорошо помнил Василия Игнатьевича, да и не могло быть иначе, ведь из жизни он ушел не так давно: коронавирус забрал. Он до безумия любил спорт, был болельщиком всех видов, и сам вел безукоризненно здоровый образ жизни, не стеснялся по выходным гонять футбол со школьниками или играть в волейбол со школьницами и каждое утро делал пробежки между домами их поселка, в котором они с Анастасией Сергеевной оказались по распределению, не очень-то желанному для него, поскольку учился он на хирурга. Но здесь им сразу дали квартиру, и первые три года ему пришлось отрабатывать врачом поселкового здравпункта, потом уж он перешел на работу в областную больницу, по своей специальности.

— А почему ты по их пути-то не пошла? — спросил Федор.

— Да как-то не чувствовала призвания к медицине, — ответила Тоня. — Хотелось чего-то другого. Ну и не было никакого желания учиться до упора в школе. Вот и пошла после девятого класса в индустриальный техникум.

— Ну и как, довольна?

— Очень. Мне нравится работать с людьми. Ну что, равнем еще?

— Конечно!

И опять неслись по полю, и в груди у Федора бушевало, поднимая его на огромную высоту, необычайно радостное чувство, знакомое лишь тем, кому хоть раз в жизни доводилось мчаться в седле на полном скаку. Его опьянял этот густой воздух с дурманящими запахами дикого поля, и сладостно щемило на сердце, когда он смотрел на скаку в лицо Тони, горевшее ярким румянцем. Она, смеясь, то и дело обгоняла его, тут же отставала и опять обгоняла, оглядываясь и что-то весело крича. И теперь он видел: лицо-то у нее, оказывается, красивое, зря он считал его не очень выразительным.

Они доскакали до леса, и там Федор вспомнил слова жены брата о «последних груздочках» и сказал Тоне. Они спешили и вошли в лес, ведя под уздцы лошадей, а потом привя-

зали их к березкам и, разгребая хворостинами палую листву, обследовали всё в радиусе метров тридцати и нашли десятка полтора довольно крупных и крепких, абсолютно не червивых груздей. Федор аккуратно срезал их складным ножом, который всегда лежал в кармане его штормовки на случай поездки в лес, и складывал в пластиковый пакет: его Тоня достала из кармана своей куртки. Потом она достала из другого кармана полиэтиленовый мешочек, и они нарвали шиповника. И, опять вскочив в седла, носились и носились по полю, так что когда возвращались в конный клуб, чувствовали усталость, и в автобусе ехали, расслабленно отдыхая. Но разговаривали без умолку.

А на улице стоял всё тот же солнечный день, и они, расставшись опять же не более чем на полчаса, встретились на остановке, одетые по-выходному, и поехали туда, куда вначале предлагал Федор, в парк культуры. А там всюду шли «воскресные мероприятия», и они от души в них поучаствовали: стреляли по мишеням из лука на травяной поляне, состоялись в летнем кафе в «Конкурсе поваров» с четырьмя парами и заняли второе место, на славу сготовив винигрет и макароны по-флотски, в чём, конечно же, основная заслуга принадлежала Тоне. А потом Федор принял участие в «Конкурсе слесарей». Вместе с такими же, как и он, молодыми людьми стоял за железным столом с пятью маленькими тисками и собирал замок из деталей, грудой лежавших посередине. «Фишка» состояла в том, что надо было не только правильно подобрать детали, но и изготовить недостающую из заготовки, которую тоже надо было правильно выбрать. И Федор быстрее всех собрал замок, а затем, ловко орудуя напильником, выточил деталь, вынул ее из тисков, уместил в замок, вставил в него ключ и легко провернул туда и обратно, так что все увидели: работает отлично. Ему заплодировали. И он получил первый приз — шикарный набор алмазных надфилей.

— Да ты, Федя, оказывается, мастер своего дела! — со смехом и в то же время уважительно говорила Тоня, когда шли дальше по парку.

— Да-да... — пробормотал он и нахмурился, вспомнив, что его, «мастера своего дела», увольняют по статье, но сразу отогнал это и сказал: — Пойдем-ка во-он туда. Там должно быть о-очень интересно!

И они пошли к стоявшему сбоку от аллеи довольно большому и красиво (хоть и несколько мрачновато) разукрашенному строению, бесформенному, похожему на удлинённую гору. Это была «Территория страха». Они въехали в нее на

гремящем по рельсам двухместном сиденьице и очутились во тьме с мигающими огоньками, и поползли в грохоте железных колес витиеватым путем с крутыми и частыми поворотами. Слух раздирал то вопль, то визг, то отчаянно заоравшее и тут же затихающее карканье. И вспышки разных цветов, кроваво-красного, синего, желтого, выхватывали из тьмы всякого рода страшилищ, а те пилились на них безумными глазами и, казалось, готовы были броситься когтями вперед, так что Тоня, ухватившись за руку Федора выше локтя, испуганно прижималась к нему, а он хохотал и кричал сквозь грохот и всю эту кошмарно-адскую какофонию:

— Да это же весело! Мы в сказке! Навроде той, что я рассказывал сегодня своим племянницам!

Она тоже хохотала, как бы поддерживая его, а когда выехали на дневной свет, говорила, улыбаясь и вставая с сиденьица:

— Но лучше бы все-таки отправиться в сказку другую, не страшную, а счастливую...

— Согласен, — сказал Федор, тоже вставая. — Но пока что предлагаю пройти на территорию, противоположную страху!

И повел ее в «Комнату смеха».

Из нее они вышли с хохотом уже другим, легким. Он спрашивал:

— А вот то зеркало, в котором я был похож на грушу, как оно тебе?

— Да как, — отвечала она. — Не хуже, чем то, где я была тощей, как метелка, и кривой, как вопросительный знак!

Когда просмеялись, она спросила, вытирая платочком набежавшие слезы:

— А что это за сказку ты сегодня рассказывал племянницам?

Он пересказал ту сказку, и она отметила:

— В тебе, Федя, явно живет хороший семьянин.

— Не знаю, — пожал он плечами. — Пока всё как-то не получалось... О! Слышишь, музыка заиграла? Это на летней эстраде. Пойдем туда!

И они пошли смотреть концерт артистов областной филармонии. После него настроение у Федора стало просто чудесным, и когда вышли из парка и пошли по улицам города под начинающим темнеть небом, он весело балагурил, рассказывал что-нибудь интересное, и с удовольствием слушал Тоню. А вокруг постепенно зажигались фонари, и они все шли и шли, разговаривая и не замечая, что идут уже по центру города, и остановились только у драмтеатра, а там поспрашивали густо стоявших у входа людей и взяли два лишних

билета. И сидели в театральном буфете и пили кофе с пирожными, разговаривая и разговаривая, а потом смотрели спектакль, насквозь пронизанный любовью, и когда ехали в автобусе, обсуждали его, не замечая за собой, что об одной только любви и говорят.

Когда приехали в поселок и в свете фонарей и окон дошли до ее подъезда, она сказала, улыбаясь:

— Ну что, до завтра?

— Да, — кивнул он. — Утром увидимся.

— Почему утром? — удивилась она.

— А я в отдел кадров приду. За трудовой книжкой.

— Не поняла...

— Увольняют меня, Тоня.

— Как так? — изумленно спросила она. — Кто это тебя увольняет?

— Акимов.

— За что?!

— Узнаешь завтра, — усмехнулся он. И помахал ей рукой: — Спокойной ночи!

И, повернувшись, быстро пошел, не слушая, что она там еще говорит ему вслед. Он был настроен предельно серьезно, и знал, что завтра поедет искать работу, и верил, что ему повезет, хоть, конечно, сложно рассчитывать на что-то с «горбом» в трудовой, но главное — он чувствовал себя так, как в те не столь уж давние времена, когда был свободен от пьянства, и теперь с укором и издевкой над собой вспоминал, как после ухода Валентины всё не выдерживал и не выдерживал постоянно одолевавшей тоски, и при всём своем отворачивании к «бухлу» все-таки заливал ее, покуда водка не стала идти легко и отворачивание к ней не сменилось тягой. В конце концов тоска прошла, а тяга осталась, и он, сам того не заметив, влился в когорту пьющих и уже не в силах был «завязать», хоть и вернулось желание обзавестись семьей. И было несколько попыток. Первая — с молоденькой лаборанткой из техотдела, взгляд которой два раза поймал, когда она по каким-то своим делам проходила через арматурный цех. В третий раз поздоровался с ней, и она ответила ему с приветливой улыбкой. А чуть позже и заговорил. Потом предложил встретиться, и встреча прошла на «отлично», с просмотром кинокомедии в Доме культуры «Железнодорожник». Безусловно, всё могло бы так же хорошо продвигаться дальше, если бы после того, как он, «посидев» с шоферами в заводском гараже, не встретил ее, в стельку пьяный, по пути домой. Ему рассказывали потом, как он мычал, приближаясь к ней и пытаясь что-то сказать, а она

в ужасе отшатывалась. И сразу как отрезало — она больше ни разу даже не поздоровалась с ним.

Второй была так же работница их завода, постраше, чем он, разведенная, но бездетная, технолог по бетону. Она пригласила его к себе в однокомнатную квартиру, а он по неосторожности взял не поллитровую, а литровую бутылку водки, да не рассчитал и проснулся утром на полу, одетый, и слышал ласковое: «Вставай, Федя. Пора тебе на работу». Он спросил, садясь и поправляя под собой половик: «Вместе пойдем?» Она огорченно ответила: «Нет. Я со вчерашнего дня в отпуске. Надеюсь, и ты возьмешь отпуск, и мы проведем его вдвоем, да вот не получается».

Он решил, что непьющие невесты не по нему, и следующей была пьющая, кладовщица из вагоно-ремонтного депо. Несколько раз они с ней весело выпивали в его комнате, а в тот злополучный последний раз выпивки не хватило, и он отправил ее в магазин. Долго ждал, но не дождался, и пошел искать, и увидел в распахнутое окно кухни одного из соседних домов, как она выпивает со случайно встретившейся в магазине знакомой. Он залез в окно, собираясь проучить ее, но она была крупной, сильной, и он потом долго ходил с расцарапанным лицом.

А последний его «роман» закончился в минувшую пятницу и, по сути, стал причиной того, что начальник цеха Акимов решил уволить его по статье. Ему и вспоминать этого не хотелось, до того паршиво всё получилось с Томкой, бывшей штамповщицей механического завода, почти ровесницей, но дважды побывавшей замужем, с двумя детьми. Она была симпатичной и вроде неглупой, но пьющей, как выяснилось, уже без перерывов. И умудрилась прийти к нему на завод пьяной, в рабочее время, и ему пришлось под смех мужиков выводить ее из слесарки и вести через заводскую территорию, и потом затаскивать в автобус, уже спящую, а когда доехали, тащить до дома, понимая, что бросать нельзя, надо обязательно доставить. И он доставил ее и передал открывшей дверь и заохавшей бабушке. А потом, прежде чем сесть в автобус, зашел в магазин и взял «для снятия стресса» две бутылки водки и закуску, рассчитывая, что выпьет в слесарке с мужиками. Но никто в этот раз не поддержал его. Видимо, чувствовали опасность после недавнего всеобщего громового «противоалкогольного» нагоняя от начальника цеха Александра Владимировича Акимова. И Федор пил в одиночку. Но перед тем, как выпить, спрашивал по очереди каждого из сидевших в слесарке: «Вмажешь?» Все по очереди отказывались. И тогда он спрашивал, ткнув палец себе в грудь: «Вма-

жешь?» И, кивнув, говорил: «Угу». И вмазывал. И навмазывался до того, что когда в слесарку вошел Акимов, сидел уже «готовый», не в силах пошевелиться, и только тупо смотрел на него, когда он сел рядом на стул и, улыбаясь, произнес, как ему казалось, с торжеством: «Ну что, Федя? Вот и приехали. Сколько я тебя предупреждал?.. Тетя Даша приходила просить за тебя, и я пошел ей навстречу, но тепе-ерь...» И далее в том же духе, а в конце: «В общем, тете Даше, Федя, передавай привет!»

Как только он ушел из слесарки, Федор «добавил», лег в ящик с ветошью и, поспав, взял остаток водки и отправился домой — допивать и отсыпаться. Авчера, в субботу, проснулся среди дня и пошел в общежитие, где в одной из комнат с распахнутой настежь дверью шумело пьяное веселье. Он сразу включился в него, и вот тогда-то непьющий Студент снял его на свой смартфон во многих эпизодах.

И сейчас, когда Федор шел по поселку домой, перед глазами у него мелькнул еще один из тех кадров (что-то там связанное с гирей, которую он пытался поднять, сильно шатаясь), но мелькнул лишь на мгновение: он сразу легко отогнал его. И почувствовал себя прочно вернувшимся в то свое давнее внутреннее состояние, в котором пребывал, когда выпивка была ему не нужна, когда она ничего, кроме отвращения, не вызывала.

Подходя к подъезду, Федор с улыбкой посмотрел на освещенное из окон дерево, которое упало вчера кроной на крышу от ураганного ветра, а теперь стояло прямо на распорках. И подумал, что вот так же и его, вконец было завалившегося, все-таки удержала жизнь. И теперь надо просто стоять да стоять — вот так же прямо, как это дерево. Ему вспомнилась надпись на стене слесарки: «Жизнь минус Надежда». Он засмеялся и сказал вслух:

— Ну уж нет! Теперь только плюс!

Когда мать открыла ему дверь, он вошел, пожал ей руки двумя руками, достал из кармана плаща красный платмасовый футляр с алмазными надфилями и показал ей:

— Смотри, мам, какой сегодня я выиграл приз!

И сразу ушел в свою комнату, чтобы через считанные минуты провалиться в глубокий сон.

10

Проснулся он в превосходном настроении. Да и самочувствие было отличным. Хотелось как можно скорей забрать трудовую книжку и ехать искать работу. Конечно, вспоминалось, как вчера они отдыхали с Тоней, и когда умывался,

брился и одевался, а потом шел по улице, чувствовал себя просто счастливым. Еще не совсем рассвело. Было довольно холодно, и с неба начинал падать первый снег.

Он пришел в заводоуправление и поднялся на второй этаж, но дверь отдела кадров была заперта. Прошедшая мимо крупная пышноволосяя женщина, главный бухгалтер, сказала, что начальница в отпуске и за нее инспектор, Антонина Иванова, а она, видимо, ушла на завод по делам.

Пришлось ждать в коридоре.

Через некоторое время со стороны лестницы появился Ломов в своей брезентухе сварного. Увидев Федора, он закричал:

— Ты что здесь делаешь?! — И быстро подошел к нему. — А ну-ка давай, Федя, бегом в цех!

— Мне туда незачем, — спокойно сказал Федор. — Я уволен.

— Это могло произойти, — кивнул Ломов, мгновенно переходя на такой же спокойный тон. — Мне и Акимов так сказал, когда я к нему в кабинет зашел спросить, где слесарь, мне там кое-что сделать надо. А он говорит: «Я увольняю его по статье». И показывает распоряжение. Я говорю: «Как так? Он вчера, в выходной, помогал мне прутки резать!» И тут заходит Антонина из отдела кадров и спрашивает его: «За что увольняете Тимофеева?» Ну, он и ей эту бумагу показал. И как давай она тебя отстаивать! Мол, он такой хороший слесарь, вчера победил в конкурсе... Ты мне, кстати, потом расскажи про это, я в газету напишу... В общем, уговаривает, чтоб тебя не увольнял под ее ответственность. Представляешь? Ну, Акимов слушал-слушал, да как захочет! И порвал распоряжение. В общем, давай-ка, Федя, беги срочно в цех!

— Бегу, Саша, бегу! — засмеялся Федор. И до чего ж легко ему сразу стало!

— А мне — сюда, — взялся Ломов за ручку двери бухгалтерии.

— Как там твоя дочка? — поинтересовался Федор. — Что с ней случилось?

— А, ты в курсе... Да глаз у Танюшки засорился, плачет и плачет, сил нет. И мы с Софьей ничего не можем сделать, как ни пытаемся. Ну и пришлось обратиться к нашему уважаемому врачу, Анастасия Сергеевне. А она, конечно, спасибо ей, в один миг справилась, вынула песчинку... В общем, давай, давай, Федя! Вперед!

Он скрылся за дверью бухгалтерии, а Федор отправился на завод. На улице было уже светло. Он неся бегом, разго-

няя снежинки, ведь получалось, что опоздал на работу. В цех не вошел, а ворвался. И быстро пошел по проходу в шуме, треске, звоне мимо работающих сварщиков по правую сторону и рихтовщиков с резчиками и петельщиками по левую.

— Приве-етствую вас, Федор Иваны-ыч! — кричал от своего станка Саня Ефимов по прозвищу Студент. — Уделите мне сегодня немножечко времени, пожалуйста! У меня к вам вопрос по работе!

А навстречу шла Тоня. Увидев его, заулыбалась, остановилась. А он, глядя ей в глаза, быстро-быстро проговорил:

— Всё, всё, уже знаю, уже в курсе, уже опоздал... как бы не уволили за опоздание... Бегу, бегу, бегу..

— Приходи ко мне после работы, — сказала она, всё улыбаясь. — Я буду ждать.

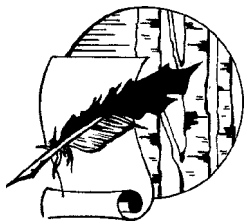
— Приду! — ответил Федор, быстро обнял ее и пошел дальше.

Когда проходил мимо кабинета начальника цеха, из него вышел Акимов и, увидев его, закричал:

— Быстрей, Федя! Быстрей! Вертикалка стоит! Сейчас же переодевайся и ремонтируй!

Федор сделал на ходу успокаивающий жест рукой и поспешил дальше, мимо станков точечной сварки, за которыми трудились женщины. По пути он бросил взгляд вправо, на высоченную остекленную стену. За ней шел и шел снег. Там начиналась зима. А в душе у Федора начиналась весна.

г. Омск

Валерий ХАТЮШИН

ДОЛЯ ЗЕМНАЯ

* * *

Наверно, смешно и нелепо
в закатную верить зарю...
Смотрю на вечернее небо,
спокойно и долго смотрю.

Мне волосы ветер полощет
и полнится взгляд синевой,
я вижу яснее и проще
прошедшее перед собой.

Ведомый велением вышним,
прорвал я соблазны греха.
Что было никчемным и лишним, —
отсеялось, как шелуха.

Испытан земной маятою,
я с ней расквитался давно.
Всему пережитому мною
меня пережить суждено.

И вот, не забывший о многом,
судьбу разглядевший свою,
безропотно, как перед Богом,
под небом вечерним стою.

Внимаю сердечной надежде
на эту живую зарю,
с любовью, неведомой прежде,
в предвечное небо смотрю.

4 июля 2006

ГОЛОС МОИХ ПРЕДКОВ

Это ж сколько ушло поколений
и сожглось отстрадавших сердец,
чтоб для ясных души озарений
я пришел в этот мир наконец!
Чтобы эти души озаренья
воспылали из тьмы вековой,
чтоб убитые мраком забвенья
наконец встали рядом со мной.
Чтоб отважно, спокойно, сурово
голос предков из праха восстал,
чтоб заветное русское слово
я жестокому свету сказал.
Да, трудились они не напрасно
до меня на российской земле.
И страдали они не безгласно,
и не сгнули глухо во мгле.

6 февраля 2010

* * *

Помню сибирский смертельный мороз,
помню тайги комариную пытку...
Там возмужал я и духом возрос,
гордость и горечь впитав до избытку.

В сердце осталась большая страна:
Мышкин, Тернополь, Елабуга, Тарту...
Возле костра трепетала струна,
волжская нежно плескалась волна...
Жить безоглядно хватало азарту.

Крым, Коктебель, голубая вода...
Рижский залив, штормовая стихия...
Помню то светлое время, когда
голосом Зыкиной пела Россия...

17 июля 2012

* * *

Бога об одной просил награде.
Ждал одной любви до седины.
Всё отдал, со всем расстался ради
высоты духовной глубины.

Этот свет сберёг в себе до гроба.
Были вопли недругов смешны —
не слышна была чужая злоба
в небесах духовной глубины.

Должен был и смог не оступиться,
встав на самом гребне крутизны,
чтобы не упасть и не разбиться
с высоты той самой глубины.

23 сентября 2012

* * *

Беспощадный, коварный и подлый,
вот он, Запад, во всей срамоте.
Европейцев содомские кодлы
мир толкают к последней черте.

С острой болью взирая на это,
в новом смраде фашистской чумы
беспокойное сердце поэта
мир спасает от гибельной тьмы.

И за высшие смыслы в ответе,
Бог простит наш расколотый свет,
если будет, как прежде, на свете
хоть один гениальный поэт...

13 апреля 2014

МОЯ ЗВЕЗДА

Сияла мне в снегах Сибири
и в жёстких северных снегах,
светила мне с небесной шири
звезда на дальних берегах...

И где б моя ни шла дорога,
вела меня звезда одна —
неугасима, ясноока,
при всех ненастьях мне видна.

Я шел за ней не понапрасну..
В удушьё нервной маяты

не позволяла сердцу гаснуть
звезда любви, звезда мечты...

Пусть жизнь глаза мои остудит,
пусть суждено стихам истлеть...
Но здесь, когда меня не будет,
она останется гореть.

И в мире горнем, может случиться, —
всё так же будет мне светить...
Лишь только с ней мне не расстаться.
Друг другу нам — не изменить.

Тоске любви, мечте безумной
останусь верен навсегда.
В полях ночных, во мгле безлунной
сияй, гори моя звезда...

26 сентября 2019

НАГРАДА

Снова Россию ввергают
в смертную битву, и вновь
с фронта вестей ожидают
Вера, Надежда, Любовь...

Снова за русскую землю
льётся горячая кровь.
Богу молитвенно внемлют
Вера, Надежда, Любовь.

Как ни кроваво сражение,
сколько врага ни злословь,
в сердце смиряют озлобленье
Вера, Надежда, Любовь.

Детям и внукам поведай,
друг мой, и не прекословь, —
нас наградили победой
ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ.

23 октября 2024

* * *

Вот видишь — проходит пора звездопада,
и, кажется, время навек разлучаться...
...А я лишь теперь понимаю, как надо
любить, и жалеть, и прощать, и прощаться.

Ольга Берггольц

Когда приближается время прощанья,
рождается в сердце желание прощенья.
И память не спрячется от предвещанья
со всем, что любимо, навек разлученья.

И знание главное свыше нисходит,
как надо любить до последнего взгляда,
когда за порой листопада приходит
в холодном безмолвье пора звездопада...

30 октября 2024

* * *

Мой месяц ноябрь и дождливая осень...
1996 г.

Березовый лист закружил в вышине,
кленовый — неслышно ударился оземь...
Ну вот и вернулись нежданно ко мне
мой месяц ноябрь и печальная осень.

Так рано смеркается день за окном
и свет загорается в окнах напротив!..
Печальная осень унылым крылом
сокрыла недавние красок щедроты.

Как листья, осыпались жизни года,
но первая осень всё длится и длится...
Зачем-то ведь это случилось тогда —
печальной порою на свет появиться...

И жребий мой свыше, как видно, таков:
с осенней печалью навек обвенчаться.
Единственно, с кем ни в каком из миров
разлучному мне
никогда не расстаться...

2 ноября 2024

СВЕТ ЛИЦА

Неизбежен жизни край,
безнадёжен бег ее —
раздавай, не раздавай
сердце смертное своё.

Всех живущих ждет свой час.
Всем рожденным дан свой век.
Мы уйдем, но после нас
не иссякнут дождь и снег.

Не исчезнет запах трав,
шелест листьев, песнь скворца...
И бессмертно, мрак поправ,
сохранится свет лица —

в снимке на стене твоей,
в долгой памяти людской...
На кругах Вселенной всей
этот свет один такой...

Жизнь бушует в лоне дня.
Лес щебечет по весне...
Если вспомните меня,
помолитесь обо мне.

20 ноября 2024

ДОЧЬ ДАНТЕСА

Он к себе у французов не имел интереса.
Но Леони-Шарлотта, третья дочка Дантеса...

Словно пламя и тени от трепещущей свечи,
словно Божий Дантесу бумеранг с Чёрной речки...

Все слова о России он в семье запрещает.
А Леони-Шарлотта наш язык изучает.

Чутким сердцем вдыхает голос русской стихии
и читает, читает сына дальней России.

Вдаль она бы хотела улететь вольной птицей...
И отца каждым утром называет убийцей.

И во сне к ней приходит этот солнечный Пушкин...
Но Леони-Шарлотту в стены мрачной психушки

отправляет папаша до конца ее жизни,
чтоб не знать и не слышать страшных слов укоризны.

Он почёта достигнет, он сенатором станет.
Боль Леони-Шарлотты впредь в безмолвие канет.

И за восемь десятков жизнь Дантеса продлится.
Но Леони-Шарлотта перед смертью приснится...

30 ноября 2024

* * *

Л.Т.

«Шербургские зонтики»... Нам по двадцать лет.
Мы с тобой красивые — самый буйный цвет.

А кино — как сладкое, пьяное вино...
В летнем парке слёзное, нежное кино...

«Шербургские зонтики»... И у нас вся ночь.
В летнем парке, в августе. Как в кино, точь-в-точь.

В темном парке желтые фонари горят..
Дома наши мамочки в эту ночь не спят.

Мы с тобой разъедемся скоро кто куда.
Наше лето кончится раз и навсегда.

Но в душе всё светится твой весёлый лик...
«Шербургские зонтики»... Расставанья миг..

11 декабря 2024

* * *

Декабрьское хмурое небо...
Я взгляд от окна отведу..
Как будто и был я, и не был
на свете в минувшему году.

Больничные серые стены...
Безропотно-сучная боль...
Горчит на губах неизменно
под утро застывшая соль...

Бессонная ночь до рассвета...
Прозрачный в окне небосвод...
Но как-то ведь прожил я этот
мучительно-скованный год...

Вся жизнь — как полёт быстротечный.
Мгновенье следа твоего...
Безжизненный год, бесконечный.
И всё же я прожил его.

20 декабря 2024

ДОЛЯ ЗЕМНАЯ

Души оставшихся в двадцать четвертом
наших погибших солдат
с райским, трубящим, высоким эскортом
к Божьим пределам летят.

Черная сила их души не тронет.
(Божий всемогущен предел.)
Там, в этих райских высотах, — догонят
тех, кто до них улетел.

Будут они ожиданье отмщенья
в нервах у нас беречь...
Или с высокой печалью прощенья
будут за нами следить...

Нам же, полету их трубному внемля,
свету их глаз и лица, —
доля земная — за русскую землю
дальше идти, до конца.

Павшие — в этой земле обретают
высшую степень наград:
в ней, как деревья, сердца прорастают
наших бессмертных солдат.

3 января 2025

ЗИМА НЕБЫВАЛАЯ

Бесснежье, дождливая хмарь...
Зима двадцать пятого года...
Какой-то осенний январь...
До всхлипа смешная погода...

Ну где ж и мороз, и метель? —
Чьему подчинились капризу?..
Крещенско-хмельная капель
беспечно стучит по карнизу.

В гаданьях теряемся мы.
Но что-то же значит всё это...
Зимою нет русской зимы.
И будет ли русское лето?..

И хочется снега полям...
И год — небывалый в начале...
И что-то готовит он нам,
чего мы еще не видали...

20 января 2025

СРЕТЕНИЕ

«Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко»

Их левитам грезились
царский трон, порфира...

...Два Завета встретились,
как два разных мира.

Их ждало изгнание,
кровь ждала, чужбина...

...Дева по Писанию
«в чреве примет Сына»...

Звёзд пустынных россыпи,
волн морских напевы...

...Как же это, Господи,
чтобы Сын — от Девы?..

В рай войдет раскаянный —
первым — лихоимец...

...И младенца на руки
взял Богоприимец...

В обреченном храме их
догорали свечи...

...Трехсотлетний праведник
умер после встречи...

На границе времени —
в тайне дней канунных —
совершилось Сретенье
двух миров подлунных...

15 февраля 2025. Сретение Господне

КИЕВ ЖДЁТ

Третий год ползёт, бескрылая,
наша жизнь-тоска.
Мы зачем-то из-под Киева
отвели войска.

Хохряки тупыми харями
застят свет земли.
Для чего-то мы от Харькова
танки отвели.

Людоловы Зели клятого
прыгунов метут.
В двадцать пятом сорок пятого
киевляне ждут.

Всех иуд судьба позорная —
как печать хохлу.
Канитель переговорная
мир влечёт во мглу.

Богом русский бой рассудится.
Мы — одна страна.
Киев ждет, когда же сбудется
Русская весна...

16 февраля 2025

* * *

...Как вдруг побелела земля,
смушеньем охвачены мы...
Вернулась в конце февраля
метель запоздалой зимы.

И всё ж, уходя на покой,
зима в этой снежной нови
угасшей своей красотой
влечёт к запоздалой любви...

27 февраля 2025

* * *

Эта весна мне как высшая милость —
к большей уже не взойду...
Мартовским солнцем душа обновилась.
Первая радость в году.

Мартовским светом глаза оживились,
воздухом влажным дышу.
В парке стволы у берез осветились...
И об одном лишь прошу:

Боже, оставь мне на дальние дали
свет белоствольных берез...
Чтобы в бессмертной душе без печали
я бы с собою унёс

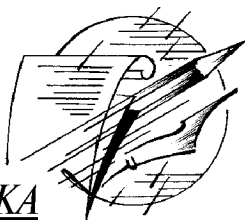
в первых лучах ознобительно-синих
ранней весны окоём,
утренний шум голосов воробьиных
в голых кустах под окном...

9 марта 2025

НОВЫЙ ИЗРАИЛЬ И ЕВРЕЙСКИЙ ДУХ

1

Сегодня чаще всего говорят о том, что Америкой управляет не конгресс США и не американский президент, а глубинное государство. Разные авторы по-разному описывают состав глубинного государства. При этом, как правило, на первое место (или одно из первых мест) ставят такой элемент глубинного государства, как Федеральная резервная система (ФРС) США. Я также считаю ФРС США частью глубинного государства, причем важнейшей. Более того, строительство глубинного государства началось именно с Федерального резерва. Америка перестала быть суверенным государством именно с момента учреждения ФРС США в декабре 1913 года. Все другие элементы глубинного государства стали возникать позднее (например, учреждение наднациональных структур типа Бильдербергского клуба или Трехсторонней комиссии). После того, как в 1944 году на международной валютно-финансовой конференции в Бреттон-Вудсе (США) было принято решение о придании американскому доллару статуса мировой валюты, ФРС вкупе с различ-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ными «наднациональными» «теневыми» структурами стала контролировать не только Соединенные Штаты, но также большинство стран мира.

Возникает простой вопрос: почему ФРС США, управляя Америкой и многими другими странами мира, при этом добивается от них проведения политики поддержки Израиля? Даже несмотря на то, что Израиль проводит в отношении палестинцев и арабов Ближнего Востока политику геноцида («арабского Холокоста»), демонстративно игнорирует нормы международного права, уже 76 лет осуществляет ползучую аннексию арабских территорий.

По сути дела, истинные хозяева Америки в лице тех, кому принадлежит ФРС, проводят последовательно политику, которую принято называть сионизмом. Сионизм зародился еще в конце позапрошлого столетия, ставил задачу создания в Палестине «национального очага» евреев. Потом — задачу создания полноценного государства Израиль (которое и было создано в мае 1948 года). Потом — задачу расширения (вопреки всем нормам международного права) границ еврейского государства и построения «Великого Израиля» (и такое «расширение» мы наблюдаем все 76 лет существования еврейского государства). Основатель сионизма Теодор Герцль еще в конце XIX века заявил: «Территория Еврейского государства простирается от Нила до Евфрата». Рабби Фишман, выступая 9 июля 1947 года на заседании Комитета ООН, где обсуждались планы создания государства Израиль, подчеркнул, что евреям нужна большая часть Ближнего Востока: «Земля обетованная простирается от Нила до Евфрата и включает в себя часть Сирии и Ливии».

Ответ на вопрос, почему «хозяин собаки» поощряет про-сионистскую политику своей «собаки», по мнению многих экспертов, предельно прост: идея создания Федерального резерва еще с конца XIX века продвигали представители еврейского капитала. Они же стали учредителями и хозяевами ФРС США. Они же и сегодня остаются «хозяевами» «собаки» (т.е. Америки) и продолжают науськивать «собаку» на провокации и дестабилизацию ситуации не только на Ближнем Востоке, но и во всем мире. Я называю главных акционеров ФРС США «хозяевами денег». Они одновременно являются «хозяевами» Америки, а главная и конечная их цель — стать «хозяевами мира». Сионизм и государство Израиль являются важнейшими инструментами захвата «хозяевами денег» власти в мире.

Итак, постараюсь прояснить вопрос о роли еврейского капитала в создании ФРС и определении им политики этого

института. На тему истории создания Федерального резерва написано очень большое количество книг и статей. Как мне кажется, наиболее интересная, честная и смелая работа — книга американца Юстаса Муллинса «Секреты Федеральной резервной системы», изданная в 1952 году. В ней он прямо утверждает, что ФРС США — криминальное сообщество, главной целью которого является уничтожение суверенитета Америки и завоевание банкирами-учредителями Федерального резерва господства над миром. Муллинс достаточно подробно перечисляет и описывает основных учредителей американского Центробанка. И по ходу обращает внимание на то, что эти учредители преимущественно представляют собой еврейский капитал. Однако внимание на этом моменте он не акцентирует.

Позднее появились работы (чаще всего в формате статьи), в которых авторы более подробно, чем Муллинс, говорят о том, что ФРС США — проект именно еврейского капитала. И что эти учредители и акционеры Федерального резерва в дальнейшем стали поддерживать сионизм.

На эту тему, кстати, писали в Советском Союзе. Особенно после того, когда в 1975 году Организацией Объединенных Наций сионизм был осужден как форма расизма и расовой ненависти. Вот, например, книга юриста-международника Лидии Артемьевны Моджорян «Международный сионизм на службе империалистической реакции» (М., 1984). На с. 28 читаем: «В 1760 году в Нью-Йорке количество именитых еврейских купцов достигало уже 60 человек. С 1840 года к ним присоединились евреи, приезжавшие из Австрии, Венгрии, Богемии и Северной Италии. Наиболее состоятельные евреи, переселявшиеся в США из Германии... основали крупнейшие торгово-промышленные и банковские фирмы Сифов, Варбургов, Левенсонов, Лиманов, Гугенхеймов, Моргантау и др. Постепенно именно эта группа захватила командные высоты в экономике и политической жизни страны (США. — В.К.) и создала наиболее влиятельные еврейские организации».

А вот фрагмент на с. 125: «Еврейские банкиры и другие капиталисты — Лэбы, Лимены, Гугенхеймы, Зелигманы, Лазары, Куны, Страусы, Абрахамы, Биттервизеры, Гольдманы, Уорберги, Дрейфусы, Сексы, Ротшильды, Лазарусы и многие другие входят в состав 60 семейств, управляющих США. Все они являются членами сионистских организаций Америки и финансируют международный сионизм не только в США, но и во всём мире. Именно они определяют политику Соединенных Штатов, вознаграждая и поддерживая

государственных деятелей, идущих у них на поводу и смешая неугодных им».

Очень много конкретной информации на тему позиций еврейского капитала в американской экономике и его роли в формировании просионистской политики Вашингтона можно найти в другой советской академической книге: «Международный сионизм: история и политика» (М., 1977). Особенно в первом очерке: В.И. Киселев, «Сионизм в системе империализма». Он пишет, что на Уолл-стрит обособились пять инвестиционно-банковских групп еврейского происхождения. И далее: «...В руках упоминавшихся выше пяти крупнейших еврейских инвестиционно-банковских фирм Уолл-стрита постоянно находится до 23% акций крупных промышленных компаний США. Порой эта цифра достигает 40%. Представители этих фирм занимают около 15% директорских постов в 1000 различных корпораций этой страны».

Уже в наше время появляется немало работ, в которых авторы скрупулезно выявляют еврейский капитал в американской экономике. Вот, например, обширная статья доцента Финансовой академии Александра Пачкалова «Еврейские финансовые династии в США в XIX—XX веках и их роль в становлении и развитии капитализма», опубликованная в журнале «Гуманитарные науки. Вестник финансового университета» (№ 1, 2018). В статье разбираются биографии и связи десятков различных лиц, которые себя позиционировали как «евреи» и «иудеи» и которые играли большую роль в становлении Америки. Статья начинается с утверждения: «Еврейские финансовые династии сыграли важную роль в создании Федеральной резервной системы в 1913 г. (Варбурги, Куны, Лебы, Селигманы, Шиффы и др.)». Из нееврейских наиболее значимых групп капитала он называет Рокфеллеров и Морганов. Правда, признавая, что Морганов изначально находились на службе еврейского клана Ротшильдов. По мнению автора, нееврейские кланы не сыграли сколь-нибудь большой роли в создании Федерального резерва: «В создании ФРС и в финансовой истории США первой половины XX в. важную роль играли еврейские финансовые династии, слабо связанные с Морганом и Рокфеллерами».

Заключается статья следующим резюме: «Подводя итог, надо отметить, что еврейские финансисты сыграли важную роль в финансовом развитии США в XIX—XX вв. Значима была роль еврейских финансистов и в создании ФРС. Многие из этих семей переплетены родственными связями и интересами. Еврейские финансовые династии продолжают за-

нимать значимое место в мире международных финансов и в США, однако информация об отдельных персоналиях, представителях этих семей в событиях второй половины XX — начала XXI в. лаконична и отрывочна».

Вот статья, написанная и изданная в США: Хамерс К. «Еврейские банковские династии основали ФРС». Она впервые была опубликована в журнале *Occidental Observer* в октябре 2022 года. Исследование убедительно показало истоки иудейской власти над США, начиная с 1913 года и по сегодняшний день. Приведу в изложении начало статьи. Автор тщательно изучает Федеральный резервный банк Нью-Йорка, который, как известно, является ядром ФРС США. (Все-го в нее входит 12 федеральных резервных банков (ФРБ).) ФРБ Нью-Йорка изначально оказался под контролем восьми давно существовавших банковских семей. Только четыре из этих династий американского происхождения, а именно: *Goldman Sachs*, Рокфеллеры, *Lehman Brothers* и *Kuhn Loeb*. Остальные четыре — пришельцы из Европы: Ротшильды (Париж и Лондон), Варбурги (Германия), Лазары (Франция) и Израэль Мозес Сифф (Великобритания). Беглый взгляд на восемь имен сразу показывает, что по меньшей мере шесть из них евреи: *Goldman Sachs*, *Lehmans*, *Kuhn Loeb*, Ротшильды, Варбурги и Израэль Мозес Сифф. Почти у всех глубокие исторические корни. Так банковская семья Варбургов происходила из венецианских евреев. Она сколотила состояние в Испании и в конечном итоге обосновалась в Варбурге (Германия), приняв свою новую фамилию в XVI веке. Некоторые из названных выше банкиров к моменту учреждения Федерального резерва были уже достаточно «размагниченными», «номинальными» иудеями, находились в процессе ассимиляции. Другие оставались в иудаизме, сохраняли религиозность. Некоторые были уже заражены идеями сионизма. Так, Израэль Сифф был последовательным сионистом, и в возрасте 26 лет (в 1915 году) он стал членом сионистской комиссии под руководством лидера мирового сионизма Хаима Вейцмана, посещал в составе комиссии Палестину.

На сайте *Global Research* в октябре этого года начата публикация состоящего из пяти частей материала «Картель Федерального Резерва: восемь семей», автором которого является Дин Хендерсон. Его список из восьми кланов во многом схож со списком упомянутого выше Карла Хамерса. Статья на *Global Research* насыщена многими интересными подробностями. Хендерсон также считает, что шесть кланов — чисто еврейские, а остальные два (Рокфеллеры и Морганы) изначально находились под влиянием евреев. Особенно Мор-

ганы, которые представляли интересы Ротшильдов в Новом Свете еще в XIX веке.

По мнению многих экспертов, мировая финансовая олигархия и та, которая владеет Федеральным резервом США, сегодня представляют собой «интернационал» с точки зрения как крови, так и религии. Об этом достаточно подробно говорится в книге Дэвида Лэндса «Династии. Возникновение, расцвет и падение самых богатых семей и деловых кланов мира», увидевшей свет в 2006 году. Лэндс пишет, что к середине XIX века, «после веков более или менее выгодной деятельности, сформировалась сеть частных банков, богатых коллективной собственностью и способных финансировать среднесрочные и долгосрочные инвестиции в промышленность... Эти группы, как правило, формировались на основе религиозной и культурной схожести: гугенот-кальвинистские, сефардически-еврейские, немецко-еврейские, греко-ортодоксальные коммерческие «семьи» знали себе подобных, знали, кому доверять и о ком беспокоиться, кого спросить и с кем работать».

Что же объединяет эти группы? То, что они в конечном счете сделали для себя выбор в пользу мамоны. Как говорил Христос: «Не можете служить Богу и мамоне» (Мф. 6: 24). А мамона — безжалостный божок, вернее — демон, представитель inferнального мира, губящий человека сначала духовно, а потом и физически. Этот демон обманывает людей и учит своих жертв обманам. Поклонники мамоны, особенно такого масштаба, как главные акционеры ФРС США, жаждут власти над миром. И ради этого они прикидываются кальвинистами, евреями-сефардами, иудеями, христианами и т.п. А на самом деле они все поклонники мамоны. Большинство из них согласились взять на вооружение сионизм как уже хорошо отработанную технологию установления власти над людьми, все они выступают в роли предтечи мирового правителя, именуемого «антихристом». Применительно к этому «интернационалу» очень подходят слова из Откровения Иоанна Богослова: «...которые говорят о себе, что они Иудеи, а они не таковы, но сборище сатанинское» (Откр. 2: 9); «...которые говорят о себе, что они Иудеи, но не суть таковы, а лгут» (Откр. 3: 9).

Я бы не стал говорить, что Америка управляется некими еврейскими банкирами. Это «интернационал», это «поклонники мамоны», это «сборище сатанинское», это «каиниты». Они придумали и используют сионизм как прикрытие. Прикрытие, которое уже перестало работать, которое уже не позволяет скрывать истинное лицо (точнее — рожу) «детей дья-

вола». Почему «дети дьявола»? Потому что еще две тысячи лет назад Христос сказал слова, которые в полной мере применимы к этим «поклонникам мамоны» и этому «сборищу сатанинскому»: «Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи» (Ин. 8: 44).

2

Америка всегда была равнодушна к Израилю. Она еще с начала прошлого столетия активно поддерживала идею сионистов по созданию в Палестине государства Израиль. А после его создания в 1948 году оказывала ему всяческую политическую, экономическую и военную помощь. И до сих пор продолжает оказывать. Ни одно другое государство мира на такую помощь рассчитывать не может. Своими обещаниями поддерживать Израиль 47-й президент США, кажется, превзошел всех предыдущих хозяев Белого дома.

На первый взгляд, эти обещания не укладываются ни в какую логику. А на самом деле всё очень просто: Америка изначально создавалась как «Новый Израиль» — по некоему образу и подобию того государства, в котором некогда жили ветхозаветные евреи. Профессор А.А. Столешников в работе «О чём умолчал Карл Маркс» пишет: *«Америка — это Новый Израиль и всегда им был с самого основания, по всему замыслу первых евреев-эмигрантов и отцов-основателей Америки».*

То государство, которое была создано на Ближнем Востоке решением ООН в 1948 году, можно назвать ремейком «Старого Израиля». В мире уже почти 77 лет сосуществуют и тесно сотрудничают два государства — «Новый Израиль» и «Старый Израиль». Они имеют единую идейную платформу и общие геополитические цели. У вождей «Нового Израиля» и «Старого Израиля» есть также понятие «Большой Израиль» — ближневосточное государство в пределах тех границ, которые существовали в период наибольшего расцвета ветхозаветного Израиля (во времена царей Давида и Соломона — XI—X вв. до Р.Х.). Нынешние власти США и Израиля публично заявляют, что созданное в 1948 году государство должно стать «Большим Израилем», т.е. значительно расширить свою нынешнюю территорию за счет соседних ближневосточных государств. И применение военной силы для этого вполне оправданно.

Но у вождей Нового Израиля и Старого Израиля есть еще понятие «Великий Израиль». Совсем «Великий». Такой Ве-

ликий Израиль должен охватывать весь мир и управляться «богоизбранным народом». Но о планах построения «Великого Израиля» вожди Нового и Старого Израилей предпочитают помалкивать. И строительство «Великого Израиля» до последнего времени прикрывалось словами о так называемой «глобализации» как некоем «объективном процессе», не зависящем от воли и желания политиков и государственных деятелей. А всяким независимым наблюдателям и экспертам, которые усматривали в глобализации наличие некоего «субъективного фактора», немедленно приклеивали ярлык «конспиролога».

После такого предисловия хочу более подробно показать, что освоение Америки колонистами Старого Света выглядело как строительство Нового Израиля. По данному вопросу имеется прекрасный источник — книга известного немецкого социолога Вернера Зомбарта «Евреи и хозяйственная жизнь». Впервые она была издана в 1911 году в Германии. Через год уже появился ее перевод в России. Для многих книга оказалась самым настоящим откровением. Тогда уже говорили, что сложившийся во многих странах мира общественный строй называется «капитализм». Другой немецкий социолог Макс Вебер в книге «Протестантская этика и дух капитализма» (1905 г.) писал, что капитализм родился на почве протестантизма, который, в свою очередь, был порожден Реформацией Мартина Лютера. А вот Вернер Зомбарт доказывал, что капитализм зарождался и развивался благодаря евреям с их особой идеологией и религией. Но я об этих фундаментальных вопросах сейчас говорить не буду, а желающих в них разобраться отсылаю к своей книге «Религия денег. Религиозно-духовные основы капитализма» (М.: Библиотека РЭО им. С.Ф. Шарапова, 2018).

В упомянутой книге Зомбарта большой интерес представляет тот ее раздел, в котором говорится о роли евреев в становлении Америки и американского капитализма. Как известно, к началу XX века (т.е. времени, когда Зомбарт писал книгу), Соединенные Штаты по своему экономическому развитию вышли уже на уровень Великобритании, Германии и Франции, а по темпам развития даже опережали их. Зомбарт констатирует: «Соединенные Штаты стали в хозяйственном отношении тем, что они есть, главным образом, благодаря влиянию еврейских элементов». Это было очень смелое заявление, поскольку как раз считалось, что в Америке влияние таких «еврейских элементов» было минимальным (по сравнению со Старым светом). А Зомбарт настаивает на том, что это ошибочное мнение — что, наоборот, действие «еврейско-

го духа» в Америке является наиболее сильным: «И все-таки я поддерживаю свое утверждение, что и Соединенные Штаты... исполнены еврейского духа. Впрочем, в иных американских кругах — и как раз в кругах людей, способных судить о вещах, — это знают очень хорошо». Зомбарт даже ссылается на признания ряда американских президентов. Так, он цитирует действовавшего (на момент написания книги) президента Теодора Рузвельта, который участвовал в пышном мероприятии по случаю 250-летней годовщины поселения евреев в Америке (датой первого такого поселения считается 1655 г.) и заявил, что евреи очень помогли в создании страны: «Я считаю, что можно с уверенностью сказать: очень немногие нации в нашей стране, а может быть, и ни одна другая — прямо или косвенно оказали столь сильное влияние на формирование американского образа жизни».

А бывший до Рузвельта президент Гровер Кливленд выразился по тому же поводу: «Немногие — или даже вообще ни одна — из образующих американский народ национальностей не оказали большего прямого или косвенного влияния на создание современного американизма, чем еврейская нация».

Далее Зомбарт переходит к фактам и статистике, показывая позиции евреев в разных секторах американской экономики. Речь идет о сталелитейной и угольной промышленности, также табачной, асфальтовой, о связи и транспорте (телеграф и железные дороги), о банковском секторе. Ряд секторов и рынков американской экономики они монополизировали: «...в Америке евреи почти монополизировали — или же, по крайней мере, монополизировали в течение долгого времени — целый ряд весьма существенных отраслей торговли. Я имею здесь в виду, главным образом, торговлю зерновым хлебом на Западе; торговлю табаком, хлопком. С первого же взгляда ясно, что это три жизненных нерва американского народного хозяйства».

Неоднократно Зомбарт называет евреев «нервом» или «золотой нитью» американской экономики: «Евреи — это как бы совсем особая нить, это, можно сказать, как бы золотая нить, вплетенная в ткань американского народного хозяйства от его начала до конца, так что хозяйственная жизнь Америки с первого же момента получает от них свой отпечаток». Я бы еще сравнил евреев с «закваской», сформировавшей «капиталистический дух» Америки, в которой ангlosаксы и другие европейцы количественно преобладали. Такого «капиталистического духа» в Старом Свете было меньше.

Конечно, кроме «капиталистического духа» укреплению Нового Света и получению независимости от Старого Света

способствовали также еврейские капиталы, которые еще были накоплены до колонизации: «...только благодаря поддержке некоторых богатых еврейских домов колониям удалось добиться самостоятельного государственного устройства».

В последние десятилетия XIX века началась мощная иммиграция евреев из Европы и России. А поскольку, по мнению Зомбарта, евреи особенно склонны к бизнесу, то через некоторое время такой их приток в Америку может обеспечить мощный рыбок капиталистического развития страны. Он пишет: «...повсюду стало в колоссальных размерах чувствоваться значение евреев для американской хозяйственной жизни как количественного фактора. Пусть вспомнят только, что теперь в одном Нью-Йорке живет уже больше миллиона евреев и что из эмигрировавших евреев огромное большинство еще не начинало капиталистической карьеры».

Хотя в Америку также прибывают большие массы людей других национальностей, но они не столь склонны к бизнесу, как евреи, а потому позиции евреев в американской экономике будут усиливаться: «Если положение дел в Америке будет и в дальнейшем идти так, как в последние 30 лет, если размеры эмиграции и процент прироста различных национальностей останутся такими же, что и теперь, то через 50 или 100 лет Соединенные Штаты превратятся в страну, населенную лишь славянами, неграми и евреями, в которой, разумеется, евреи захватят хозяйственную гегемонию».

Далее Зомбарт обращает внимание на то, что евреи в Америке — что-то особое, отличное от евреев в других частях света. Американские евреи — особый тип. Они не какая-то замкнутая секта, какое-то изолированное гетто (как это было в средневековой Европе). Они определяют дух всей Америки. Этот неповторимый дух Америки, или американизм, Зомбарт называет «кристаллизовавшимся еврейским духом»: «Если, считаясь с только что указанными фактами, можно с некоторым основанием сказать, что Соединенные Штаты вообще обязаны своим существованием евреям, то с тем же правом можно сказать, что только благодаря еврейскому влиянию они таковы, какими мы их знаем, т.е. именно американские. Ибо то, что мы называем американизмом, в значительнейшей своей части не что иное, как кристаллизовавшийся еврейский дух».

Когда переселенцы из Европы прибывали в Америку, они не особенно задумывались, в каком обществе будут жить. Будут ли они жить в коммунах, или каждая семья будет сама по себе (изолированное «натуральное хозяйство»), или же со временем сложится какая-то модель феодализма. Но, как

пишет Зомбарт, условно из каждых двадцати переселенческих семей одна была еврейской. И она изначально спланировала всех переселенцев на капиталистических началах. Десять семей трудились на полях с помощью плуга и серпа. А чем занималась двадцатая, еврейская семья? — Зомбарт отвечает:

«Двадцатая же семья устраивала лавку и снабжала своих сотоварищей необходимыми предметами потребления, которых не производила земля. Эта двадцатая семья начинала вскоре брать на себя задачу сбыта, произведенных девятнадцатью другими семьями земледельческих продуктов. Она имела больше наличных денег, чем другие семьи, и поэтому могла, в случаях нужды, быть полезной другим ссудами. Очень часто к «лавке», которую она держала открытой, примыкали земельный кредитный банк, а также агентство по продаже земли и аналогичные предприятия. Таким образом, благодаря деятельности этой двадцатой семьи, северно-американский крестьянин уже заранее приходил в соприкосновение с денежным и кредитным хозяйством Старого Света. Все производственные отношения складывались наперед на современном основании».

Итак, Америка — уникальная страна. Если в Старом Свете капитализм рождался в многовековых муках, пробиваясь на свет из чрева феодализма через кровавые бунты и революции, то в Новом Свете он явился чудесным образом без всяких мук. Изначально оплодотворенный еврейским духом.

В книге «Евреи и хозяйственная жизнь», как пишет Зомбарт, даны лишь некоторые наброски по экономической истории Америки. Но нам и этого достаточно для того, чтобы понять принципиальное отличие Америки от других стран. Понять, что «кристаллизовавшийся еврейский дух» определяет не только экономику США, но также их идеологию и политику, как внутреннюю, так и внешнюю.

Зомбарт рассчитывал написать специальную книгу по Америке и показать более ярко и обоснованно, почему американизм являет собой «кристаллизовавшийся еврейский дух». Замысел не был реализован. А материала для такой книги, между прочим, прибавлялось с каждым годом всё больше и больше. Достаточно сказать, через два с половиной года после выхода в свет книги «Евреи и хозяйственная жизнь» в Америке была учреждена Федеральная резервная система США (принятие Конгрессом США закона о ФРС США было в декабре 1913 г.). Это американский Центробанк, устроенный как частная корпорация. Изначально

главными акционерами этой корпорации были восемь банкирских групп, из которых семь являли собой в чистом виде еврейский капитал.

Учреждение Федерального резерва — как «вишенка на торт». Главные акционеры ФРС как «хозяева денег» стали одновременно полными и окончательными «хозяевами» Америки. Создание «Нового Израиля» завершилось. Далее перед «хозяевами» стояли следующие две задачи: воссоздание «Старого Израиля» и строительство «Великого Израиля». 28-й президент США Вудро Вильсон, находясь на службе у «Нового Израиля», уже в конце 1917 года поддержал известную «Декларацию Бальфура», призывавшую к созданию в Палестине государства Израиль. А другой американский президент — Гарри Трумэн — эту идею довел до практической реализации: учреждения в 1948 году израильского государства. Он делал много восторженных заявлений в адрес государства Израиль. Например: «Я верил в Израиль до того, как государство было провозглашено, я верю в него и сейчас». Следовавший за ним президент Эйзенхауэр приветствовал Израиль: «Я присоединяюсь ко всем людям доброй воли и приветствую молодое государство. Примите мои наилучшие пожелания, и пусть сопутствует вам удача!» Хвалебные речи в адрес ближневосточного государства «Израиль» стали ритуалом для всех хозяев Белого дома в Вашингтоне. Пожалуй, всех в этом превзошёл нынешний, 47-й президент Дональд Трамп.

Что касается проекта «Великого Израиля», то, начиная с того же Вудро Вильсона, идея постоянно озвучивалась хозяевами Белого дома под видом необходимости «мировой гегемонии» Соединённых Штатов. Установление мировой гегемонии «Нового Израиля» и будет означать, что проект «Великого Израиля» наконец-то реализован. И Дональд Трамп хочет, чтобы это произошло уже во время его пребывания в Белом доме.

ДВА РАССКАЗА

ЗОЛОТО МАХНО: ДОНЕЦКИЙ СЛЕД

«Я Лёва Задов, со мной шутить не надо!» — эту фразу с экрана кино произносил актер, игравший бандитствующего одессита, анархиста и садиста, плюгавого афериста, жаждущего расправы над позитивным главным героем.

Именно такой образ подхватили советские кинематографисты с подачи Алексея Толстого, описавшего Льва Задова в трилогии «Хождение по мукам».

На самом деле ничего общего с действительностью экранный герой не имел. В реальной жизни двухметрового роста рыжий здоровяк Лев Задов был не одесситом — с раннего детства он жил в Юзовке, а в Одессе провёл лишь последние четырнадцать лет своей жизни... Работая оперуполномоченным иностранного отдела ОГПУ—НКВД.

Июль 1919 года. Александрийский уезд Херсонской губернии.

— Так палить же почнёть! — человек в кителе, заложив руки за спину и глядя перед собой вниз, отбивал каждый шаг каблуками своих

ПРОЗА

натертых до блеска сапог о половые доски. Он был ростом ниже всех собравшихся, но это совершенно не мешало ему считаться здесь главным — каждый из присутствующих слушал его негромкие речи внимательно, ожидая либо вопроса, либо команды.

Несмотря на то, что уже апрель подходил к концу, «главный» не снимал серую папаху, из-под которой выбивалась нетипичная для красного командира прическа — черные волосы были такой длины, что прикрывали уши полностью. Странности образу атамана добавляли своим видом окружавшие его соратники — разношерстная публика, одетая во что угодно, но только не как положено регулярному войску. Один только матрос Феодосий Шусь чего стоил — тельняшка, гусарский китель, старинная сабля и наган. Всё это великолепие венчала бескозырка с названием броненосца «Иоанн Златоуст» и конь в цветных лентах, привязанный во дворе, будто в ожидании свадьбы.

Остальные члены штаба, а попросту — приближенные Нестора Махно тоже не отличались высоким вкусом, свойственным офицерскому составу. Анархисты-коммунисты, а ныне — бойцы повстанческой бригады 3-й Украинской советской армии воспринимали материальные блага исключительно как инструмент обеспечения боеспособности. Тратить деньги на форму для них не было надобности, отсюда и пренебрежение к знакам воинского различия, их унификации и прочим условностям. Всё, что ограничивало полет души и фантазии, презиралось, как насилие над свободой.

Немногим больше года назад, в апреле 1918-го, Нестор Махно собрал под черные знамена анархистов первый свой отряд. Имея свои определенные взгляды на социальную справедливость, устройство общества без власти и угнетения, атаман вступил в вооруженное противостояние с войсками Директории Украинской Народной Республики под командованием Симона Петлюры и австро-германскими оккупационными частями.

С февраля 1919 года махновцы, армия которых насчитывала к тому времени уже 50 тысяч человек, объединили свои силы с Красной армией в борьбе против белогвардейского генерала Деникина. Однако этот союз оказался временным — для Нестора диктатура коммунистов стояла в одном ряду с любой другой диктатурой. Председатель Реввоенсовета Лев Троцкий объявил Махно вне закона и теперь в списке союзников батьки состоял только атаман Никифор Григорьев. Предводитель гуляйпольских повстанцев нашел в нём единомышленника и образовал объединенную Революционно-повстан-

ческую армию Украины. Самым лютым врагом, идейным и военным противником Нестор считал Деникина, защищавшего интересы его классовых врагов — угнетателей крестьянства.

— Начнет палить, да. Он же гонористый, а если еще и успеет набраться с утра, так точно палить будет. Но я так думаю — мы организуем ему право первого выстрела, пусть потешится. А там уж, как решишь, батько... — рыжий двухметровый здоровяк залез себе в карман и на громадной ладони возникла жменя патронов.

— У меня есть там один должничок... Вот он маузер Никифора и зарядит.

— Холостые? — Махно взял из рук рыжеволосого великана один из патронов и стал его разглядывать вблизи. — А точно заменят? Он, демон, метко стреляет. Замечено...

— Ну, конечно, Нестор Иванович! У тебя же есть для этого контрразведка! — рыжий похлопал себя по груди кулаком, да так, что комната наполнилась глухим звуком. — Я буду рядом. Всё срастётся, не сомневайся, батька!

— Да я ж ничё... — Махно пристально посмотрел снизу вверх на своего громадного начальника корпусной контрразведки Лёву Задова. — А вот пули проверь, Лёвка... Не надобно мне тут жертв напрасных, не надобно...

— Есть проверить! — Лёва нехотя козырнул и отправился во двор, где пальнул пару раз во влажную после снежной зимы землю. — Холостые! Факт!

Махновцы готовились к встрече с атаманом Никифором Григорьевым, рейды которого по югу и центру Украины наводили ужас на местное население. Хрупкий нейтралитет в отношениях атаманов был нарушен подтвержденными разведкой слухами о мародерстве и расстрелах крестьянского населения григорьевцами. Махно и сам не отличался мягкотелостью, но когда дело касалось земледельцев — опоры его армии в губерниях центральной Украины, речи о прощении не шло.

Градус противостояния усилился, когда Задов доложил своему командиру о слухах, что бродили в его полках.

— Разве это настоящий батько, коли у него золотого запasu нема? Что ж за атаман такой, ежели войско своё прокормить не может? — агитировал Григорьев, и слова его действительно вносили смуту в стройные ряды батькиной армии.

— А с чего это? Красный комдив Григорьев неожиданно-негаданно разбогател? — искренне удивился Махно, когда ему в красках доложили подробности выступлений в массах вечно пьяного Никифора.

Задов тогда достал клочок бумаги, исписанный химическим карандашом и, чтобы не ошибиться, зачитал:

— Слитков золотых — 124 килограмма, серебра — 238 пудов, монет царской чеканки достоинства разного — больше миллиона штук.

Махно присвистнул и вопросительно посмотрел на своего начальника контрразведки.

— Это где ж красный комдив такой куш ухватил?

— В Одессе, батько... — ответил Задов.

— Прощелыге и пьянице Никифору одесские банкиры денег ссудили? — Махно хитро ухмыльнулся. — Думаю, даже залога не попросили...

— Та никого он не спрашивал, ты ж понимаешь, Нестор Иваныч. Госбанк они взяли. Как французики сбежали, Григорьев в Одессу зашел, ну и две недели там керував. Из порта эшелонами добро вывозили — интервенты ж эвакуировались со скоростью ветра, и всё оставили. А банкирам тоже досталось, да. И всему их племени люто досталось, хорошо, если в живых оставляли. Ты ж знаешь, как он нашего брата ненавидит.

Махно сел на стул, взял из глиняной миски два грецких ореха и, выругавшись, раздавил их друг о друга:

— Вот этого не люблю. Лёва, ты ж тоже жид?

— Самый шо ни есть. Юзовский. С одиннадцатой линии.

— И шо, Лёва, большая семья у тебя? — Махно перебирал орехи, отделяя перепонки от сердцевинки.

— Двенадцать нас было сначала. Шесть братьев, шесть сестер. Я седьмой по счету. А чего интересуешься, батько? Ты уже выпрашивал, я всё рассказал, — удивился Лёва.

— Та смотрю на тебя и думаю, ежели бы твоих обидели, ты как, долго бы думал?

— Та не... — коротко стриженный здоровяк достал револьвер, крутанул его на пальце и продолжил. — Сначала пальну, а потом «руки вверх».

Нестор взял со стола еще пару орехов и с хрустом их раздавил. В этот момент уголки его рта несколько опустились, и появился злобный прищур, будто и не орехи он давит вовсе, а какого-то ненавистного клопа.

— Вот и я смотрю, что паршивец Никифор творит, и думаю — он же грабит от души, без разбора. И мужика от сохи обирает тоже. Это как, Лёва? Селяне жалуются. Они ж не чуждый классовый элемент, да? Это свои, Лёва! Сентовских ограбил, а сказал, что это мои сделали. Ну что за гаденыш, а?

— Да всех он уже извел... Ворошилов за голову атамана Григорьева награду объявил, сто тысяч. И по пятьдесят за его

помощников, а за Сентово — факт известный, батько... Дюже крестьяне в обиде. Такое прощать нельзя, Нестор Иванович...

— Ты, Лёва, потерялся...

Орехи хрустели под силой нажима рук Махно.

— Что можно, а что нельзя — я буду решать.

— Прости, Нестор Иванович, — Лёва несколько смутился, но всё равно продолжил: — Так какие будут распоряжения, атаман?

— От, это другой разговор. Где Лепетченко?

— В сенях. — Задов открыл дверь и позвал личного адъютанта атамана, который в это время подбивал каблук своего сапога. — Ванька, ходь сюды!

Долговязый, тощий боец в одном сапоге показался в дверном проеме:

— Я здесь, батько!

— Слушай меня, боец... Отправляешься в Александрию, в штаб атамана Григорьева, с депешей. Завтра в Сентово в сельсовете сход будет. И мы его приглашаем. Как почетного гостя, как командира. Скажи, совет будем держать, как деникинцев дальше давить. За всё, что тут слышал — молчок. Иначе Щусь тебе язык отрежет, его кортик с такой работой уже знаком.

— Атаман... Ежели бы я треплом был, так давно бы шипил или вовсе на пальцах рассказывал. Исполним в лучшем виде!

Иван Лепетченко быстро вбил оставшуюся пару гвоздей и прыгнул на лошадь — до Александрии было пару часов ходу на резвом коне.

— Тут еще такое дело, Нестор Иванович... — Задов почесал затылок в предвкушении реакции атамана на новость.

Махно, погружившийся в свои мысли о предстоящем разговоре с Григорьевым, имел взгляд рассеянный и озабоченный. Вчера к ним в расположение забрели два деникинских офицера с письмом от генерала, в котором уточнялись условия будущего перехода Григорьева на сторону добровольческой армии Деникина. Белогвардейцы не сразу разобрались, что попали не в то войско — махновцы и григорьевцы внешне ничем не отличались, знаков различия не имели. После долгой дороги и угощения посланцы потеряли бдительность. Языки их развязались, и у Махно появился еще один весомый аргумент считать Никифора Григорьева своим врагом. Обоих белогвардейцев расстреляли вечером в овраге, а бумага, которую они принесли, лежала, свернутая вчетверо, в накладном кармане Нестора.

— Батька! — Задов окликнул атамана, чтобы обратить на себя его внимание. — Говорю, новости есть!

— Последнее время новости меня раздражают, Лёва. Шо там у тебя, разведка?

— Да не разведка, а контрразведка, Нестор, это ж принципиальная разница! — Задов всегда злился, если в его «специальности» терялась приставка «контр». Лёва считал, что с ней — гораздо благородней. Разведчики кто — шпионы. А контрразведчики — они ж белая кость, элита.

— Лёва, когда ты уже успокоишься, шо в лоб, шо по лбу! Шпион, он и есть шпион, — уколол его Махно, а следом расхохотался, наблюдая его скисшее лицо. — Говори, чего там у тебя...

Выдержав паузу для значимости, Лёва поправил фуражку и доложил ситуацию.

— Я-то думаю, вот Никифор — он же жадный до богатства, да? Попробовал я тут прикинуть, сколько подвод он вывез из госбанка Одессы.

— И шо у тебя получилось? — Нестор Махно посерьезнел моментально.

— Получилось, батько, что такой обоз незаметным не пройдет нигде. Смотри: тридцать пудов на подводу одноконную. Коней он бережет для кавалерии, по два ставить — не получается. Значит, на серебро требуется восемь подвод. Еще две — на золото и монеты. Итого — десять. Плюс, обмундирование из порта, да всякие трофеи от населения еврейского... — Махно поморщился. — У меня вышло не меньше двадцати пяти подвод.

— Ну? — Махно терял терпение.

— А вот и ну, Нестор Иванович... Ты видал, чтобы григорьевцы караваном ходили, как верблюды вычужные? Во-о-от... И я не видал. А по какой такой причине они всегда на станциях железнодорожных останавливаются? И штаб ихний рядом, если ни на самом вокзале. А, батько?

Махно стукнул кулаком по столу и вызверился на Задова:

— Шо ты мне тут допрос устроил? Это я тебя допрашивать должен! Кто тут шпион? Я или ты?

Когда Махно кричал, голос его становился высоким, лицо быстро наливалось кровью и колючие глаза превращались в источник молний. Внезапные приступы ярости случались у атамана особенно часто в последнее время после того, как ему приходилось биться против всех вокруг — красные, белые, григорьевцы — все стали врагами, и верить никому было нельзя.

— Так вот, любопытство меня замучило, Нестор Иванович, — Лёва будто не обратил внимание на его всплеск негодования. — Я ходоков послал на станцию в Александрию. Парни смышленные, местными прикинулись, гостинцев взя-

ли, как бы на обмен, ну и наменяли поросенка на сапоги и флягу спирта. Григорьевские возле цистерны со спиртом охрану выставили, пуще глаза своего берегут. Надо брать. Хороший трофей.

— Пошел вон, шпион! Нам щас только повального пьянства не хватает! — заорал атаман пуще прежнего.

— Не кипятись, Нестор Иванович, не кипятись... Цистерна та пристегнута еще к четырем вагонам. Один открыли, когда сапоги доставали, а к остальным даже подойти не дали, штыками отгоняли. Значит, там что-то более ценное, чем спирт и обмундирование. Ну не библиотека же... И это... Мы ж не видели двадцать пять подвод, Нестор Иванович. Григорьевцы своим ходом пришли, на конях.

На следующий день, 27 июля 1919 года, деревня Сентово возле Александрии превратилась в осажденную столицу кочевников. Центр деревни заняли махновцы. На улицах, отходивших от сельсовета, расставили тачанки, ошестинившиеся пулеметами в направлении окраин, куда подтянулись григорьевцы. Селяне попрятались в хатах, изредка и с опаской поглядывая через плетеные заборы на происходящие в их деревне маневры.

Никифор Григорьев — невысокого роста, сутулый атаман с лицом, побитым следами оспы, прибыл к месту в сопровождении личного телохранителя, проделав путь от кордона тачанок до сельсовета пешком.

— Что это ты, Нестор, патрулями обложился? — Григорьев вытер пот со лба, сняв предварительно фуражку. — Или боишься кого? Мы же не чужие, а в округе нет никого, а если бы и были — в нашу сторону не посмеют рыпнуться. Вон какие орлы у нас! — Никифор разговаривал в нос, что чрезвычайно раздражало Нестора Махно.

Григорьев похлопал по плечу Задова и присел за стол, положив перед собой револьвер. Это движение уловили все находившиеся в комнате.

— Ваши слова — чистая правда, Никифор Александрович... — Махно тоже снял папаху, аккуратно положив ее на лавку. Нестор сел напротив Григорьева, достал из кобуры, демонстративно положил на стол перед собой маузер и продолжил. — Только это мои орлы, Никифор. Мои, а не наши.

Щусь, Чубенко и Задов распределились по комнате так, что и атаман Григорьев и его телохранитель находились под контролем. Обратив внимание на то, что его люди стали за спинами гостей, Махно потянулся к своему нагрудному карману.

— Ты не обессудь, Никифор, но прежде, чем мы начнем толковать по нашим делам, я должен разобраться в одной головоломке.

Махно развернул листок и в полной тишине начал читать: «Настоящим сообщаю, что Ваше предложение рассмотрено, Никифор Александрович. Оно позволяет мне, как представителю верховного правителя России, адмирала Колчака, обоснованно рассчитывать на Ваше здравомыслие и последовательную позицию в вопросах освобождения России от большевицкой и прочей нечисти...»

С каждым словом Григорьев бледнел. Этого письма он ждал уже вторую неделю. Какой же тварью оказался Деникин. Как письмо попало к Махно? Деникин решил убрать его руками Нестора? Рой мыслей пролетел в голове у атамана Григорьева, и он не нашел ничего лучшего, как схватиться за оружие. Выстрел, направленный в голову Нестору Махно, с расстояния в полтора метра никакого вреда тому не нанес. И звука пули, бьющей в стену, тоже никто не услышал. Нестор только закрыл глаза, пытаясь сообразить, ранен он или нет. Говорят, что первые секунды после прямого попадания человек боли не чувствует.

Чубенко держал маузер наготове и тут же выстрелил. Пуля вошла в плечо Григорьева, который, свалив с ног Щуся, ринулся к выходу. Адьютанта григорьевского, Трояна, непредусмотрительно ставшего между столом и окном, застрелил Задов.

— Добить его! — скомандовал Махно, и Чубенко, уже поставивший сапог на спину упавшего во дворе Григорьева, сделал выстрел тому в голову.

— На, оботри, — Щусь кинул Чубенко какую-то тряпку, чтобы тот стер кровь со своих сапог.

— Сдох, падлюка? — Махно поддел тело своего врага носком сапога. — А теперь есть пара неотложных дел. Лепетченко, Ваня, скажи в Александрию и наших всех на станцию, как договаривались. А мы к народу пойдем.

К ожидавшим командира григорьевцам, располагавшимся в соседней с деревней посадке, Махно приехал на двух тачанках, которые тут же развернулись к ним своими пулеметами. Разношерстная, вооруженная до зубов публика находилась в недоумении от такого поступка союзников. На поляне воцарилась мертвая тишина.

— Кто из вас селянин? — громко крикнул Махно в толпу, которая стала собираться поближе к тачанкам, но всё же на некотором расстоянии.

Робкие голоса раздались с той стороны, куда были нацелены пулеметы.

— Атаман Григорьев предал вас, братья! И нас тоже! — об­ратился Махно к тем, кто поднял руку. — Он спелся с Дени­киным, который имел своей целью угнетение и унижение нашего брата — люда крестьянского!

По толпе пошел ропот и все, кто были вместе с Махно в тачанках, приготовили оружие.

— Да, да! За предательство это нашим судом он пригово­рен к расстрелу! И приговор приведен в исполнение! — Мах­но стоял на тачанке, представляя собой идеальную мишень, но никто выстрелить не решился.

— Кто желает домой, к семье, к земле своей, тот свободен! Только оружие придется здесь положить. Кто готов дальше со мной, бить Деникина и большевиков — тот остаётся. До конца дня решите. Я всё сказал.

Тачанки, не меня направления прицелов своих «Макси­мов», сорвались с места и в сопровождении конницы отбыли в Александрию на железнодорожную станцию. Иван Лепет­ченко уже поднял в ружье всех махновцев, которые только и ждали приказа к действию. На товарной станции Махно за­стал следующую картину: караулы, охранявшие состав были обезоружены и лежали лицом вниз вместе с паровозной бри­гадой. Остальные воины Григорьева не рискнули оказать сопротивление и растворились в городе. Весть о выборе меж­ду дальнейшей службой и возвращением домой до них еще не дошла.

— Открывали? — Нестор заложил руки за спину и с любо­пытством разглядывал товарные вагоны, сцепленные с цис­терной.

— Тебя ждали, батько! — отрапортовал боец в фуражке без кокарды с треснутым козырьком.

— Вот и хорошо... Лёва, а пусть лишняя публика раство­рится... — негромко сказал Нестор Задову.

После того, как караул под вагонами перешел на противо­положную сторону пути, Задов подошел к двери. С грохотом она откатилась в сторону, и наружу посыпались тюки пере­вязанных десятками шинелей. В двух других находились ящики с боеприпасами. К четвертому вагону Лева Задов под­ходил с дрожащими коленями — на кону был его авторитет и признание атамана. Если он ошибся — головы не сносить. Да, для устранения Григорьева были достаточно весомые при­чины, но кто его знает, решился бы на это Махно, если бы не данные о сокровищах Одесского госбанка...

— Открывай, Лёва! — Нестору было интересно убедиться в правоте своего начальника контрразведки. Про себя он уже проговорил, что если сокровищ там не окажется, то с Лёвой

придется прощаться — о холостых патронах в револьвере Григорьева атаман уже и не помнил.

Дверь поддалась со скрипом, поначалу ее ролики заклинило в полозьях вагона. Задов со злостью дернул ее в сторону открытия еще раз, и образовалась щель, сквозь которую можно было проникнуть внутрь. Лёва не стал дожидаться команды и запрыгнул внутрь.

— Это ж надо таким дураком быть, возить скарбы в соседнем вагоне с боеприпасами! — счастливая рыжая физиономия Лёвы Задова лучезарно сияла сквозь узкую щель вагонной двери...

9 августа 1937 года. Мариуполь.

Возле двухэтажного здания по проспекту Республики, дом 40 в Мариуполе местные предпочитали без надобности не ходить, а уж если совсем никак — переходили на другую сторону дороги, чтобы лишний раз не попадаться на глаза людям в синих фуражках.

Черная новенькая «эмка», только поступившая на баланс Мариупольского городского отдела НКВД, подкатила к зданию со двора — к служебному входу. Долговязый пассажир при выходе из задней двери, пытаясь сохранить равновесие, больно ударился головой о кузов — его руки были сзади закованы в наручники.

— А когда-то с парадного заходил...

Заведующий магазином завода имени Ильича Иван Лепетченко действительно бывал здесь не раз. Пару визитов совершил даже в статусе задержанного, но каждый раз его отпускали, поднимая картотеку, — завмаг числился штатным сотрудником ОГПУ.

— Молчать! — рявкнул на него опер.

С этого момента жизнь и карьера агента «Феди» кардинально изменилась. Ежедневные допросы, допросы с пристрастием, допросы с очень большим пристрастием превратили его существование в ад.

— Пятнадцать лет ты водил органы за нос! Думаешь, это может сойти с рук? — Орал на него следователь. И бил, били, били...

В один из дней, выплюнув очередной зуб, Лепетченко простонал:

— Я всё, что знал, уже сказал. Мне что, надо придумать? Скажите что, я подпишу... Хватит лупить, уже живого места не осталось...

— Ты, Лепетченко, хочешь сказать, что карательные органы Советской власти выбивают показания? Нет... мы правду

из тебя выбиваем. Которую ты уже неделю от нас скрываешь. По какой причине Махно не вернулся из Польши? Ты зачем его предупредил о своем задании?

— Нестор — зверь аккуратный... У него чутье на капканы... Расколол он меня, наверно...

В 1924 году Иван Лепетченко, будучи агентом ОГПУ, был нелегально переправлен в Польшу для того, чтобы выманить Махно на территорию Советского Союза.

Миссия агента «Феди» провалилась. Предводитель анархистов-коммунистов не клюнул на уловку органов. Сорвались планы руководителей советских спецслужб по освещению в прессе добровольного возвращения бывшего красного командира, «осознавшего» свою ошибку. Даже перспектива получить доступ к своим схронам не подвигла атамана на этот шаг. Слишком крепко он ненавидел своих бывших союзников в борьбе за свободу крестьянства. Так и закончил свою жизнь Махно в нищете, скончавшись от туберкулеза в предместье Парижа 6 июля 1934 года.

— Иль ты сам его предупредил? — Капитан выбил табурет из-под заключенного. — Или узнал, где Нестор спрятал награбленное да перепрыгал, а? — Армейский сапог своим каблуком придавил к каменному полу руку Лепетченко, да так сильно, что арестованный зашелся в крике от боли в ломающихся костях пальцев.

— Встать! — капитан поставил на место табурет и ударил ногой подследственного. Тот, держась за живот, на четвереньках дополз до стола и попытался сесть.

— Щас... щас... — шептал арестант.

Разъяренный энкаведешник схватил его за волосы и ударил лицом о табурет. Лепетченко завыл от безысходности — в этот раз ему отсюда не выйти. Из разбитого носа текла кровавая юшка и говорить сквозь распухшие губы было почти невозможно.

Следователь, направив в лицо подследственному лампу, достал из тощей папки бумагу и зачитал: «Агент «Федя» указал место схрона материальных ценностей, добытых бандой Махно преступным путем во время пребывания в Мариуполе в апреле 1919 года».

— Так, Федя?

— Так точно. Всё что знал, всё указал. Клянусь, это всё...

— Но в Мариупольском банке было больше! Гораздо больше! Ты слёзы сдал! Остальное где?

— Не было ничего. Здесь только один схрон был... Может, он с собой увез, я почем знаю...

— Хорошо, допустим... — Следователь положил бумагу назад в папку и аккуратно завязал тесемочки. — Ты же с ним всё время ошивался, и что? Были бы деньги, разве плотничали бы? Значит, здесь золото! Здесь!

Два хлестких удара по лицу лишили Лепетченко сознания.

— Отлей его, Семенов! — Сержант НКВД окатил подследственного половиной ведра воды, специально заготовленного для этого случая.

Лепетченко пришел в себя и, как мог, прошептал:

— Здесь денег больше нет... Я бы знал. Лёва Задов, как мы через Днестр переправились, Гале, жене Нестора, перстень отдал. Сказал, это всё что есть.

— Ну, а остальное где?

— Я не знаю... ей богу, не знаю...

— Ты ж ординарцем был? Как такое возможно?

— А вот так и возможно... Были люди главнее. Ты что, лейтенант, думаешь, меня на все схроны приглашали? На побегушках я был, триста раз уже говорил и тогда, и сейчас повторю.

— Кто может знать?

— Зиньковский может. Он на григорьевский поезд навел. А там золота было — не чета Мариупольскому схрону.

— Кто это, Зиньковский?

— Лёвка. Лёва Задов. Начальник корпусной контрразведки батьки. Лев Николаевич Зиньковский.

— Толку с тебя, как с козла молока, агент Федя... — следователь заполнил протокол допроса, дал подследственному расписаться на каждой странице и вызвал караул для того, чтобы отправить его в камеру.

Спустя почти два месяца завмаг признался в сотрудничестве с румынской разведкой, в связях с зарубежным антисоветским подпольем. 20 октября 1937 года Иван Лепетченко предстал перед тройкой. О сокровищах атамана Махно в Мариуполе подследственный так ничего и не сказал. Суд был скорым, приговор — по-пролетарски суровым. Расстрел. В тот же день приговор привели в исполнение.

26 августа 1937 года. Одесса.

С середины лета тревога поселилась в семьях одесситов. Вести о внезапном исчезновении людей шепотом передавались на Привозе из уст в уста и только проверенным знакомым. Расспрашивать о мужьях, неожиданно исчезнувших из семьи, мало кто рисковал — лишние разговоры про врагов народа до добра не доведут, а оно нам надо, чужое горе?

Ежовские чистки органов власти, силовиков и партийного актива были в самом разгаре. В безопасности себя чувствовать не мог никто.

Около половины шестого вечера оперативная группа пришла по адресу: улица Жуковского, пять. В большом, добротном четырехэтажном доме с внутренним двором размещалось общежитие для сотрудников управления Народного комиссариата внутренних дел. В этот раз беда пришла в квартиру номер семнадцать.

Ничего не подозревающая хозяйка открыла дверь, вытирая руки, запачканные мукой, о передник — с минуты на минуту мог уже вернуться муж, и к его приходу Вера Ивановна стряпала пирожки с картошкой и шкварками.

— Разрешите? — капитан предъявил в развернутом виде удостоверение с красной обложкой и, не дожидаясь ответа, сделал шаг в коридор. За ним проследовали остальные.

Постановление на обыск, понятые — всё, как в тумане. Значит, Лёва с работы уже не вернётся...

Вера Ивановна Зиньковская, супруга оперуполномоченного иностранного отдела НКВД в Одесской области Льва Зиньковского-Задова оказалась права в своих предположениях. Ее супруга арестовали при выходе из здания на Марзливой, 40, где располагалось управление, в двух кварталах от дома.

О том, что тучи над ним сгущаются, Зиньковский уже догадывался. Четырнадцать лет оперативной работы в Одессе обострили его и без того хорошо развитое чувство интуиции. В зоне ответственности Задова находилась вся агентурная сеть в Румынии. Провалы двух его самых ценных агентов в Генштабе Румынской армии и штабе 3-го армейского корпуса свели на «нет» многолетнюю работу и стубили всех остальных резидентов в Кишиневе и Бухаресте.

— В ходе обыска у вас изъят маузер с монограммой «За боевые заслуги». Поясните, откуда у вас это оружие? — Следователь Яков Шаев-Шнайдер был лично знаком с подследственным, но сейчас проворный сотрудник вёл себя подчеркнуто официально. От того, как он раскрутит Задова, зависела его будущая карьера.

— У тебя на столе моё личное дело, Яша. Там указано: «Награждён Одесским отделом ГПУ в 1929 году». Ты лучше меня всё знаешь. Давай без этих формальностей и дальних заездов.

— Я бы вам, арестованный, рекомендовал вести себя сдержанней и без фамильярностей. Видеться теперь мы будем часто, разговаривать — долго. Я из тебя, гнида, всю правду

вытяну. Начиная с твоего махновского прошлого. Не сомневайся.

— Слушай, Яша, не такого полета птицы в этой истории разбирались. И до конца разобрались, поверь, справедливо разобрались. Я свое уже давно доказал. Все материалы в архиве, — с прежним пренебрежением к собеседнику ответил Зиньковский.

— А вскрылись новые обстоятельства, Задов. Вам знакома фамилия Лепетченко?

Судьбой махновского ординарца Зиньковский не интересовался. Дела давно минувших дней его не тревожили. После возвращения из Румынии, куда он ушел вместе с Махно в 1921 году, его показания перепроверялись много месяцев. С Иваном Лепетченко после того он ни разу не встречался.

— Знакома, а как же... Говорят, в Мариуполе работает. Кстати, из наших, сотрудник. Нештатный, правда, ну так он никогда ретивостью не отличался.

— Правду говоришь, Задов. Ничего, что я тебя настоящей фамилией называю? Ты, кстати, для чего её сменил?

— И тут тайны нет никакой. Мода была на псевдонимы. Ещё в тюрьме придумал, на заре туманной юности.

— Так вот, твой знакомый Лепетченко дает признательные показания. Очень интересные, кстати, но об этом попозже. Сейчас меня интересует развернутый ответ на вопрос: как давно вы, гражданин Зиньковский, завербованы Сигуранцей¹.

Сентябрь 1938 года. Киев.

...Арестованному Зиньковскому снился дом. Неказистая хата, крытая соломой, с вишней во дворе. Вот сейчас округу разбудит гудок металлургического завода Новороссийского общества, и мужики потянутся на смену. Лёве до проходной от дома — семь минут неспешного хода.

Отец уже запряг коней в телегу и отправился на заработки. Где там он сегодня? Мешки с углем возит с рудника или по Юзовке подряд нашел? Вечером, за ужином, когда мама поставит на стол вареную картошку, батя расскажет, где был и что видел. Братья и сестры соберутся за одним столом. Исаак опять будет молчать, страдая за своей любимой Фирой с первой линии, Люба будет жаловаться ему на поселковую шпану и требовать разобраться в субботу со своими обидчиками, а маленькая Ася всё никак не слезет с маминых рук.

Это всё будет вечером, а пока впереди смена. Глянув на Лёвин рост и ручищи, мастер сразу определил его каталом в

¹ Сигуранца — Румынская тайная полиция.

доменный цех. Там все были такие, как Лёва — здоровяки и крепыши. Шутка ли — 12 часов таскать «козу»². Нагрузи, довези, скинь, и так — всю смену. Первые недели Лёва валялся дома с ног. Бывало, и без ужина засыпал, но ничего — втянулся.

Потом тюрьма снилась... В неё он попал в 1913-м за налет. Вот ключи в замке проворачиваются и входит какой-то матрос... «Вставай, братва, свобода! Революция случилась!»

И тут же: «Зиньковский! На выход!»

Нет, это уже не сон. Это за ним.

— На выход, Зиньковский! Лицом к стене, руки за спину! — конвоир вел его на очередной допрос.

Тринадцать месяцев бесконечных допросов. Следователь Яша, как он про себя называл своего бывшего коллегу, лютовал почти каждый раз. Но сам руки не марал. Для этого при нём специальный старшина состоял, с кулаками, как у кузнеца.

— Очисти душу, Задов! Все твои предательские действия доказаны, связь с румынской разведкой — ты сам подписал. Гдеклады махновские? — Шаев-Шнайдер начинал свою старую песню. Уж очень хотелось ему то ли выслужиться, то ли разбогатеть самому.

— Не знаю, — ответ арестанта был каждый раз одним и тем же.

Старшина по кивку следователя приступил к своей работе — сбил со стула, а потом, чтобы руки поберечь, лупил ногами.

— Чистосердечное раскаяние еще дает тебе шанс выжить, Задов! Вот мне только подписать эту бумагу.. — Шаев-Шнайдер помахал перед ним каким-то листком. — И твое дело уходит в тройку, понимаешь, дурачок? А так, может, и пощадят тебя.

— Нет никаких кладов. И не было.

— А перстень Галине, жене Махно, ты откуда взял?

— Не было никакого перстня. Плотничали мы...

Старшина продолжал усердствовать. Следователь наклонился над лежащим на каменном полу Зиньковским и прокричал ему прямо в ухо, из которого шла кровь:

— Отдай деньги награбленные, гад махновский!

Лёва собрался с силами, приподнял голову и, собрав во рту обильно скопившуюся кровь, плюнул на галифе следователя.

— На тебе деньги! — перед собой следователь увидел окровавленную дулю.

² «Коза» — двухколесная тачка для доставки железной руды к домне.

На следующий день, 25 сентября 1938 года, выездная сессия военной коллегии Верховного суда СССР приговорила Льва Николаевича Зиньковского-Задова к высшей мере наказания. В тот же день приговор был приведен в исполнение.

Обвинение Льва Задова в шпионаже в пользу иностранных разведок было в последующем пересмотрено. Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 29 января 1990 года Лев Николаевич Зиньковский-Задов посмертно реабилитирован.

Все члены семьи Задова, оставшиеся в оккупации в городе Сталино, погибли в шурфе шахты 4-4 бис — казнены фашистами. На мемориальной доске, возле места массовой казни жителей, обозначены в том числе их девять фамилий. Младшей девочке — Эстриной Лилии исполнилось к тому времени всего 11 месяцев.

Следователь по делу Лёвы Задова — Яков Шаев-Шнайдер в 1939 году был приговорен к расстрелу за подделку материалов уголовных дел и выбивание показаний, но нашему герою уже было всё равно.

Сокровища Махно до сих пор будоражат умы искателей приключений, авантюристов, и нет ни одного подтвержденного факта, что они где-либо были обнаружены.

Логика подсказывает, что Нестор Махно, оказавшийся в эмиграции в одной гимнастерке, оставил свои сокровища где-то на родине, а значит, эта история когда-то еще получит свое продолжение...

ИСТОРИЯ ДОМА ПО УЛ. ЩОРСА

2013 год кардинально изменил ход истории на Украине. Под влиянием западных политиков активизировались деструктивные националистические силы, годами ожидавшие своего часа. Уличные беспорядки, начавшиеся в Киеве в конце года, словно контролируемая эпидемия, захватывали один регион за другим.

В решающий момент президент В.Ф. Янукович оказался неспособным к сопротивлению и потерял контроль над ситуацией. Тот день, когда был совершен государственный переворот, можно считать днём начала гражданской войны на Украине. Донбасс не принял «новую власть».

Девять лет обстрелов, экономическая блокада, разрушение водоснабжения городов, боевые действия практически на территории всех городов Донбасса, бесконечные фиктивные перемирия, затягивание переговоров только укрепили дончан в по-

нимании жестокой правды: нас и наши города хотят стереть с лица земли.

Но своё могучее плечо подставила Большая страна. Та, которую всегда ждали, любили, которой верили. 30 сентября 2022 года Донбасс, Запорожская и Херсонская области вошли в состав Российской Федерации.

...Если бы нынче какой-нибудь креативный продюсер затеял очередной конкурс чего угодно, то Баба Зина в нём однозначно одержала бы победу с фантастическим отрывом. Она, конечно, об этом не догадывалась, да и продюсеры за ней никогда не бегали, но всем победным критериям она однозначно соответствовала: ясный взгляд, гордая стать, словарный запас, которому позавидовал бы Жириновский в лучшие свои годы. Это была объективная реальность, с которой давно смирились все окружающие — старость может быть красивой. Жить рядом со звездой сложно, но в целом — возможно, если соблюдать элементарные правила приличия, не составлять ей личную конкуренцию и не подкидывать мелких производственных проблем.

Эра автоматизации и промышленной электроники ворвалась в жизнь Зинаиды Перепёлкиной что-то около двадцати лет назад в кабине грохочущего выхлопной трубой синего «ЗИЛа» с широкой красной полосой, разрезавшей высокую серую будку по диагонали. У ветра перемен имелось вполне себе земное имя — Люся, у которой в жизненном активе были только юные пухленькие щёчки, постоянно покрытые розовыми пятнами смущения, и должность стажёра отдела кадров.

В глубине души наивная Люся вполне осознавала, что поручение немного не по её статусу, да и где это видано, чтобы отдел кадров выезжал в поля, но делать было нечего — пачку заявлений о переводе Люсе вручила лично Клавдия Васильевна, начальница всего на свете, которую она боялась, как огня. Это душевное напряжение заставляло Люсю краснеть, терять дар речи и опускать взгляд.

Именно вот так, потупив взор в бетонный пол, Люся с папкой на верёвочках под локтем вошла в котельную № 34/12, что располагалась во дворе дома № N по улице Щорса. Люся неуверенным движением подала Зинаиде для ознакомления лист бумаги с приказом об увольнении. Единственное, что девушка смогла из себя выдавить, это были слова — «на предприятии сокращение». Если хотите, мол, то можно переводом на должность сторожа базы отдыха в Урзуфе. Или подыщем чего, но надо подождать.

Гордая Зинаида, посвятившая всю свою сознательную часть жизни вентилям, манометрам и технике безопасности, здраво рассудила, что это отнюдь не повышение, и она спокойной, без имиджевых потерь, может трудоустроиться в округе, где её знал каждый кот, уж не говоря о ежегодно сменяющихся участковых. Так Зина открыла вторую часть своей производственной карьеры, став самым известным и главным человеком в квартале — дворником.

— Всё метёте, Зинаида? Моё почтение, — тихий голос старика в шляпе и старомодном пальто, тронутым молью, заставил Зинаиду оторвать взгляд от чёрного после ночного дождя асфальта.

— Герман Андреевич, что-то вы сегодня позднеенько. Не заладилось чего?

Зинаида исполнила ещё пару широких шуршащих замахов и, деловито опираясь на метлу, с уставшим видом приняла позу, удобную для диалога.

Герман Андреевич имел обыкновение в восемь утра в любую погоду выходить за свежим хлебом. Пусть даже на улице была метель, он всегда выходил в это время. Можно было сверять часы по нему. А тут — задержался больше чем на час!

Переложив трость из руки в руку, профессор русской словесности в отставке привычным движением поправил очки в тяжёлой роговой оправе прошлого века и несколько смущённо заметил:

— Видите ли, Зинаида, я мог бы изобразить сейчас умное лицо и сказать, что увлёкся Чеховым, не обратил внимания на время, поздно лёг спать, но дело обстоит гораздо проще. Сердце прихватило.

— Так, профессор. Вы мне вот это прекращайте! — в тоне женщины прослеживалась безапелляционная требовательность. — Нас, хороших людей, на Земле не так много осталось. Капли сердечные дома есть?

— Срок годности закончился. Зайду в аптеку, пожалуй...

Герман Андреевич Лазарев, несмотря на свои почтенные годы, имел вид весьма элегантный и моложавый. Его синий костюм в мелкую полоску, давно переживший свои самые славные годы на кафедре русского языка, по сей день имел на брюках прямые, как пика гусара стрелки, и чистые, как помыслы первого коммуниста, обшлага. Окладистая седая бородка подчёркивала жизненный опыт и вызывала восторг соседских детишек, считавших, что Дед мороз специально укоротил её на лето, чтобы не растаять от жары. Единственное, что выбивалось из этого идеального ансамбля аккурат-

ности, это заклеенная медицинским пластырем дужка старых очков с приличными диоптриями.

Судьбу свою профессор оценивал с точки зрения исторического материализма и здравого смысла. Умеешь грамотно изъясняться и правильно расставлять запятые — занимайся тем, что получается, приноси пользу там, где полезен. Большая семья Германа Андреевича видела в нём главного человека, тихое слово которого имело вес не меньше, чем у папы римского перед паствой на площади Святого Петра. Университетская кафедра воспринимала его как патриарха филологической науки, и каждый новый лаборант почитал за честь лично доставить в лекционную аудиторию наглядные материалы, чтобы затем при всех пожать профессору руку и получить от него личную благодарность.

Казалось бы, всё сложилось так, как заслуживает порядочный человек, но на закате его лет судьба посчитала, что Герман Андреевич и его любимый город, с которым он вместе вырос, становился на ноги и добился расцвета, стали настолько сильны, что им под силу вынести и новые испытания.

Когда в Донецке подняли голову украинские националисты, русский во всех смыслах профессор отнёс этот факт к недосмотру государственной власти, что его несколько не удивило. Это было похоже на какие-то несерьёзные игры. Когда его родной университет эти же люди пытались назвать именем совершенно чуждого его городу человека, он воспротивился вместе со студентами и своими единомышленниками. Когда эти же пассионарные персонажи в Киеве стали жечь на главной площади страны покрывки, было уже поздно что-либо осмысливать. Всё случилось. Майданная чума шла от города к городу, заражая людей вирусом ненависти и бессмысленного фанатизма. Остановилась эпидемия в Донбассе — многонациональном и трудолюбивом крае, исторически привитом от всякого рода подобной дури. Некогда было здешним людям рвать на улицах глотки и жечь резину. Они работают. Они всегда заняты созиданием.

Герман Андреевич продолжал исправно ходить на службу, каждое утро здороваясь с коллегами в университетском коридоре. Речи между коллегами в курилке становились с каждым днём всё тревожнее, город постепенно пустел, телевизионные новости учащали пульс и повышали давление. После того, как над городом пролетел военный самолёт, в моделях которых профессор совершенно не разбирался, стало окончательно понятно, что заслуженного годами безупречной службы покоя ему не предвидится.

— Если нездоровится, то я могу в аптеку заскочить. Шли бы вы домой, профессор, — участливо произнесла Зинаида, виртуозно откидывая кончиком метлы к бордюру одинокие кленовые листья.

Где-то недалеко гулким эхом в осеннем тумане хлопнул о землю снаряд. Потом другой. Затем третий. А может и не о землю. А может кто-то сейчас погиб.

Зинаида замерла на доли секунды, но только затем, чтобы рукой сдвинуть платок, прикрывавший ухо.

— Где-то на севере. Кажись, в Киевском районе опять. Вот черти лохматые.

— Зина...

— Чего, Андреич? — дворник поправила платок так, чтобы было не холодно, и сосредоточено продолжила мести.

— Когда мы пропустили этот момент? — тихо спросил профессор.

— Какой, Андреич?

— Когда война стала на нашем пороге.

— Так, а мы что, профессор? Наше дело простецкое. У меня вон — мести. У вас — лекции читать. Вы честно лекции читали?

— Конечно. Много десятилетий подряд.

— И я честно мету. А кто-то работу свою сделал не честно. Вот и здарсьте вам. Оно ж как... Страна — это ж не автобаза. Малость посложнее будет. Вы, Андреич, если своих студентам неправильно запятым научите, вас с работы погонят?

— Я не могу научить неправильно... Это моя профессия.

— Ну вот и я натурально говорю — профессия! А президент — это профессия?

Герман Андреевич на секунду задумался.

— Нет. Это должность.

— Вот в этом и вся беда, Андреич! — многозначительно изрекла Зинаида. — Над ними начальства не было. Ежели чего, так и уволить некому. А был бы над Януковичем начальник...

Металлическая дверь подъезда тяжело открылась. Фира Ароновна, проживавшая на четвёртом этаже, слабачкой себя никогда не считала, но каждый раз чертыхалась на только ей известном языке, когда приходилось преодолевать сопротивление серебристого рычага доводчика входной двери.

— Настанет день, когда я лягу тут на пороге, безжизненная и раздавленная этой адской штукой пополам! — произнесла старушка вида Божьего одуванчика в шляпе, помнившей Шалапина.

— Фира! Так вот ты зачем губы каждый день красишь? — рассмеялась Зинаида, раскладывая на земле большой квадрат толстого целлофана.

— А кому я там, — старушка многозначительно указала пальцем в небо, — буду нужна такая несвежая и морщинистая? Так хоть по яркому пятну на лице найдут!

Фиру Ароновну почитали во дворе с момента её заселения в третий подъезд, а это было очень давно. Справедливая и громкоголосая начальница аптеки, она осталась совсем одна в трёхкомнатной квартире после того, как оба её черноволосых и рослых сына собрали чемоданы, детей и жён, и отбыли на историческую родину. Тётя Фира сказала им тогда, чтобы вовремя кушали и держались подальше от арабов, а она свою аптеку ни на какой кибуц никогда не променяет. Дети уехали, а Фира осталась наедине со шкапами, полными таблеток и капель, со своим стерильной чистоты халатом и постоянно тревожащим варикозом.

— Профэссор! — изрекла Фира, игриво стрельнув большими, слегка на выкате, глазами. — Не желаете ли даму на свидание проводить?

— Куда сегодня, Фира Ароновна? — смиренно ответил филолог.

— Сегодня в нашу аптеку. Тем более, я краем уха с балкона слышала, что у вас тоже закончился валокордин. На обратном пути прикупим поллитру кефира и гульнём!

— Всегда ваш! — Герман Андреевич галантно подал локоть, и они оба неспешным шагом отправились в аптеку на Ватутина, которая пережила все штормы перестройки, рыночных отношений, развала страны и теперь переживала вместе со своими постоянными клиентами то, чего никто из них не ожидал. А именно — войну.

Каждое утро в шесть часов начальник ЖЭКа Сергей Петрович Сердюков собирал личный состав на оперативное совещание. Отставной майор не терпел беспорядка ни на службе, с которой был уволен по инвалидности, ни дома, ни на своей новой службе. Он было пришёл в военкомат, положил на стол свой военный билет и потребовал принять на любую возможную службу, но дежурный, пытаясь скрыть в голосе сострадание, указал взглядом на пустой правый рукав и вежливо предложил ждать звонка. Звонок-таки раздался, но Сергею Петровичу была предложена деятельность не по профилю, но тоже сложная и очень хлопотная.

Окинув суровым взглядом из-под густых с проседью бровей двух дворников, сантехника, секретаря Сонечку и мастера Ирину Вячеславовну, Сердюков командирским голосом промолвил:

— Обстрелы участились. Сами видите. Чего рассказывать? Нашей работы это не отменяет.

— Так чему быть — того не миновать, — сказала Зинаида, деловито поправив передник.

Сердюков оторвал взгляд от окна, сквозь которое было видно, как пожарная машина привезла в котельную воду.

— Зина, ответ неправильный. Только упадёт где-то рядом — ты тут же падай. Даст Бог — от наземного взрыва спасёшься. Кстати, об этом и хотел поговорить. Соня!

Секретарь, она же дежурная аварийной службы, она же делопроизводитель, она же сотрудник бухгалтерии управления на четверть ставки, стыдливо положила издающий булькающий звук смартфон под папку.

— Да, Сергей Петрович!

— Где объявления? Я тебе вчера пачку бумаги привозил.

Соня вскочила, как ошпаренная. Начальника своего она не то чтобы побаивалась, но чувствовала в нём какое-то мужское начало, не позволявшее противоречить. Поэтому все поручения исполнялись вовремя, работа спорилась, дело делалось.

— Вот. Всё готово, — Соня достала из ящика своего стола увесистую пачку нарезанных уже объявлений.

Сердюков надел на крупный нос очки для чтения, взял верхний лист, и, немного подальше отодвинув от носа объявление, вслух зачитал:

«Уважаемые жильцы! Для обеспечения своевременной эвакуации при обстреле просим вас держать двери подъездов открытыми. С уважением, администрация ЖЭК».

— Толково написано, чё тут скажешь... Теперь не надо будет за ключами бегать, если что. И мне легче, — промолвил сантехник Фёдор, разминая в руках большую, засаленную кепку.

— Тебе, Фёдор, легче пока что не будет. В каждом доме следует установить кран в одном из подъездов. На первом этаже. Пока новый водовод из Дона достроят, следует сделать так, чтобы люди не толпились в очередях возле автоцистерн. Если вода есть — то на первом наберут. А сейчас каждому по банке клея, по пачке объявлений и до обеда расклеить. Адреса у Сони...

Погода оставляла желать лучшего. Густой туман навалился на город сверху, будто пытаясь уберечь его от глаз вражеских беспилотников и артиллерии, хотя Зинаида по своему многолетнему опыту точно знала, что стопроцентной гарантии покоя туман тоже не даст. Но лучше уж пусть ноет вечный ревматизм, чем вражеские наводчики будут иметь полную свободу оптики.

— Зина, выпей чаю, — профессор спустился во двор со своим любимым китайским термосом в розовых цветах точно в то время, когда подуставшая от хождения по соседним кварталам дворничиха вернулась в свой двор.

— Ой, Герман Андреич, низкий поклон вам. Не откажусь. Вроде и не холодно, а продрогла уже. Опять с балкона запримети? Прекращайте курить, уважаемый. Лечиться теперь дорого, — подмигнула Зинаида, принимая одноразовый стаканчик из рук профессора.

— Так увидел, что ты идёшь... С кем мне теперь разговаривать? Фира дома сидит, вся в новостях, передачи свои смотрит, на улицу носа не высовывает. А я не могу в одиночестве. Устал.

— Что стряслось? — Зинаида, глядя на серое лицо профессора, не решилась отпить чай из его рук.

Герман Андреевич поставил термос на лавку, поправил шарф, протёр носовым платком очки.

— Я-то думал, Гриша просто писать не может. Думал, на службе занят. А сегодня позвонили, сказали — без вести пропал. На Артёмовском направлении. Так что один я остался. Совсем один, — произнёс старик, с трудом преодолевая ком, подкативший к горлу.

Зина только схватила за голову и тихонько охнула. После смерти жены и дочери младший сын профессора Гриша был единственной его опорой и надеждой, его лучшим воспитанником. Каково же было удивление Зинаиды, когда она узнала, что белобрысый Гришка, который вырос у неё на глазах, оставил работу завуча в школе и ушёл добровольцем. Никогда она не спрашивала профессора, как там его малой. Боялась услышать плохое, но этот день всё-таки настал...

Саньку Вашенко из второго подъезда Зинаида всегда считала начинающим разбойником. Неуправляемый рыжий сорванец с детства дрался со всеми подряд, кто смел хоть что-нибудь произнести в его адрес про дедушку или лопату. Со временем буйство парня поутихло, сменилось тягой к гуманитарным наукам и трансформировалось в неожиданный для многих выбор профессии. Саня стал подрабатывать в местной газете журналистом и постепенно выкатился на приличный профессиональный уровень регионального масштаба. Когда город перешёл в ритм военной жизни, молодой журналист вместе с ним оделся в камуфляж и переквалифицировался из светского репортёра в военкора.

— Тётъ Зин, как жизнь молодая? — прокричал ей издали рыжий крепыш в берцах, как только закрыл свою старую

«Ниву» двумя нажатиями на брелок. Машина, щедро расписанная из баллончиков в коричнево-зелёные цвета, жизне-радостно пикнула, и Санька, для приличия пнув ногой колесо, направился в сторону дворничихи.

— Ну что ты, разгильдяй, не заезжаешь? Извелась я совсем, — отчитала Зина Саньку.

— Виноват, тётъ Зин, сам понимаю. Не успеваю ничего. Спать иногда некогда. Вот гостинцев прихватил с собой, — Александр достал из пакета плитку чёрного шоколада и, не обращая внимания на громогласные протесты Зинаиды, положил её в широченный карман фартука.

— Что там твои тырнеты пишут? Когда покой у нас уже будет? Победим когда? Почему так неспешно? — Зина считала Саньку большим авторитетом в сфере новостей и политики, полностью ему доверяла и никогда не отпускала домой без краткой политинформации.

— Та я ж сейчас больше по фронту, — ответил Санька, почёсывая рыжую копну на чубе. — А там жизнь совсем другая и заботы другие. Вот собираем на квадрокоптеры. Повезу сегодня подшефным.

— Квадро... чего? — прищурившись, переспросила Зина.

— Коптёры. Такие маленькие вертолёттики. Раньше свадьбы снимать ими было модно, а теперь вражеские позиции можно видеть.

— А-а-а... Так бы и сказал. Птички называются. Слыхала я.

— Ну вы даёте, тётъ Зин! — улыбнулся Саня. — У вас-то тут как? Как живёте? Что с водой?

— У нас всё как обычно. За летом осень, потом зима. Живы с Божьей помощью. А с водой полегче, да. Теперь каждый день дают вечером. На три часа. Бывает, сбивается график, так что ты там в ванну набери на всякий случай.

— Есть набрать! — Саня в шутку отдал честь и собрался идти.

— Погоди, Сань, дело есть.

Военкор почувствовал в её тоне какое-то напряжение.

— За Гришку Лазарева слышал? — спросила Зинаида.

Саня некоторое время стоял неподвижно, потупив взор, потом достал из нагрудного кармана пачку армянских сигарет, закурил и только потом смог посмотреть Зине в глаза.

— Не только слышал... Я там был, когда это произошло.

Преодолев слабость в неожиданно ослабевших коленях и справившись с сердцебиением, Зина сверлила Саню пронзительным взглядом.

— И молчал пять месяцев?

Военкор выпустил тугую струю дыма себе под ноги.

— Да. Молчал. Мне нечего было сказать. Известно, что в блиндаж прилетело. Наши опоздали. Трупов шесть, а было их там восемь человек. Следы крови, волочения. Среди погибших Гриша не значится. Это и называется «пропал без вести». Что я мог сказать?

— Андреичу позвонили, сказали, что пропал. Серый ходит. Извёлся весь. Боюсь я за него.

Саня поставил пакет на лавку, взял Зинаиду за плечи и, уверенно глядя в глаза старушки, произнёс:

— Тётъ Зин, давай так. Мне за Гриню напоминать лишний раз не стоит. С малолетства вместе. Я и молчал потому, что не знал ничего точно. Теперь знаю наверняка. Жив он.

Зина обхватила голову руками.

— Ой, божечки! Счастье-то какое! А где он? В госпитале?

— В плену.

Теперь Зинаида схватилась за сердце.

— Горе-то какое...

— Да погоди ты причитать, тётъ Зин! — Саня, завидев на профессорском балконе огонёк его сигареты, приложил к губам палец. — Тихо!

— Привет, Санька! — Герман Андреевич помахал ему рукой с балкона.

— Здравсьте, дядя Герман! Как вы?

— Как обычно... — прозвучало сверху.

Зинаида понимающе кивнула и стала спиной к балкону, чтобы её голос было не слышно:

— Санёчек, миленький, прошу тебя... Очень прошу! Не говори профессору. Помрёт ведь с тоски дед.

— Вот я вас о том же хотел просить, тётъ Зин. Там настолько всё сложно, что я даже не знаю, чем это закончится. Можно сказать, что там сама судьба распоряжается.

— Так, а Гриня-то всегда везучим был, это же факт.

— Факт. Похоже, ему опять повезло. Он в списках на обмен. Я лично видел. Люди по несколько лет ждали раньше. И вот, чтобы ничего не сглазить, я вас прошу, тётъ Зин...

— Чай, не дура совсем. Третий раз ещё скажи, — с обидой ответила женщина. — Что такое? У меня отличный слух и зрение, как у индейца. Ты видел когда-нибудь на мне очки?

Саня улыбнулся и отрицательно покачал головой.

— Вот то-то! Но ты меня в курсе держи.

— Договорились, — ответил Саня. — Герман Андреич, открывайте, с гостинцами иду! Шикарная тушёнка! Из моего личного сухпайка!..

Что это было точно — не понял никто. По иностранным буквам на обломках, которые потом находили в квартирах и

выковыривали из-за гипсокартона — какая-то иностранная ракета.

Гарик Тоноян обычно приезжал со своего магазина на Гвардейке около трёх часов дня. И в эту пятницу он остался верен себе, тем более что мама Ануш обещала побаловать их сегодня своей нежнейшей кюфтой.

Какие армянские святые заступники спасли Гарика и с какой целью, — он задумался только потом, на следующий день. А в пятницу, тридцатого числа, в пятнадцать часов семь минут он, довольный тем, что сегодня заменил масло в сердце своей любимой «Тойоты», стоял на последнем перед поворотом во двор светофором.

— Ну что ты такой длинный, кому ты тут нужен, — причитал Гарик, глядя вправо на улицу Шорса, которая пустотой своей очень напоминала четырнадцатый год.

— Вай, да что такое, кто тебя сломал, зеленоглазый ты мой! — разговаривал завмаг со светофором.

По-восточному темпераментный Гарик проникся трепетным отношением к светофорам только после третьей аварии. Покойный ныне его отец тогда сказал своему рано лысеющему сыну, что лимит нервов и запас автомобилей в семье исчерпан, и теперь Гарик всё в своей жизни будет оплачивать сам. А начать нужно со «светофорного объекта», который он снёс под корень отцовской «Волгой» на улице Марии Ульяновой в том месте, где она упирается в проспект Мира.

Гарик помнил этот звук и этот удар шеей о руль. Было очень больно, обидно и накладно.

— Ну давай, что ты! Сэрдце твоё камэнное! Меня кюфта дома жидёт, эээ?!

Светофор никак не переключался, но наконец-то соизволил посветить средним жёлтым и включить зелёный.

— Мерси, мой почтенный друг! — произнёс завмаг в адрес «светофорного объекта», поворачивая налево во двор. По привычке, заезжая за угол дома, завмаг всегда вытягивал голову вперёд, чтобы увидеть, не занято ли его личное парковочное место каким-нибудь залётным негодяем. Уже давно в этом дворе посторонним транспортным средством была только пожарная автоцистерна два раза в неделю, но Гарик по привычке продолжал выглядывать за угол и потом облегчённо выдыхать.

В этот раз завмаг увидел не парковочное место, а ярко-жёлтую вспышку где-то на уровне верхних этажей. Лобовое стекло треснуло густой паутиной, в центре которой зияла дыра размером с его громадный кулак. Спинка пассажирского сиденья исчезла, унесённая назад куском раскалённого же-

леза. В ушах звенело, в глазах потемнело то ли от дыма, то ли от удара головой об асфальт. Повинуясь неведомым рефлексам, Гарик просто вывалился боком на тротуар. В Донецке именно поэтому не пристёгиваются, а вовсе не из соображений провинциального форса, как думают многие вновь прибывшие.

Гарик накрыл голову руками и поймал себя на мысли о том, что сейчас нет ничего более глупого, чем считать гулкие удары осколков о землю. Следом за раскалённым железом вниз посыпались обломки веток и балконов. Последними на землю падали лёгкие москитные сетки, сорванные с окон взрывной волной. Одна из них легла на Гарика, больно ударив его углом в щеку.

Скорость мышления человека в экстренной ситуации поражает учёных уже очень давно. Всё происходит, как в замедленной съёмке, но количество действий в единицу времени просто поражает.

Первое, что сделал Гарик, ещё лёжа, так это вознёс молитву длинному светофору. Если бы не он, то лежать бы ему сейчас метрах в двадцати впереди, разорванному вражескими железками. Следующая мысль посетила завмага, когда он поднял глаза и увидел горящую газовую трубу над входом в подъезд. «Сейчас приедет пожарная, а я закрыл проезд», — пронеслось у него в голове, после чего Гарик за какие-то доли секунды оказался снова за рулём своей «Тойоты». Двигатель пожилой машины продолжал издавать такой приятный его уху звук и уже ещё через две секунды, взвизгнув по плитке лысой резиной, белая машина свернула резко вправо на ближайшее свободное место. Как только Гарик заглушил её, мозг извлёк из памяти кадр, на котором женщина в платке и оранжевом жилете прислоняет к стене дома метлу и берётся за дверную ручку...

Накрыв голову курткой, Гарик преодолел огненный рубеж на входе в подъезд. Языки пламени уже оплавляли остатки пластиковой рамы окна над дверью, и чёрный дым, словно в пятиэтажную трубу, затягивало внутрь. «А говорил же пожарный инспектор — держите выход на чердак закрытым», — вспомнил Гарик, натягивая на нос низ своего свитера.

Оранжевый жилет в дыму он заметил на первой же площадке. Наверное, Зина пыталась спастись, поднимаясь вверх.

Спотыкаясь о битый кирпич и обломки оконных рам, Гарик мысленно благодарил жену, подарившую ему на зиму обувь на толстой подошве, — пол и ступени были густо усеяны хрустящим под ногами стеклом.

— Зина! Ты слышишь меня? — Гарик нащупал ногу женщины в резиновом сапоге и потянул её на себя. Зина признаков жизни не подавала, голова её лежала в луже крови.

Кандидат в мастера спорта по вольной борьбе Тонян к своим шестидесяти, безусловно, спортивную форму растерял, но сила в руках осталась прежняя. Богатырская.

Первое, что увидел отставной майор Сердюков, когда выбежал в соседний двор с огнетушителем в одной оставшейся руке, это Гарик, выносящий на себе Зинаиду под пылающей над дверью трубой. Где-то севернее, на фоне начавшейся канонады, уже слышались звуки приближающихся сирен.

— Федька, закрывай газ! — хриплым голосом орал начальник, указывая взглядом на угол дома, где находился вентиль, но сообразительному сантехнику указания были ни к чему. Первое, что он сделал, увидев в окно перебитую трубу — помчался за стремянкой, не забыв при этом проверить разводной ключ в кармане.

Гарик нёс на себе Зину до ближайшей, чудом уцелевшей лавки. Сердюков встал у него на пути.

— На! У тебя две руки! — крикнул начальник ЖЭКа, буквально кинув одной рукой в него большой огнетушитель. — Я Зиной займусь!

Бороться таким огнетушителем с горящим столбом газа бесполезно, но Гарик об этом не знал. Выдернул чеку, нажал на рычаг и с яростным криком направил струю на источник огня. В это время Фёдор, росту в котором было всего немногим более полутора метра, с проворством обезьяны добрался до вентиля и крутанул его по часовой стрелке. Трижды чертыхнувшись, сантехник, ни дня не работавший с газовой резьбой, начал крутить в правильную сторону и огненный факел над подъездом стал постепенно уменьшаться, сходя на нет.

Зинаида, лежащая на лавке в неестественной позе, громко закашлялась после нескольких ударов по щекам и открыла глаза...

— ...Иди сюда! Иди ко мне, дружище! — кричал Санька, отмеряя своими громадными шагами расстояние, отделявшее его от входа в профилакторий, где в новой форме без знаков различия стоял исхудавший, постриженный наголо Гриня.

Саня по своим журналистским каналам знал, что обмен состоялся, но ехать на место ему по статусу было не положено, да и следовало подождать, пока пройдут необходимые в этом случае процедуры. Рыжий здоровяк даже не пытался

повидаться с другом. Смиренно ждал разрешения доставить его домой, и вот это случилось.

Крепкие объятия, дрожь в голосе, вопрос в глазах.

Григорию дали трубку сразу же. В автобусе. К своему стыду он новый номер отца не знал и лишь смущённо развёл руками, но майор извлёк из папки какую-то бумагу, уточнил фамилию и продиктовал номер.

— Отец, это я...

На другом конце провода, как сказали бы в прошлом веке, повисла долгая пауза.

— Бать, это я, Гриня. Я дома. Живой.

В голове профессора тогда пронёсся шторм, подобного которому он не испытывал никогда. Дыхание спёрло, головокружение заставило присесть на табурет, чайник с кипятком чуть не выронил себе на ноги. Куда-то пропали все слова, будто их из головы выбили мощные, пульсирующие удары. Хватал ртом воздух, как рыба на суше.

— Ты... приезжай, пожалуйста. Я жду...

— Бать, обязательно! Обязательно приеду! Вот-вот приеду! Тут несколько формальностей — и всё!

Саня вёл «Ниву» не спеша, Гриня попросил. Каждый угол этого города, каждый дом, знакомый ему с детства, доставляли радость его взору. Пусть даже многие окна забиты фанерой, а фасады густо посечены осколками, всё равно. Он — дома.

На Университетской медленно повернули налево.

— И тут посечено всё... — прошептал Гриша, глядя в окно автомобиля.

— Да, досталось нашему кварталу. За три месяца девять прилётов, но, слава Богу, только стёкла. Глянь — Наташка фанерой забилась, а там внутри помидорами своими торгует. Только у неё берём. Малая в школу у неё пошла, в первый класс. Ей деньги нужны...

На перекрёстке впереди, взывая сиреной и отсвечивая синими проблесковыми маяками, промчался новенький «КамАЗ» брандмейстеров.

— Героические люди, скажу я тебе. Сколько раз такое было, что они тушат, а в тот же квадрат опять прилетает, — заметил Саня, сворачивая на Щорса налево.

Сердце обоих стало биться учащённо, как только они нагнали пожарных в своём дворе.

Прорваться к подъезду у них сразу не получилось. Оконные рамы горели, источая ядовитый чёрный дым. Пожарные раскатали рукава и стали бить по ним тугой струёй такой дефицитной в городе воды. Двое бойцов в брезентовых костюмах и белых касках вбежали в подъезд.

Ни одного целого окна и балкона не осталось. Григорий с надеждой пытался хоть что-то разглядеть в родных окнах на третьем этаже.

Гриня тарабанил обессиленными кулаками в дверь до тех пор, пока не сполз под него, потеряв силы. Растерянный Саня стоял рядом и совершенно не понимал, что сейчас нужно делать.

— Я за пожарными! У них должна быть болгарка!

Дверь напротив тихонько приоткрылась.

— Гриша?

Фира Ароновна, вытирая платком кровь с изрезанного осколками лица, взяла его за руку.

— Вернулся, Гриша... Он тебя так ждёт, так ждёт... Не надо дверь ломать, Санечка. Мы с Германом Андреевичем ключами обменялись на всякий случай. Сейчас, золотые мои, сейчас...

Ключ провернулся на два оборота. Отец никогда не любил замки, которые захлопываются. У Лазаревых было принято закрывать дверь ключом и вытаскивать его, если ждут кого-то из своих, а Герман Андреевич ждал.

Григорий сделал шаг в разрушенную квартиру, переступил через обломки балкона, который занесла внутрь взрывная волна, осторожно отодвинул ногой какую-то дымящуюся деталь, явно прилетевшую извне. Осторожно опёрся на стену, изрешечённую стеклом и шрапнелью, и подошёл ко входу в комнату отца.

Телевизор показывал его любимый исторический канал.

Герман Андреевич сидел в кресле прямо. В тапочках и своём любимом пуловере. Голова профессора неестественно была запрокинута назад. Осколок попал точно в висок...

г. Донецк

ПРЕДНАЧЕРТАНИЕ

РАССКАЗ

1

В тот поздний дождливый вечер, едва я вышел на улицу, раскрыл зонт и остановился под фонарем прикурить, как услышал знакомый голос — я обернулся. Это был мой старый знакомый, актер театра Царегородцев, человек высокого роста с породистым бледным лицом и тронутыми сединой волосами, которые он неизменно носил в виде конского хвоста, перетягивая на затылке шнурком. На голове его глубоко сидела черная шляпа с широкими полями, а воротник и полы черного пальто тонко искрились бисером водяной пыли. Мы пожали друг другу руки, он наклонился ко мне под зонт и пробормотал с досадой и горечью:

— Чёрт! Вот чёрт, когда же он кончится. Ненавижу.

Мы не виделись месяца три, поэтому тут же направились на Монастырскую площадь, и спустя полчаса сидели в полумраке пустого частного бара, пили молдавский «Херес» и вели тот пустой разговор, что сопутствует людям, не обремененным отсутствием времени. За узкими окнами, стуча по карни-

ПРОЗА

зу, ровно сыпал октябрьский дождь, блестели чёрным стеклом тротуары, а здесь, в этом маленьком баре бесшумно гнали тепло калориферы, вращал под потолком блестящие лопасти вентилятор, и беременная хозяйка с размытым желтым лицом, облокотившись на стойку, потягивала из банки безалкогольное пиво. До закрытия оставалось немногим более часа.

— Не взять ли нам чего-нибудь покрепче, — сказал со вздохом Царегородцев. — Грустно что-то. Слышишь, как стучит этот мерзкий дождь? Так и хочется надраться, как следует. Да я и надерусь, если составишь компанию... Нет, нет, не возражай, — добавил он, поднимая руки. — Выпьем немного и поедem ко мне. Познакомлю с моей юной подружкой, посидим, как положено. Тем более ты мне обязан за тот сюжет с однорукой сутенёршей, помнишь?

— Такое не забывается, — ответил я. — Значит, подружкой. А кто такая, откуда? Давай-ка, выкладывай.

— Кажется из Тулы, точно не помню. Познакомились на концерте «Диксиленда» в антракте, примерно месяц назад. Оказалось — учится в театральном. В общем, теперь она у меня, — продолжал он, сдвигая брови. — И всё вроде бы чудесно, если не считать, что иногда утомляет своим необузданным темпераментом. И какой-то бесстыжей наивностью, что ли, которую путает с непосредственностью.

— Ну, таких полно в ее возрасте, — возразил я, закуривая, — это нормально. Можно еще добавить, что она противоречива в суждениях и непоследовательна в поступках. А если в компании начинает восхищаться снобами, ты от неловкости не знаешь, куда глаза девать.

— Хм, — произнес Царегородцев. — Пожалуй. Но это не важно, главное, что мы встретились и едем ко мне.

Я улыбнулся. Что оставалось делать? Впрочем, всё к тому и шло. В кармане моего плаща лежала часть денег, полученных от московских издателей книги, и я решил, что настала пора вкусить столичных щедрот в обществе старого друга.

— Итак, пойду возьму всё, что нужно, — сказал Царегородцев, потирая руки. — А ты посиди, покури. Поверишь, я два месяца не наливался ничем, кроме пива. Теперь вот печень что-то не пойму, да и вообще последнее время я не в своей тарелке. Пить с кем попало не могу, а в одиночестве не умею. Ну да, что тут объяснять, ты ведь знаешь мои замашки. — И он поднялся, и достал из кармана плотный, коричневой кожи бумажник. Пришлось сообщить ему, что подаренная мне «сутенёрша» благополучно поселилась на страницах журнала, и я обязан исполнить свой долг, который,

как известно, платежом красен. Тогда он сдался и великодушно позволил мне оплатить заказ.

Мы выпили по две рюмки замороженной водки, закусы-
вая осетриной с зеленью, и наливали по третьей, когда вход-
ная дверь отворилась и на порог ступили новые посетители:
молодая женщина с непокрытой головой и девочка лет шес-
ти, одетая в белые комбинезон, берет и ботиночки. А женщи-
на... Она рассеяно оглядела зал, убрала на затылок влажные
волосы и, на секунду закрыв глаза, глубоко вздохнула и ре-
шительно направилась к стойке. Ее светлый плащ с подня-
тым воротником и узким поясом, стянутым в талии, местами
потемнел от дождя и при каждом шаге складками собирался
на бедрах, низкие светлые боты оставляли на паркете следы.

Они расположились напротив нас у окна под светильни-
ком, и я хорошо видел их лица и стол, на котором вскоре
появился заказ: плоская бутылка водки, бутерброды с крас-
ной икрой, две банки «колы» и плитка шоколада в золотис-
той обертке. Этот шоколад и банку «колы» женщина подо-
двинула девочке, и та принялась разворачивать и распеча-
тывать, а затем сдержанно пить и есть, глядя в окно и не про-
износя ни единого слова. Молчала и мать. Она свинтила с
бутылки пробку, точным движением налила половину бока-
ла, но когда подносила его к губам, я заметил, что рука ее
дрожит, а правое веко подергивается. Я оглядел ее внима-
тельней. Это была женщина лет тридцати, русоволосая, с
высоким лбом и тонкими чертами бледного лица, холодную
красоту которого ничуть не портили усталый взгляд и отсут-
ствие макияжа.

Мы снова выпили, закусили, и тут хозяйка бара прогово-
рила со странной задумчивостью во взгляде:

— Какой воспитанный и милый ребенок...

Потом достала из холодильника стаканчик мороженого
и, протягивая его через стойку, добавила, возвышая голос:

— Иди сюда, милая... возьми-ка вот, скушай.

Девочка обернулась на голос и слезла со стула. Глаза ее,
большие синие и серьезные, вопросительно обратились на
мать.

— Вернись на место, — сказала спокойно женщина, и дочь
послушно повиновалась. — И никогда ничего не смей брать
у чужих. Если нужно, скажи — я куплю.

Девочка вздохнула и снова отвернулась к окну, подперла
кулачком щеку. Но тут, задетая за живое, не выдержала, вме-
шалась хозяйка:

— Послушайте, ну зачем вы так... Я ведь от чистого
сердца!

— От чистого сердца подайте нищим на паперти, — сказала женщина. — А мы как-нибудь обойдемся, правда, Настенька? — И она опять налила, выпила, а после закурила длинную сигарету и отерла ладонью лоб. Царегородцев налил в рюмки и наклонился ко мне.

— Совсем нехорошо, сейчас она станет пьяненькая, — заметил он тихо. — Я за малышку беспокоюсь. Все-таки ночь — всякое может случиться. Может, вызвать такси, провозить?

— Пожалуй. Только вот не знаю, согласится ли, ты же слышал, как она оттянула барменшу. — И я скосил глаза на хозяйку, с мрачным видом перетиравшую на разносе стаканы. Царегородцев поерзал на стуле.

— Ладно, попробую, — сказал он и тяжело поднялся, придерживая полы расстегнутого пальто. Его породистое удлиненное лицо стало отечески строгим и озабоченным. Он решительно направился к женщине, выдвинул свободный стул и по-хозяйски уселся.

— Разрешите присесть, я всего на два слова, — сказал он с невозмутимым спокойствием.

Она выдохнула в потолок тонкую струю дыма.

— Вы и так уже сидите. Но, бога ради. Что за проблемы?

— У нас всё нормально, — сказал мой приятель. — А вот у вас, кажется, проблемы могут возникнуть. Поэтому мы предлагаем пустяковую услугу, если вы, конечно, не против.

— Да? Очень интересно. Продолжайте, я слушаю.

— Видите ли, уже довольно поздно. А путешествовать ночью в дождь, с ребенком по пустынному городу было бы крайне непрометливо. Будет правильней, если мы проводим вас до места, можете на нас положиться. Мой друг, к слову сказать, человек порядочный насколько это нынче возможно, более того, он писатель.

— Вот оно что. То-то я думаю, лицо знакомое. Должно быть, видела на фотографии... Ну а вы кто, поэт?

— С чего вы взяли?

— Да бог его знает, говорите слишком складно.

— Польщен, но я не поэт.

— Тогда кто вы, красавец? Может, художник? Или музыкант?

— Нет, я актер, — нахмурился Царегородцев. — Ну так что? Проводить вас домой?

— Ах да, домой. Что ж, большое спасибо, но вы напрасно беспокоились, мы живем в трех шагах. А впрочем, как хотите. Хотите выпить со мной?

— С удовольствием.

— Тогда налейте мне на палец... Благодарю. Закусывайте бутербродом.

Они разговаривали минут десять. А потом мы все вместе покинули бар, вывалились из его жаркого чрева на сквозящую сырость дождя и ветра, на блестящий лужами тротуар, у бетонных бордюров которого плавали мёртвые чёрные листья. Иногда, ослепляя фарами, мимо проносились автомобили, и рёв их моторов в дождливом мраке уснувшего города казался особенно злым и надрывным. Я взял Настю за руку, и она покорно засеменила рядом, временами оглядываясь на мать, занятую беседой с Царегородцевым. Один раз мы остановились перед большой лужей, я подхватил девочку на руки и, подняв над головой, стремительно перенес на твердое место. Мне показалось, она перестала дышать, а, очутившись на ногах, еще постояла, зажмутив глаза и прижав кулачки к подбородку. Потом протянула мне руку, и мы весело продолжили путь.

— Похоже, ваш друг обожает детей. Он женат? — услышал я за спиной. Я оглянулся, они шли совсем близко.

— Кто, он? — ответил насмешливо Царегородцев. — Нет, не женат, он вообразил, что не создан для брака. Хотя кто его знает, может, по-своему он и прав.

— Вот как? Интересно. И что значит — «по-своему прав»?

— То и значит... Понимаете, когда он пишет, а пишет он всегда и всюду, даже в постели с женщиной, живые люди интересуют его по большей части в качестве сырья. Его реальный мир — это выдуманные им истории. Хорошо если в одной из них его гипотетическая жена займет строчку-другую перед тем, как он потеряет к ней интерес.

— С ума сойти. А на вид такой душка.

— Он и есть душка. Просто не хочет унижать женщину столь мрачной перспективой. Такой уж он человек.

— Ну а вы. Вы тоже разделяете взгляды вашего друга?

— Да теперь уж и сам не знаю. Я был женат трижды, но как выяснилось, всякий раз ошибался. Тут поневоле задумаешься.

— И ошибались, конечно, в женщинах?

— Ничего я не знаю. Я ведь актер, полжизни провел на сцене: чужие мысли, чужие чувства, поступки, и те не свои. Пойди теперь, разберись, какие из них настоящие.

— В таком случае, поздравляю — вы настоящий актер.

Тем временем, следуя указаниям Насти, я свернул в тоннель низкой арки между домами, и скоро мы оказались у одного из подъездов восьмиэтажного, величаво-мрачного здания времен сталинской гигантомании, освещенного по

фасаду круглыми матовыми фонарями на бурых чугунных стойках.

— Ничего, домик! — буркнул Царегородцев, входя последним в освещенный портик подъезда и опуская, встряхивая в сторону зонт.

— Да, квартира удобная, — сказала женщина. — Она мне от отца осталась, он уехал с мачехой в Гамбург, живут там уже три года.

— Я и не предполагал, что вы немка, — заметил Царегородцев, пытливо вглядываясь в ее лицо. Потом, спохватившись, обернулся ко мне. — Да, познакомься — это Мария.

Я представился и, пожимая ее холодную руку, сказал:

— Очень приятно. У вас очаровательная дочь. Только вот зачем так поздно водить ее в подобные заведения? Или не с кем оставить?

Пряча руки в карманы плаща, она посмотрела на девочку.

— Можно сказать и так. Впрочем, она привыкла поздно ложиться.

И добавила, остановив на мне озадаченный взгляд:

— А вам-то, собственно, какое до этого дело?

— Я же говорю, дочь у вас очаровательная. К тому же вы меня заинтересовали. Удивительно, например, почему до сих пор вы не присоединились к родителям?

— Это долгий и скучный разговор, а нам пора, уже поздно.

— И все-таки? В двух словах...

— У дедушки мы были в прошлом году, но маме там не понравилось, — объяснила девочка. — Ведь правда же, мама? Скажи, а то он не верит.

— Забавно, — сказала она, не слушая дочь. — Неужели все писатели так бесцеремонны, или мне одной повезло?

— Что вы имеете в виду?

— Ну вот то самое. Вашу невозмутимость, самоуверенный тон, невинные вопросы: не с кем оставить, почему не уехали и прочее в том же роде. Но мне, слава богу, кое-что уже рассказали о ваших профессиональных пристрастиях, поэтому я не в обиде.

Царегородцев закашлялся.

— Позвольте узнать, что именно?

— Что? Ну, например, что вы всегда и всюду пишете. Удивительно. Всегда и всюду. Даже в постели с женщиной. Прямо Хемингуэй какой-то...

— Вы мне льстите, Машенька.

— А вы не обольщайтесь. И не стоит интересоваться мной в качестве сырья для ваших произведений.

— Почему?

— Потому что материал неподходящий.

— Да вам-то откуда знать?

Она удивленно взглянула на меня.

— И простите меня за мой тон. У меня и в мыслях не было вас обидеть.

— Правда?

— Именно так. Будь у нас больше времени, вы бы поняли, что я не совсем то, что вы могли обо мне подумать.

Она наклонила голову к плечу и с минуту молчала, с на-смешливым любопытством разглядывая меня. Потом пожала плечами и сказала, вынимая из кармана бумажник, доста-вая из него визитную карточку:

— Бог вас знает, кто вы такой... Но всё равно. Вот возьми-те, это старая визитка отца. Позвоните как-нибудь, если не пропадет интерес.

И еще сказала, обращаясь к Царегородцеву:

— Ну, нам пора, спасибо, что проводили. Приятно иметь дело с порядочными людьми. Настя, а ты ничего не хочешь сказать?

Настя, смущенно стоявшая в сторонке, тотчас подошла ко мне и, подняв голову, с детской прямоотой заявила:

— Пока. Позвонить не забудешь?

— Постараюсь.

— Не передумаешь?

— Нет.

Она улыбнулась, и они ушли, а мы какое-то время еще стояли под дождем у подъезда и, задрав голову, смотрели на мрачную громаду безмолвного дома. Но вот наверху одно за другим осветились три высоких окна, и Царегородцев сонно промолвил:

— Пятый этаж. Налево. — И затем ободряюще: — Всё. Берем такси и едем ко мне, у меня зуб на зуб не попадает от этих пеших прогулок.

Возле арки я обернулся, еще раз посмотрел на темный силу-эт здания, на три освещенных окна, и тут же с фотографичес-кой точностью вообразил себе ее мягко освещенную спальню, да и саму ее, уже готовую лечь в постель в одной только черной сорочке, особенно ловкой в перехвате тонкой талии — встав-шую одним коленом на край кровати и потянувшуюся вперед, чтобы откинуть с подушек белоснежное одеяло. И как только вообразил себе это — испытал легкий приступ волнения, того смутного волнения, что случается иногда в пору бабьего лета.

2

Через час мы были на месте, в Северо-Западном округе, в одном из тех относительно новых районов, архитектура ко-

торых вызывает у меня раздражение и невеселые мысли о перспективах клонирования. Когда Царегородцев открыл ключом дверь и мы оказались в прихожей, со стороны кухни к нам выбежала темноволосяя, до пояса обнаженная девушка в шортах, с узким смуглым лицом, гибким телом и острыми грудями, похоже, всегда готовыми к бою.

— О, пардон! — прошептала она с улыбкой смущения, но с места, однако, не тронулась, дав мне возможность по достоинству оценить ее упругий живот и всё остальное.

— Не нужно, Юля, — снимая пальто, сказал Царегородцев. — Не нужно позировать, он не художник. То есть он, конечно, художник, но только другого плана. Он художник пера.

— О, я догадываюсь, — сказала, кивая, Юля и прикрыла ладонями груди. — Но ведь это тоже очаровательно. Вы в какой манере работаете?

Пока я искал что ответить и смотрел в ее маслянисто-карие глаза, Царегородцев нетерпеливым движением ослабил галстук и, подмигнув мне, внушительно заявил:

— Он работает в манере Кортасара, но это не может быть тебе интересно. Иди, оденься, и для начала принеси коньяку, сырость на дворе прямо окаянная.

— Почему он так груб со мной? — обратилась она ко мне, и глаза ее, полуприкрытые смуглыми веками, затуманились. — Он всегда причиняет мне боль, всегда! Правда, я не злопыхатка. А этот, как его... он испанец?

— Да, некоторым образом, — ответил я без улыбки и вполне ей сочувствуя при одной только мысли о театральных масках, где, вероятно, пройдет ее молодость.

Должен признаться, у Царегородцева я задержался, уступил его настойчивой просьбе «надраться» и, к стыду своему, уступал еще пару дней, пока не почувствовал, что тело мое деревенеет, а желудок рискует расплавиться. От этих дней в памяти осталось: широкий низкий диван, желтый сумрак гостиной с открытым окном, куда входит влажный осенний ветер, полированный стол, похожий на витрину винного магазина, а у стола трагически рыдающая Юля с наброшенным на плечи белым платком. И рядом вдребезги пьяный, страшно бледный Царегородцев, тупо требующий от нее «не заламывать в этом акте руки».

Домой я вернулся в такую же сырую полночь, в полуобморочном состоянии забрался в ванну и открыл горячую воду, мечтая умереть или выжить. Через час, закутавшись в халат, выпив чашку бульона и полстакана водки, я сидел в кресле, перелистывал книгу романов Фриша и воскрешал в памяти

сонную тишину частного бара, влажные глаза хмелеющей женщины, ее красивый рот и спокойный голос, чем-то меня взволновавший в тот вечер. Мария... И я, вдруг, испытал столь острое желание позвонить ей немедленно, что тут же поднялся, вышел в прихожую и достал из кармана визитку, внимательно изучил ее. Вернувшись в кресло, бросил взгляд на часы (без четверти три), и сразу остыл, с тупой покорностью вложил карточку в книгу и закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться. Как странно, ее отцом был доктор Потоцкий, известный нейрохирург, несколько лет назад уехавший в Германию, чем в свое время не замедлила воспользоваться местная пресса, утверждая, что причиной послужил некий скандал, связанный с его профессиональной деятельностью. Всё это я хорошо помнил. Как сообщал один уважаемый еженедельник, волну подняли менее удачливые конкуренты — они с методичностью опытных анонимов докладывали куда нужно, вплоть до бульварных газет, о том, что за большие деньги хирург делает сложнейшие операции, используя в своих целях препараты и технику государственной клиники, где он и работал. Те больные, по причине безнадёжности отправленные домой умирать, а впоследствии воскресшие, благодаря Потоцкому, ничего не подтвердили, но прецедент все-таки место имел. После недолгих переговоров с богатыми и деловыми немцами, он принял предложение одной из клиник Гамбурга, где и стал, по словам того же еженедельника, ведущим в своей области специалистом. Да, всё так. Но Мария... Что удерживало ее в России?

Задремал я только под утро и дремал бы, вероятно, порядочно, но в девять часов так неожиданно и резко прозвонил телефон, что от ужаса я едва не вывалился из кресла. Звонил Царегородцев, сетовал на мое исчезновение, из-за чего, по его выражению, он чуть голову не сломал, ища объяснение столь необдуманному поступку. Под конец озабоченно поинтересовался:

— А чего это у тебя голос такой убитый? Всё грустишь о своей зеленоглазой немке?

— Она не немка. И откуда ты взял, что я грущу о ней?

— Да ладно тебе. Позавчера всю ночь втолковывал мне, какая она необычная, да какая несчастная... Ты что, не помнишь? Я уж было совсем собрался съездить за ней — да, слава богу, Юля остановила. А если бы не остановила?

— Хорош бы ты был.

— Вот-вот. Пора бы уж знать тебя, так нет, опять развесил уши.

— Это точно.

— Послушай, я в творческом запое, ушел на больничный. Ты сейчас давай отсыпайся, а вечером приезжай ко мне, будет уха, ну и по рюмочке «Посольской», если желаешь.

— Хорошо, приеду, — сказал я не очень уверенно. — Но пить не буду, от одной мысли с души воротит. Кстати, как там здоровье у Юли?

— Плохо, брат. Пластом лежит «безгласна и виду неимуща». Я и уборкой один занимаюсь. Зря мы ее напоили, она ведь в крепких напитках мало что понимает.

Попрошавшись с Царегородцевым, я поднялся из кресла, закурил и подошел к окну, раздернул шторы. Дождь давно кончился, тротуары подсохли и на голубом небе, уже позимнему блеклом, фосфорически тускло пылало невысокое холодное солнце. А ветер сменился, он дул теперь с севера — то гнул верхушки голых деревьев, обрывая с них последние листья, то кидался вниз и кружил меж домов, растаскивая по асфальту обрывки мокрых газет, обносил порывистой зыбью блестящие оловом лужи. И одиноко, бесприютно на холодном ветру, на самой вершине тополя против окна моталась из стороны в сторону серая ворона, поминутно распуская взъерошенные крылья, и сиротливо и даже как будто растеряно каркала... Я постоял, покурил. Затем сварил себе кофе, попутно размышляя над словами Царегородцева, и решил, что пил я в тот вечер, смешивая всё подряд, потому и отшибло память. После чашки горячего кофе с сигаретой, я улегся в постель и долго лежал с открытыми глазами, пристально смотрел в потолок. И, наконец, уснул, и проспал без сновидений до самого вечера. И пока приводил себя в порядок, брился, мылся и одевался, город совсем погрузился в сумерки — только на западе, там, где пропало за крышами солнце, всё еще стоял янтарный полусвет, а небо над ним было прозрачного, зеленоватого тона. Закурив, я прошелся по комнате, пробуя на ощупь выбритый подбородок, подошел к настенному зеркалу, оглядел себя в нём. Всё вроде бы скромно, ладно — темная рубашка, темный пиджак, волосы причесаны и влажно блестят. Вот только лицо, несмотря на бритву и контрастный душ, уже не так свежо и молодо, как хотелось бы. Впрочем, это-то вместе с синими глазами и некоторой сухостью черт смотрелось еще подходяще, даже на мой придирчивый взгляд. Удовлетворенный, я одернул пиджак и направился к столу. Сняв телефонную трубку, набрал по памяти номер. После пятого гудка, ровный женский голос ответил:

— Я слушаю — говорите.

Я бодро отрекомендовался:

— Добрый вечер, это Хемингуэй.
— Что?
— Добрый вечер, Мария.
— О, Господи, это вы. Вы откуда звоните?
— Из лачуги своей, разумеется. Имею смелость пригласить вас поужинать.
— Что, прямо сейчас?
— Так точно. Царегородцев обещал уху, быть просил непременно.
Она помолчала.
— Уху. Уху я люблю, но, к сожалению... К сожалению, это невозможно. Вы же знаете, у меня ребенок.
— Мы могли бы взять Настю с собой.
— Нет, дорогой мой, по гостям я ее не вожу. То, что вы видели — ну то, что она была тогда ночью со мной... В общем, на то были свои причины.
— Понятно. Ну что ж, очень жаль. Может, как-нибудь в другой раз.
— Подождите-ка. Послушайте, а ваш Царегородцев сильно расстроится, если вы не придете?
— Да нет, не думаю — он там с дамой. А почему вы спрашиваете?
— Если у вас кроме Царегородцева ничего не предвидится, приезжайте ко мне. Правда, рыбы нет, но закусить я что-нибудь приготовлю.
— Отлично.
— И прихватите, если у вас есть деньги, что-нибудь выпить покрепче. Девятая квартира — не забудете?
— Не беспокойтесь, выезжаю через пять минут.
А спустя полчаса я выходил из лифта в освещенном холле пятого этажа, где было всего две квартиры, с красной ковровой дорожкой между ними, посередине изрядно вытертой. Она ждала меня, стоя на пороге, левой рукой взявшись за ручку открытой двери, а правую опустив вдоль тела, выставив правое колено вперед. На ней были домашние брюки без стрелок и широкий кремовый свитер с круглым воротом и поднятыми до локтя рукавами. Я остановился, и мы молча уставились друг на друга. Она выжидательно. Я, приятно опешив, — так хороша она мне показалась в своем скромном наряде, с гладко причесанными волосами, с той особой женственной стройностью тела, которую не спрячешь ни под какими одеждами.
— Ну, что же вы встали, входите, — сказала она, смутившись, и забрала у меня кейс, где находился мой «джентльменский» набор — коньяк, водка и пунцовая роза в фольге,

купленная в цветочном ларьке у пожилого восточного человека с чугунным носом и белым каракулем на висках. Я кивнул и послушно вошел вслед за ней в прихожую, где всю правую стену занимали черные раздвижные шкафы, а у входа в зал стояло старинное зеркало в массивной черной раме, крепившейся на черном подзеркальнике в виде низкой тумбы с короткими гнутыми ножками. Поставив кейс на подзеркальник, она ловко помогла мне снять плащ, повесила его в один из шкафов и, поймав меня за руку, увлекла через сумрачный зал в угловую комнату с двустворчатыми дверями, в прошлом, очевидно, служившую кабинетом: массивный рабочий стол у окна, кожаный черный диван, вдоль стен высокие книжные стеллажи. Еще там была пара глубоких кресел, дорогой, но старый ковер на полу и настольная лампа под зеленым абажуром, стоявшая на журнальном столе.

— Поставьте стол к дивану и располагайтесь, полистайте что-нибудь, пока я хожу на кухню, — сказала она, уходя.

— Не забудьте про кейс, там заказ, — сказал я ей в спину.

Она ушла, но скоро вернулась с тонкой фарфоровой вазой, в которой покачивалась на стебле бархатисто пунцовая роза.

— Спасибо, — сказала она, и поставила вазу на столик. — Разве я тоже ее заказывала?

— Нет, но я слышал, что женщины любят цветы.

— Это правда, — сказала она, вздохнув, и коснулась ладонью цветка. Потом сходила на кухню, принесла сервированный поднос, и через пару минут мы, не чокаясь, выпили, налили и выпили снова.

— Хорошая водка, — сказала она удовлетворенно. — Вы молодец, взяли именно то, что нужно.

— Нехитрое дело. Просто видел, какую вы заказали в баре, вот и взял ту же самую. Кстати, а где же ваш милый ребенок?

— Спит, я уложила ее пораньше. Как-то всё неожиданно. И вообще неловко — вы понимаете?

Поскольку столик был мал, мы сидели, почти касаясь друг друга, и чтобы лучше видеть меня, она отодвинулась и села боком, положив ногу на ногу, а левую руку на отвал дивана.

— Тут у вас среди книг много медицинской литературы. Почему ваш отец не забрал ее в Гамбург?

Она закурила и тоже посмотрела на книги.

— Здесь есть и мои книги, я ведь тоже по образованию врач. Правда, теперь уже бывший, три года как не работаю.

— Хм. А на что вы живете?

— Что?

— Извините, любопытство меня доконает.

— Извиняю. Деньги не проблема, их посылает отец. Для него это не очень накладно, а для нас даже больше, чем нужно. Хотя больше никогда не бывает... Но давайте выпьем, — вернула она и решительно взяла со стола наполненную рюмку, легонько стукнула о рюмку мою. Мы выпили, она затаилась и замолчала, сосредоточенно рассматривая сигарету. Через минуту подняла на меня глаза и спокойно спросила:

— Я вам нравлюсь?

— Конечно.

— Кажется, вы мне тоже.

Она смотрела мне прямо в глаза. И от этого взгляда в горле у меня пересохло.

— Садитесь ближе.

Я пересел. Она улыбнулась, коснулась прохладными пальцами моих щек и подарила мне тот легкий теплый поцелуй в губы, от которого, как писали когда-то, я тотчас сомлел. Затем отстранилась, взъерошив мне челку.

— Поедем к тебе ненадолго? Хочу посмотреть, как ты живешь.

— Что ж, если ты хочешь... Но, может быть, позже?

— Я здесь не могу. Потом расскажу почему.

И тут где-то в глубине комнат что-то упало, зазвенело, слышался приглушенный неразборчивый голос. От неожиданности я вздрогнул, а она неспешно поднялась и произнесла ровным голосом:

— А вот и начало моего рассказа...

Она взяла тонкий стакан, наполнила его водкой и ушла, плотно прикрыв за собой двери. Я тоже налил в стакан изрядную дозу и выпил одним глотком.

— Кто это? — спросил я, когда она вернулась.

Она села рядом, сложила на коленях руки и ответила с мрачным спокойствием:

— Кто? Это мой муж. Инвалид, негодяй и пьяница.

— Ты права — одевайся, едем ко мне.

— Нет, милый, вечер любви отменяется. У меня всё желание пропало. Тем более Настя проснулась.

Я погладил ее по голове, вид у нее был неважный.

— Причем тут вечер любви. Давай-ка рассказывай, что происходит. Что у вас с мужем?

Она невесело усмехнулась.

— Как у всех когда-то — любовь. А три года назад перевернулся на машине с какой-то шлюхой. Вскоре после отъезда отца. Паралич. С тех пор выполняю свои врачебные обязанности — воруя его с места на место, меняю пеленки и водкой пою.

-
- И сама за компанию причащаешься.
- Знаю. Но так как-то легче.
- А что, родных у него нет?
- Была мать, да только умерла лет пять назад. Есть еще сестра, но у нее семья. Кому он нужен?
- Он ведь тебя благодарить должен за то, что ты для него делаешь.
- Он и благодарит. Б..., например, называет. Сейчас у меня много разных имен. Называет и заглядывает в глаза, улыбается, черт бы его побрал! Как будто это я виновата в том, что он перестал быть мужчиной. Впрочем, на него грех обижаться, это типичная реакция калеки.
- В таком случае, сдай его в богадельню, — предложил я грубо.
- Что ты, не могу — я же врач. Знаю, что такое эти дома инвалидов.
- И как же ты жила эти годы?
- Так и жила.
- Но ведь не могла ты быть всё это время одна?
- Значит, могла. То есть нет, конечно — пыталась несколько раз изменить положение. Не получилось. Я почему-то невольно всё время сравнивала этих мужчин с мужем, и что совсем ненормально, стала находить между ними немало общего.
- Тогда зачем ты дала мне визитку?
- Чёрт, да откуда я знаю. Когда ты сегодня позвонил, я вообще потерялась, как девочка. Давай-ка выпьем еще, налей мне, пожалуйста.
- А с кем он оставался, когда вы уезжали к отцу?
- Господи, ты ходячий вопросник. Наняла сиделку, одну знакомую медсестру. Потом она призналась: если бы не наше знакомство, ушла бы на следующий день, так достал он ее своими мерзкими выходками.
- Какими выходками?
- Нет, ты невыносим. Пойду, приготовлю кофе. — И она поднялась, но я остановил ее, силой усадив к себе на колени. Она вздохнула, погладила меня по щеке и сказала:
- Ну и чёрт с ним — помоги мне раздеться.

3

Она стала приезжать ко мне. Приезжала обычно по вечерам, часа на три-четыре, и не было никакой возможности оставить ее до утра.

— Что ты, не могу, — сказала она как-то на мою просьбу остаться. — Он хоть и калека, но в пьяном виде может пе-

репугать ее до смерти. — И, подумав, спокойно добавила: — Если он что-нибудь сделает с ней, я отравлю его, не задумываясь.

Выпивать она стала реже.

— Ты не беспокойся, — говорила она после двух рюмок коньяку, садясь ко мне на колени. — Я вполне себя контролирую. Просто раньше я выпивала с горя, а теперь... Чувствуешь разницу? — И, смеясь, прижималась ко мне, и гладила меня по щеке. Иногда, лежа в кровати и глядя в окно, она о чём-то задумывалась, и если я тревожил ее, переводила взгляд на меня и говорила что-нибудь примерно такое:

— А если бы в тот вечер ты не встретил Царегородцева? Неужели мы тоже не встретились бы? Раньше я даже думать об этом боялась. А теперь нет. Я верю, что для нашей встречи было предначертание. А ты?

Я сидел рядом, целовал ее глаза, целовал теплые, удивительные своим вкусом губы, и отвечал:

— Ты права, мы бы всё равно когда-нибудь встретились. На улице, в трамвае, на прогулочном катере — для меня это ясно, как божий день.

Однажды она неожиданно позвонила мне до обеда, чего обычно не делала. Мы расстались с ней поздно вечером. Я отвез ее домой и, вернувшись, заснул только под утро — просматривал свою переписку с В. Астафьевым, и кое-что отобрал для газеты, готовившей материал на смерть этого достойного человека. Сонный, я прижал трубку к уху и услышал в ней характерный шум города: приглушенные звуки автомобильных сигналов, чьи-то отдаленные голоса.

— Если ты спишь, — сказала она вместо приветствия, — а я думаю, что это так, то встань и подойди к окну, посмотри какая чудесная погода. Просто чудо какое-то. Ночью выпал снег, а сейчас мороз и солнышко. Мы с Настей ходили за билетами в цирк, теперь гуляем в Монастырском саду, у самой площади. Не хочешь нас повидать?

Прогоня сон, я потряс головой.

— Я-то хочу. А вот Настя. Она еще не забыла меня?

Она рассмеялась.

— Успокойся, тебя забыть нелегко. Заодно можно перекусить где-нибудь, например, в том баре, помнишь? У меня к нему особое чувство. А у тебя?

— Отлично. Ждите в баре, иду одеваться.

Когда я вошел в зал, они сидели за столиком в самом углу, друг против друга, пили кофе и закусывали бутербродами. Хозяйка тоже была на месте — обслуживала у стойки клиента, с тихой улыбкой поглядывая на них, еще более располневшая и медлительная.

— Привет, — сказала Мария, едва я уселся. — Ты знаешь, она сразу узнала нас, а ведь прошло столько времени — так что пришлось извиниться за ту мою выходку. Поболтали немного. Скоро родит, это будет третий ребенок. Сильная женщина, просто удивляюсь таким. Я бы, например, ни за что не решилась... — И она задумчиво прищурила на меня глаза. — А ты как думаешь, не поздно мне подарить Насте братика?

Ее серебристая лисья шубка была распахнута, темный шарф лежал на плечах. И у меня сердце сжалось от любви к этой женщине с алыми прозрачными пятнами на щеках, с русыми волосами, упавшими на высокий лоб, и зелеными прищуренными глазами, задумчиво глядевшими на меня и, как мне казалось, совсем не требующими ответа.

— Конечно, не поздно, — неожиданно заявила Настя и в наступившей тишине совсем не по-детски вздохнула. Потом сняла с головы лебяжью шапочку, из-под которой волной скатились золотистые кудри, взрослым движением откинула их на плечо, и добавила, исподлобья оглядев нас обоих: — Раз вы теперь любовники...

— Ну как тебе этот милый ребенок? — сказала она с непонятной усмешкой и прикурила от зажигалки. — Может, сделаем ей подарок?

Голова у меня пошла кругом — я терялся в догадках.

— Ты... Ты не шутишь?

Она смотрела на меня, не мигая.

— А что?

— Нет, ты это серьезно?

— Ладно, я пошутила. Но мне всегда хотелось иметь сына. Представляешь, как это было бы здорово. Иногда я даже воображаю его себе — таким славным, внимательным...

— И с такими же синими глазами, как у него? — безучастно встала Настя, продолжая исподлобья глядеть на меня.

— Что это с тобой сегодня? — сказала Маша и наклонилась к ней, облокотившись на стол.

— Почему ты не позвонил? — едва слышно спросила Настя, и ее пушистые ресницы затрепетали. — Ты же мне обещал. Я ждала, ждала.

— Господи, девочка! — воскликнула Маша, взяв ее за руки. — Он звонил, это я виновата. Что же ты, милая, ни разу не спросила меня о нём?

Тут Настя отвела от меня глаза и застенчиво прошептала:

— Я подумала: может, он сам вспомнит. Правду ты говорила, что все мужчины одинаковы и заняты только собой...

Как-то в конце зимы мы побывали у Царегородцева, закатились к нему уже ночью, осыпанные искрящимся снегом, — и он только глаза расширил от радостного изумления, когда она встала на цыпочки и, смеясь, стала целовать его в щеки, а потом ласково прильнула к нему.

— Царегородцев, милый, если бы ты знал, как я люблю тебя за то, что ты шлялся в ту ночь под дождем. Царегородцев, где твоя женщина? Ах, вот вы где. Дайте я поцелую вас, милая.

И Юля, на которой из одежды была только рубашка Царегородцева, с умирающими глазами подставила щеку и, гладя морозный мех ее шубки, восторженно прошептала:

— А вы Маша? Вы и есть та самая Маша? О, Боже, как это всё романтично...

В ту ночь она впервые осталась у меня до утра.

4

Сейчас, когда я приблизился к финальной части рассказа и восстанавливаю в памяти события того февральского дня, у меня снова начинают дрожать руки, и чтобы унять эту дрожь, я выпиваю рюмку водки, подхожу к окну и закуриваю сигарету. Сейчас тоже февраль и тоже падает снег — он падает отвесно и медленно, так медленно, будто собирается совсем остановиться, и постепенно я успокаиваюсь, возвращаясь к столу...

Почему она осталась в ту ночь у меня? Трудно сказать. Утром я повез ее на такси домой — и попали мы как раз на пепелище. Пожарные орудовали внутри дома, а из трех выбитых окон пятого этажа, что выходили на фасад, всё еще валил дым. У подъезда плакала пожилая женщина, рядом стояли двое пожарных и милиционер без шапки, а на углу машина «скорой помощи». Мы выскочили из машины одновременно с двух сторон. Сбив с ног одного пожарного, она бросилась в подъезд, но милиционер успел обхватить ее сзади, и приподнял, пытаясь прижать к стене. Она закричала, лицо ее стало страшным. Подоспевшие врачи быстро вкололи ей что-то, под руки усадили в машину и увезли. Всё это произошло так стремительно, что я даже опомниться не успел.

Позже я узнал: причиной оказался пьяный отец — то ли уронил зажженную спичку, то ли бросил тлеющий окурок на ковер у кровати. Он и погиб первый. А Настя, вероятно, была жива до последних минут, но пожарные не успели — она надыхалась угарного газа и умерла, находясь в своей комнате под кроватью. Там и нашли ее вместе с плюшевым медвежонком, которого она обнимала за шею.

Доктор Потоцкий прилетел на следующий день и сразу после похорон увез Машу в Гамбург, мне она даже не позволила. Да и зачем? Как тут ни суди, а во всём виноват был я. Ведь если бы не тот злополучный вечер, когда мы встретились с Царегородцевым, ничего бы этого не случилось.

— Случайных встреч не бывает, — сказала однажды она. — Для нашей встречи было предначертание. Я верю в это. А ты?

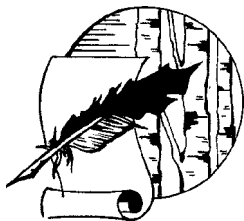
— Чье предначертание, Маша? Чье?

Прошло чуть более полугода. Я жил, как во сне, с тошнотворным чувством вины, медленно спиваясь и падая всё ниже и ниже. И напрасно Царегородцев вместе с доброй Юлей всячески пытались образумить меня. Жизнь потеряла смысл и не вызывала во мне ничего, кроме тяжелой усталости.

Однажды осенним вечером раздался телефонный звонок. Пьяный от бессонницы, я снял трубку, спросил «какого черта?» — и мне тихо ответили:

— Добрый вечер, Хемингуэй. Не хочешь взглянуть на сына?

г. Тюмень

Георгий КОЛЬЦОВ
(1945 — 1985)

К 80-летию поэта

В ИЗБЕ РОДИМОЙ

У МОГИЛЫ НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА

Его зарыли в шар земной...
Сергей Орлов

А на земле ручьи звенели,
Цвела сирень,
Старела мать...
Ему б сейчас лежать в постели,
А не на площади стоять.

Продут позёмкой
Зимний вечер.
Проулки, улицы — пусты.
И стынут каменные плечи
Под плащ-накидкой темноты.

Его в Орле
или в Иркутске
Ждать перестали земляки.
Ему бы сесть,
Переобуться
И, похоронке вопреки, —

В тот край,
Где пролетело детство,
Вернуться на исходе дня,
В избе родимой отогреться,
А не у Вечного огня.

ПОМИНКИ

Жизнь торжествует в разномастном гуле,
Где вздохи вдов порою не слышны...
В большой эмалированной кастрюле
Замесит мама
Тесто на блины.

И соберет соседок и знакомых,
Запрячет под косынку седину.
А тёплый блин
Вдруг встанет в горле комом,
Когда я на собравшихся взгляну.

Там, за окошком,
В этот вечер глуше
Шумят листвою осенние леса.
Помин души погибшего отца.
Она в мою переселилась душу!

Я разолью,
Как требует обычай,
Настойку, что от выдержки светла.
О коробок сломаю уйму спичек,
Прикуривая около стола.

СИРОТА

Палисадники, пихты,
Станция Юшала.
У него из родных тут
Лишь Россия была.

Он с котомочкой тощей,
Как взрывною волной,
На вокзальную площадь
Был отброшен войной.

И под небом весенним
В сорок трудном году
Зарабатывал пеньем
Он себе на еду.

Пел он плохо и жалко.
Но плясал — как цыган!
Мурашами бежали
Цыпки вверх по ногам.

Мог сыграть и на ложках
О ладошку руки.
В кепку падали гроши,
Звякали медяки.

Вся в мазуте и саже
Телогрейка была.
Тётя Нюра однажды
В дом его привела.

Тётя Нюра в ушате
Замочила бельё...
То ли брызги на платье,
То ли слёзы её...

СЛЕПОЙ

В огне бомбёжки,
В адском скрежете
Навеки свет в глазах потух...
Так обострила тьма крошечная
Его обыкновенный слух,

Что научился он по голосу
Определять прохожих рост,
Как поле — по шуршанью колоса,
Сентябрь — по шелесту берёз.

Бесшумной палочкой бамбуковой,
Что верной спутницей была,
Не мостовую он простукивал —
Гремел во все колокола.

Звонил о братьях по оружию!
Как будто бы из-под земли
Неумирающие души их
На стук откликнуться могли.

Пожгла, сломала, исковеркала
Подлесок жуткая гроза...
А иногда во сне, как в зеркале,
Он видит вновь свои глаза.

ТЁТКА ДАРЬЯ

В День Победы тётка Дарья —
Вот уже который год —
Утром мужнины медали
Мягкой тряпочкой протрет.

Так в награды фронтовые
Въелась горечь передряг,
Что, всю жизнь прошив навывлет,
Память встанет вновь в дверях...

Вот летишь ты на свиданье
За околицу села
Никакой ни теткой Дарьей,
А невестой, весела...

Сотни звёзд! А может, тыщи?
И, не помня ничего,
Ты сама во тьме отыщешь
Губы жаркие его.

На счастливейшей полянке
Знать не знали ты и луг,
Что «Прощание славянки»
Вырвет милого из рук...

Я б за то вручал медали,
Что жила в дни тех годин
Вера в силу ожидания
Даже в плаче проводи́н.

Шла она с бойцами рядом,
Согревала в снег и в дождь...
Ты прильнёшь щекой к наградам
И украдкою всплакнёшь.

ПОЧТАЛЬОНША

Как долго —
Через всю Россию —
Шли письма.
Днём и по ночам.
А ты, девчонкой, разносила
Их по дворам односельчан.

Летела мигом
К ждущим окнам,
Надеждой жившим всякий раз.
Такая шустрая,
Во многом
Не сразу ты разобралась.

Взять даже то,
Что торопиться,
Пожалуй, надо не всегда.
Ведь в сумке выцветшей тряпичной
Могла пристроиться беда.

О, письма с фронта!
Глянув мельком
На штампель, адрес и печать,
Кто смог бы так,
Как ты умела,
Их содержание различать?..

Обманчивость благополучья —
Был в тыщу раз
В те дни страшной
Родных мужицких закорючек,
Красивый почерк писарей.

Ты, размышляя на подворье,
Как бабья доля тяжела,
В конверт заклеенное горе
Вдове
Растерянно несла.

И, жадно вслушиваясь в сводки,
То в жар бросающих,

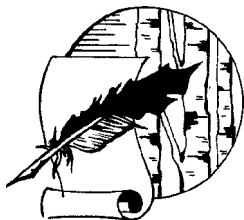
То в дрожь,
Солдатки знали —
По походке —
С какой ты весточкой идёшь.

ЧИСТОТА

Суровое военное житьё.
И столько в нём традиций, сколько прозы...
И перед боем чистое бельё
Солдатам выдавалось из обоза.

Бойцы же треугольники потом
Политрукам зачем-то отдавали.
И главное едва ли было в том,
Что люди перед смертью надевали.

Ведь где-то токовали глухари,
А рядом на дыбы земля вставала...
И всё-таки,
Чего ни говори,
Какая-то здесь связь
Существовала.

Александр ЛИСНЯК

ЗА ВСЁ ДОЛГОТЕРПЕНЬЕ...

ВЕСЕННЕЕ ОБОСТРЕНИЕ

У февраля прилично не хватает,
Не за горами красная весна.
И время наше, как сугробы, тает.
И я не рад весне, и ты грустна.

Повисло солнце на сухой осине,
Спешат ручьи и с песнями, и без...
Журавль растаял где-то в небе синем,
А все синицы возвратились в лес.

Не подсмотреть бы отраженья в луже,
Не вспоминать бы пролетевших лет...
Весна, весна, что быть могло бы хуже,
Но ничего на свете лучше нет.

ПОД ЛЕНИНЫМ

Баталия вспыхнула остро
Среди беззаботных внучат —
По бронзе рукастого монстра
Снежки беспрестанно стучат.

Еще бы вчера!..
Да за это!..
Как весело деткам, смешно...
Безумная песенка спета,
Расстрельное время прошло.

Но вырастут детки и снова
Восстанет кровавая ложь.
Так будет.
И очень хреново,
Что все мы без памяти сплошь.

Пограбит толпа, полютует,
Конечно, порежет лишка...
А правда — всегда торжествует...
Не громче удара снежка.

ВХОЖДЕНИЕ ВО ХРАМ

На сладкое слаб и на низкое падок...
Но сдюжу, осилю и дверь отворю —
В сиянье окладов и в свете лампадок
Шагну, непотребный, вперёд, к алтарю.

Мой шаг предпоследний подобен итогу.
И больше не нужно раздумывать мне:
Труднее дороги, чем к Господу Богу,
Не знал я за долгую жизнь на земле.

Но чувства, привыкшие к грязным потёмкам,
Прорвали, раздвинули липкую мглу.
И грешная душка свернулась котёнком
За хорами в светлом покойном углу.

ПЕРЕД ТЕЛЕВИЗОРОМ

Беснуются Музы и Грации,
У них ни печали, ни боли:
Страна много лет в оккупации,
А Родина годы в подполье.

Нас словно течением вынесло
В какое-то грязное русло.
Живём между правдой и вымыслом —
Фальшиво, и стыдно, и грустно.

И каждый по-своему корчится
По жизни от вехи до вехи.
Но нас не спасёт, как ни хочется,
Ни водка, ни спорт, ни утечи.

И так привыкаем к покорности.
У всяческой нечисти слуги.
Не вспомним значенья соборности,
Не встанем за Правду и Други.

Мы все существуем в прострации,
Живём словно тени, не боле.
А наша Страна в оккупации.
А Родина наша в подполье.

УТЕШЕНИЕ

Теперь уже не важно, чья вина,
А значит и не очень-то обидно,
Что выпали такие времена —
Достаточно печальны и постыдны.

А ты возьми, какой захочешь, век —
Там времена!..
Они, мой милый друже,
Пока живёт на свете человек,
И были, и, конечно, будут хуже.

ОДА ОГОРОДУ

Когда заря край неба тронет,
Окрест деревни ты взгляни:
По огородам люд в поклоне
Пред ликом матери-земли.
Как вдруг свои узрели корни.
А это чудо — огород!
Он одевает, поит-кормит
На удивленье — где берёт?
И погреба полны под своды,
Но вновь без устали туда
Мы носим,

носим с огорода
Плоды природы и труда:
Капуста,
Лук,
Томат,
Морковка..
Всё, что душа желает — здесь.
А запах —
Аж слюна верёвкой!

А краски —
Даже жалко съесть!
Блажен ты,
 на земле живущий,
Когда её достоин ты.
В ней зреет вера в день грядущий,
Реализуются мечты.
На вас порой не наглядеться,
О, грядки: и любовь, и *жаль!*..
Куда от огорода деться —
Мы сами тоже урожай.

ОСЕННИЙ ПУТЬ

И вот — ни золота, ни меди,
Ни прочих пошlostей времён.
Канва рифмованных комедий
Меняет разом цвет и тон.

Сказать про рай в природе здешней
Лишь бездарь вздумает всерьёз —
Переплелись в тоске кромешной
Скелеты клёнов и берёз.

День трепыхнётся, словно кочет,
У ноября под топором.
Навряд ли кто сейчас захочет
Бежать на улицу добром.

Там всё раскисло, всё размокло,
Не белый свет — сплошная течь.
Трясёт взбешённый ветер стёкла,
Чтоб душу за собой увлечь.

В пустой дали увидишь мельком
Людей, и землю, и века,
И как ничтожно всё и мелко.
И крест сама кладёт рука...

ПРО ГОТОВНОСТЬ

Оставьте ради Бога даже мысли,
Что в зимнюю ненастную байдю
Я вдруг в серьёзном и высоком смысле
Возьму и неожиданно уйду.

О нет, друзья, сквозь боли, хвори, риски
Прорвусь к весне я, чтобы хоть в горсти
Задавленным меня родным и близким
С Земли тепла и света принести.

Пусть хоть ползком, но в соловьином пенье
Решится этот каверзный вопрос,
Чтоб ангелу за всё долготерпенье
Вручить букет великолепных роз.

И завершая радостей дорогу,
Перешагнув земную нашу страсть,
Чтоб яблоком созревшим в ноги Богу
С любовью и готовностью упасть.

ОПТИМИСТИЧЕСКОЕ

Солнце прячется в тучах по-лиси.
Выбил травы залётный табун.
Сыплет осень отжившие листья,
Как призывы с высоких трибун...

Отмечталось,
Отверилось,
Хватит!
Пусть опять возрождается быт,
Тот,
Исконный,
Что в дедовой хате
Был когда-то коварно убит:

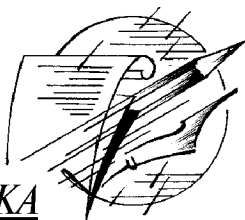
В бане жар и квасок на смородине.
В доме лад после трудного дня.
В песне горькая дума о родине.
И роднится,
Как прежде,
Родня...

г. Воронеж

ЭТНИЧЕСКИЕ МАРГИНАЛЫ ХУЖЕ НАЦИСТОВ

Я хорошо помню, как мои знакомые — милые интеллигентные люди, любители классической русской литературы и театра, ни слова не знающие по-украински, в большинстве своём происходящие от русских, «понаехавших» после Великой Отечественной войны восстанавливать «нэньку», а то и вовсе закончивших на Украине военную службу в ВС СССР и ушедшие здесь на пенсию, ещё до первого майдана доказывали мне, что «этому режиму» налоги платить грешно (а они занимались бизнесом и в отличие от тех, кто получал зарплату, могли свои налоги «оптимизировать»). «Вот в Европе другое дело», — говорили они — «там власть правильная, о народе заботится».

Через несколько лет они отскакали на первом майдане и протащили в президенты патентованного «европейца» (по местным меркам) Ющенко. Но налоги платить так и не захотели. Оказалось, что власть опять что-то им не так делает. Их же власть, насильственно ими утверждённая. «Слишком много осталось на государственной службе чиновников предыдущей власти», — говорили они, изгнавшие с гос-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

службы только в первые недели своего господства более 18 тысяч человек. «В следующий раз надо быть жёстче», — говорили они.

После второго майдана они уже не увольняли чиновников, они практически ликвидировали остатки организованной государственной службы, а тех, кто им пытался оппонировать, убили, посадили в тюрьмы или изгнали из страны. Полная победа «европейскости». Но налоги платить они опять не хотели. Опять что-то пошло не так.

Прошло ещё десять лет. Миллионы украинских «европейцев» после начала СВО реализовали свою мечту — уехали в Европу. Туда, где правительство «всё делает для народа» и потому налоги платить не зазорно. И опять не хотят платить налоги да и работать, в общем-то, не хотят. Теперь им европейцы «должны», потому что Украина «защищает Европу от России». Как к этому причастны сидящие на европейских пособиях «беженцы» непонятно. Но никаких налогов.

Итак, за тридцать с лишним лет «независимого» существования Украины все усилия этой «нации» были направлены на то, чтобы максимально разрушить основы собственного государства. Кстати, многие подметили, что большинство представителей украинской эмиграции, присутствующие в публичном пространстве, независимо от того, какую политическую платформу они занимают, во-первых, отделяют себя от русских («украинские русские», «русские украинцы», «южные русские», «русские со знаком качества» и т.д.), во-вторых, постоянно недовольны российским государством. Для кого-то оно слишком медленно «освобождает Украину», для кого-то слишком жёстко и со всеми «недостаточно советуются» и всем «мало свободы».

Вот тут мы и подходим к коренной причине всех украинских проблем. Это — стремление к воле. Не к свободе, ограниченной обязанностями, а к безграничной воле, возможной только если разрушить государство и освободиться от его опеки. Украинцы всегда подсознательно стремятся к разрушению государства, любого.

Ведь то, что мы наблюдаем сегодня в истории этой территории, уже было. Во второй половине XVII века, пока на территории Малороссии сражались русские, польские и турецкие армии, местное население (включая казачество и его многочисленных гетманов и кошевых) почувствовало волю. И так разгулялось, что началась Руина, а когда соседи завершили боевые действия, поделили территорию и более-менее навели на ней порядок, выяснилось, что в среднем она потеряла около половины населения. В отдельных местнос-

тях, которым повезло, сохранилось до 2/3 населения, но были и такие местности, где вообще никого не осталось. Вообще. Никого.

И в 1918—1920 годах население этой местности во главе с многочисленными батьками, билось за волю, за анархическую, свободную от оков государства, от законов, налогов, от любых моральных, религиозных и юридических скреп.

И сейчас на Украине искренне смеются над приверженностью русских к государственному порядку, над скрепами, называют русских рабами, а себя свободными (сиречь вольными) людьми.

Во всех упомянутых случаях (XVII век, начало XX века и современность) произошла практически моментальная маргинализация миллионов. В XVII веке казаки Хмельницкого изгнали польскую администрацию, а русская не успела утвердиться в результате войны и постоянных казачьих предательств. Миллионы крестьян оказались де факто свободными. Хмельницкий потому и искал внешнего покровительства, контролируя богатую и тогда ещё многолюдную территорию, формально имевшую значительно больше ресурсов для самостоятельного выживания, чем соседнее Крымское ханство, что малочисленные относительно крестьянства казаки не имели никакого административного опыта и не могли служить надёжным управленческим аппаратом, их даже на подавление крестьянской вольницы не хватало.

Тут-то и оказалось, что многие крестьяне стали себя казаками провозглашать. Казачество ассоциировалось у них со свободой от крепостной зависимости. Но другого способа жизни, кроме войны, казачество не знало (вспомним Тараса Бульбу, провоцирующего войну казаков с Польшей, потому что без неё сыновья не станут полноценными казаками).

Назвать себя воином и стать им — большая разница. В казачьи полки (профессионально воевавшие всю жизнь) вчерашнему крестьянину путь был заказан (единицы из них смогли стать настоящими казаками, признанными традиционным казачьим сообществом). Сечь тоже не резиновая и не в состоянии принять на постоянное жительство десятки, если не сотни тысяч абсолютно бесполезных с военной точки зрения, но весьма прожорливых самопровозглашённых казаков.

Вот бывшие крестьяне и сбились в банды, грабившие таких же крестьян, отставших от основной армии польских и русских воинов, иногда нападавших на мелкие отряды, и ведших полупартизанскую войну с настоящими казаками за контроль над кормившими их участками местности. Это

не война уничтожила население Малороссии в XVII веке — оно само себя перебило.

Аналогичную ситуацию мы видим в начале XX века. Гражданская война разорила сотни тысяч крестьян. Не имея больше средств к существованию, они пошли в банды. В «Адьютанте его превосходительства» батяня Ангел очень чётко рисует гражданскую войну на Украине: «Вы там, по железным дорогам, бьёте друг дружку, а у меня тут свои владения. Я тут могу воевать хоть тыщу лет». Огромные пространства с миллионами жителей оказались вне государственного контроля, под контролем банд.

Я много раз писал, что банда ничего не производит — только потребляет, истощая таким образом ресурсы подконтрольной территории и маргинализируя нищающее население, которому ничего не остаётся больше, кроме как идти в банду. Таким образом, если нет внешнего останавливающего воздействия, банда полностью уничтожает свой ареал кормления, после чего вынуждена искать новый, сталкиваясь с другой бандой или пытаясь захватить территорию, контролируруемую регулярным государством. Именно поэтому от Украины нельзя отгородиться забором: как только банда съест всё внутри, она бросится на забор, даже не будучи науськиваемой западными «партнёрами». Партнёры же бросят её на забор раньше (ещё и довооружат), как правительство Феодосия II в Константинополе натравливало банды варваров на римские правительства своих родственников Гонория и Валентиниана III.

Вы скажете: понятно, что в XVII и начале XX века внешние и гражданские войны привели к разорению и маргинализации сотен тысяч крестьян, которые перестали быть крестьянами и не стали никем другим, перейдя в разряд деклассированных элементов — бандитов с большой дороги. Но что же случилось в конце XX века, что 50 миллионов преимущественно русских людей вдруг превратились в злобных зомби, жаждущих русской крови? Ведь первые лет двадцать Украина была хоть и не заповедником благополучия, всё же чувствовала себя лучше России. Но в России, даже в гораздо худших условиях, подобная маргинализация не произошла.

Проблема в том, что русские на Украине сразу почувствовали себя отрезанными от исторической России, но не так как русские в Таджикистане, Казахстане или Азербайджане. Никто никого не убивал, не изгонял, не вытеснял и даже не притеснял — все вокруг были русскими, говорили по-русски, и государство в целом относительно долгое время (лет шесть-восемь) оставалось русским. Получалось, что на рус-

ских людей свалилось ненужное им второе русское государство, которое, тем не менее, невозможно было сразу ликвидировать: доставшийся в наследство от УССР полноценный по форме, хоть и не имеющий нужной квалификации, государственный аппарат немедленно начал функционировать в рамках независимости, рассматривая государство как свой актив.

Чтобы работать в привычной атмосфере, этому аппарату была нужна идеология взамен дискредитированной коммунистической и внешняя указующая и поддерживающая сила. Идеология нашлась у националистов, а внешней силой стал Запад — Россия в тот момент была слишком слаба, а вчерашним провинциальным чиновникам был нужен легитимирующий их центр.

А дальше всё пошло просто: с точки зрения государственной идеологии (националистической) украинцы не русские, с точки зрения политической ориентации государственной власти Украина не Россия. Поскольку новоиспечённым украинцам надо было объяснить, как так получилось, что все они (и все их предки) говорят по-русски и считают себя русскими. Появилась сказка о «вечном угнетении» и «русификации». Она имела два ответвления: для совсем тупых и для тупых, что-то читавших. Тупому большинству хватало рассказов и русификации.

Не надо удивляться — большинство пользующихся интернетом и сейчас верит во всякие ереси. Просто в интернете ересей много и верующих в каждую в отдельности относительно мало, а в 90-е на Украине интернета не было. Он стал более-менее широко распространяться только в конце 90-х, до этого работала государственная пропаганда. Ей большинство и верило, поскольку привыкло верить газетам и телевизору. Детей же воспитывала «лучшая в мире» бывшая советская школа, которая до 2010 года находилась под полным контролем националистов и в марте 2014 года вновь вернулась под их контроль.

Тупым, что-то читавшим и помнящим, что где-то в летописях эта территория называлась русской землёй, объяснили, что «злые москали» («угро-финно-монголы») специально украли у украинцев имя русских. Очень простая теория заговора — никто же не спрашивает, зачем «мировому правительству рептилоидов» «миллионы лет» обманывать человечество, чтобы когда-нибудь его уничтожить, если они столь могущественны, что могут это сделать прямо сейчас. И почему они «убивают» всех, кто их разоблачает, только местного городского сумасшедшего бояться и не трогают — только он

может спасти мир. Вполне укладывается в сценарий простенького голливудского фильма. Вот никто и не спросил, зачем одному народу воровать у другого имя и как это вообще возможно.

Последняя точка была поставлена, когда народу объяснили, что русские никогда не попадут в европейский рай, ибо рабы. А местным повезло, они оказались в украинском государстве и теперь достаточно признать себя украинцами, чтобы быстро переквалифицироваться в европейцы. То есть состояние украинства рассматривалось как промежуточная стадия между рускостью и европейством. Вот так они и стали маргиналами — не экономическими, не социальными, а этническими маргиналами. Из русских они выписались, европейцами не стали, а украинство — промежуточное состояние между чем-то и чем-то и априори не может рассматриваться как нечто желанное — это, мол, лишь стадия на пути к желанному.

Чем дольше эта стадия длится, тем сильнее звереют украинцы, никак не допрыгивающие до европейства. В 2004 году они на майдане жалели русских, которым в силу «рабской сущности» никогда не стать европейцами. В 2014 году они уже убивали русских, «мешающих» им интегрироваться в Европу, но ещё делили русских на «хороших» (либеральное меньшинство) и «плохих» (традиционалистское большинство). В 2022 году они уже заявляли, что «хороший русский — мёртвый русский» и требовали убить всех, включая стариков и младенцев.

При этом многие из них помнили о своих русских корнях, но русскими, которых «надо убить», себя не считали, считали себя недостаточно украинцами, но старались.

На Украине до сих пор можно услышать: «Мои родители русские, я говорю по-русски, но я старательно учу украинский язык, ибо мне стыдно, что я, украинец, поскольку живу на Украине, не знаю свою родную мову. Всех русских надо убить, иначе они, как мои родители, вместо того, чтобы рассказать ребёнку о величии Бандеры, заставят его учить стихи Пушкина и научат говорить по-русски». И толпа таких же «украинцев» встречает подобные откровения бурными продолжительными аплодисментами.

Мы, конечно, и дальше будем называть их нацистами (и я буду), потому что война, потому что они носят свастики, руны, эмблемы дивизий СС и т.д. Но в первую очередь потому, что народу для определения врага не нужны сложные рефлексии — определение врага должно соответствовать его внешней форме. Проблемы содержания народ не волнуют. Пото-

му его и легко толкнуть на самоубийственные майданы, революции и прочие акты насилия, гарантирующие «светлое будущее всего человечества» уже завтра (вот только всех лишних убьём и заживём).

Сами же мы должны понимать сущность любого общественного явления, особенно того, с которым боремся. Иначе мы не только не сможем его искоренить, но рискуем через какое-то время повторить у себя. Украинцами ведь себя провозгласили не прибалты, не узбеки, не кто-то из народов Кавказа, а русские, веками жившие на исконных русских землях, таких же исконных, как Новгород или Смоленск.

Можно сколько угодно вздыхать о «недобитых бандеровцах», но их-то как раз вполне добили. «Циничный Бандера» — Порошенко родом из Болграда Одесской области, в детстве несколько лет жил в Бендерах Молдавской ССР, затем учился и работал в Киеве. Тимошенко родом из Днепропетровска, фамилия по мужу, отец — Григян, мать — Телегина. Ющенко из Сумской области (граница с Россией), Денисова из Крыма, Ахметов и компания из Донецкого бассейна, братья Найемы — выходцы из Афганистана, Аваков из Азербайджана, Клишкин из Курской области, Сырский из Владимирской области, Зеленский, как он любит подчёркивать, русскоязычный еврей из Кривого Рога. Подавляющее большинство «Слуг народа» — русскоязычные с Восточной Украины.

Из всех украинских политиков только выходец из Галиции Вячеслав Чорновол последовательно выступал за федерализацию, так как совершенно правильно считал, что это — единственный способ сохранить Украину от гражданского конфликта между Западом и Востоком. Но именно Юго-Восточные политики, всегда руководившие Украиной и руководящие ею сейчас, боялись и федерализации, и сближения с Россией, считая, что Юго-Восток тогда уйдёт в Россию, и они окажутся никому не нужны (ибо зачем они галичанам без территорий и населения?).

А бандеровцы, за исключением кучки «идеологов» (вроде Бандеры и Мельника), ничего нового не придумавших, а просто пытавшихся въехать в политику в кармане гитлеровского френча, в основном — маргинализированное крестьянство Западной Украины, ненавидевшее поляков за многовековое господство, а русских за начало коллективизации, а также по команде греко-католических священников. Крестьянство Западной Украины маргинально во всех отношениях. Они не русские, не поляки, не православные, не католики, не свободные, не крепостные, для них не существовало социальных лифтов.

Их ненависть ко всем окружающим проистекает из их религиозной, этнической и социальной неприкаянности. Ненавидят и убивают они, в первую очередь, поляков, затем венгров и словаков, поскольку они рядом. Русские дальше, до них дотянуться сложнее, поэтому и ненависть к ним выливается в действие только при редких встречах (и то, если оставить их без присмотра государства). В СССР их совершенно правильно начали демаргинализировать. Тишины и спокойствия на Западной Украине добились довольно быстро (последних бандитов переловили к середине 50-х, но крупных эксцессов не было уже с 1949 года, когда были уничтожены основные силы УПА). Просто с 1955-го по 1985 год прошло всего 30 лет — не только поколения не успели смениться, но даже быт менялся крайне медленно. Процесс не был доведён до конца. Надо было ещё лет тридцать, но тут всё развернулось вспять и оказалось, что бандеровцы чуть ли не герои, и в результате в бандеровцы пошла молодёжь.

Такая же, какая пошла в Харькове в структуры Билецкого, такая же, как в Киеве внимала «откровениям» Корчинского, а в Одессе породила Стерненко. Их всех не с Западной Украины завезли. И воюют наиболее упорно и ожесточённо с нами никогда не видевшие бандеровцев представители Восточной Украины, многие с чисто русскими фамилиями.

Еврей не может стать арийцем, а немец семитом. Даже если очень захотят, даже если еврей примет христианство, а немец иудаизм, всё равно они не смогут изменить свою сущность. Просто будет еврей-христианин и немец, исповедующий иудаизм. И русский никак не может стать украинцем, сколько бы он ни проклинал русских и как бы хорошо ни знал мову. Просто получится зомби — этнический маргинал.

Такие маргиналы стократ опаснее любых нацистов. Не случайно немцы поручали именно бандеровским маргиналам, этим неславянам, неарийцам, самую грязную работу. Выпав из нормального человеческого общества, они смертельно злы на всех, кто в нём остался. Их ненависть кристально чиста, она абсолютна, ибо не имеет никакой причины (классовой, национальной, расовой), это ненависть существа, выпавшего из цивилизации, к тем, кто в ней остался, расчеловечившегося по отношению к оставшимся людям.

Немцы (за исключением отдельных садистов) убивали, «потому что работа такая». Они не стремились облегчить жизнь и смерть обречённым, но и не пытались доставить дополнительные страдания — просто следовали процедуре. Этот подход ужасен своим бездушием, но он в корне отличается от подхода бандеровцев и современных обукраинившихся. Эти

стремятся унижить обречённую жертву, доставить ей максимальные физические и моральные страдания. Попытки ради пыток (не ради получения информации) для них норма. Так они пытаются заставить человека признать себя ниже их, расчеловеченных.

Нацизм — болезнь нации. Этническая маргинальность — болезнь несостоявшейся нации. Нацисты не отрицают государство и уважают его законы, но после того, как переписут их под себя. Этнические маргиналы могут сколько угодно переписывать законы, но никогда не будут им следовать, и государство им всё время будет «жать в подмышках». Денацифицировать их относительно просто — достаточно показать нацисту, что идея не работает. Многие немецкие нацисты искренне денацифицировались, так как русские их победили, а согласно нацистской теории унтерменш не может победить юберменша. Отсюда простой вывод — либо не немцы, а русские — народ-господин, либо нацистская теория не верна. Большинство немцев предпочло последний вывод.

Этнического маргинала демаргинализировать гораздо сложнее. С первым поколением это практически не работает. Его можно только нейтрализовать и заставить жить по законам государства, и то при наличии достаточного силового ресурса. Настоящая демаргинализация произойдёт только в третьем поколении, а то и дальше. Причём, необходимо максимально ослабить влияние старшего поколения.

Что такое этнический маргинал, хорошо видно на примере Африки, где не утихают межплеменные гражданские войны, разрывающие государства и не дающие сформироваться нациям. Этнический маргинал — машина убийства, для которого война в бандитском стиле привычная среда — он так кормится. Он хуже обезьяны с атомной бомбой, так как подобная обезьяна может принести смерть и разрушения случайно, по недопониманию, а он несёт их сознательно.

Назвать этнического маргинала нацистом — сделать ему комплимент и оскорбить нациста. У нациста есть извращённая, но идея, цель, которую он считает достойной, за которую готов не только чужую, но и свою жизнь отдать. Этнический маргинал — кровожадное чудовище, вечно голодный кадавр, стремящийся пожрать всё, до чего дотянется. Пожирание и уничтожение является смыслом его жизни. В первую очередь он стремится уничтожить цивилизацию и её носителей.

Именно поэтому я не переживаю об огромных потерях Украины, хоть в другой ситуации и людей было бы жаль, да и с чисто практической точки зрения, чем больше трудоспособ-

ного населения на новых территориях — тем лучше. Несмотря на то, что многие из них «не виноваты, их так учили», они уже получили свой смертельный укус и перестали быть людьми, не испортились в своём человеческом качестве (как нацисты), а перестали быть людьми, стали опасностью для человечества в качестве этнических маргиналов.

Это, кстати, хорошо понимает вырастивший их Запад. Нацистов он прятал, чтобы в дальнейшем использовать, а украинцев стремится полностью утилизировать в войне против России, чтобы их поменьше осталось, а лучше, чтобы совсем не осталось.

Поляки жалуются, что украинцы не ассимилируются и пытаются украинизировать Польшу. Это поляки — самая моноэтническая нация в Европе, переварившая все инородные вкрапления и никогда не стеснявшаяся в средствах. И украинцев к ним в ходе СВО уехало (по их данным) около миллиона, а всего они у себя насчитывают украинцев 1,5—2 миллиона. И вот эта капля в польском море устраивает ему национальное землетрясение.

Между тем польский национализм — самый радикальный из европейских. Но он столкнулся с чем-то намного более агрессивным и совершенно неуправляемым.

Так что мы этнического маргинала ошибочно приняли за нациста. И отнестись к нему мы должны как к бешеной собаке — не потому, что она собака, а потому, что бешенная. Конечно, по закону. Например, на поле боя.

Олег КАССИН,
председатель Общероссийского общественного
движения «Народный Собор»

«ОШИБКА» ИЛИ ПРЕДАТЕЛЬСТВО?

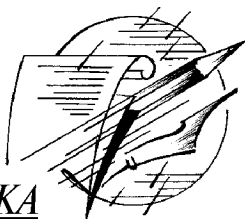
Украинский диктатор Владимир Зеленский и премьер-министр Британии Кир Стармер подписали 16 января 2025 года в Киеве соглашение о столетнем партнерстве между странами.

Российские СМИ широко обсуждали этот скандальный документ, направленный на углубление отношений наших геополитических противников в политической, экономической и оборонной сферах.

Великобритания подтвердила свое обязательство предоставлять Украине военную помощь в размере не менее 3 миллиардов фунтов (3,7 миллиарда дол.) в год «до 2030/2031 года и столько времени, сколько потребуется для поддержки Украины».

Примечательно, что помимо военных и политических аспектов этой сделки, о чём довольно много писали российские СМИ, о её экономической составляющей говорилось гораздо меньше.

Так, отмечалось, что Лондон и британский бизнес по итогам этих соглашений получают максимально комфортные условия работы на Украине, в том

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

числе в сфере энергетики. Документ закрепляет позицию Великобритании как приоритетного партнера Украины в энергетическом секторе, включая добычу полезных ископаемых. Соглашение определяет обязательства Киева передавать британским компаниям контракты в области энергетики, добычи полезных ископаемых, металлургии и сельского хозяйства. В итоге по всей логике заключённых соглашений Украина превращается в английскую сырьевую колонию.

Соглашение о 100-летнем партнерстве имеет также некие секретные пункты, о чём публично сообщил Зеленский.

В целом западные эксперты оценивают сейчас минерально-сырьевую базу Украины в 12 триллионов долларов. В список вошли 7500 разведанных месторождений коксующегося угля, марганцевых руд, титана, лития, глины, металлургического сырья, соли, песков и так далее.

В общем, говоря по-простому, продажная марионетка Зеленский отдал Великобритании с потрохами Украину и её недра на 100 лет. И права эти англичане будут жёстко отстаивать в международных судах, где они за многие десятилетия и даже столетия весьма поднаторели.

А сейчас, когда президент США Трамп пытается навязать России очередной мир с «незалежной», англичане фактически обозначают себя третьей ключевой стороной переговоров по Украине. Своей 100-летней с ней сделкой они как бы говорят: «Договариваться надо и с нами, так как именно мы сейчас являемся реальными владельцами ключевых активов Украины». Блестящая операция британской разведки МИ-6!

Эта продажа была осуществлена киевским режимом в том числе и в счёт погашения взятых Украиной кредитов. По сути, англичане, заключив данную сделку с Киевом, просто «кинули» американцев, вложивших в нацистский режим Зеленского сотни миллиардов долларов. И пока в США в период подготовки Трампа к инаугурации был некий период «междущарствия», англичане с Украиной быстренько и обтяпали своё «историческое» соглашение буквально в новогодние праздники, пользуясь каникулами иных элит.

Судя по всему, именно этим и объясняется столь сильная неприязнь Трампа и его новой команды к британскому премьер-министру Стармеру и желание поскорее «снести» его. Старая опытная английская команда по геополитическим интригам успела «облапошить» нового американского претендента на решение мировых проблем.

Сам же Зеленский ведёт себя при этом по отношению к США как обычная продажная девка: «Раз ты платить мне больше не хочешь, тогда я продамся другому!» Ведь «по по-

нятиям», «кто кормит *девушку*, тот с ней и танцует». А чтобы напустить побольше политических «понтов», блефуя и завышая свои ставки, в дополнениях к 100-летней сделке стороны нормативно закрепили следующее: ВМС Украины вместе с ВМС Британии намерены действовать в составе объединенных группировок войск (флотилий) «там, где это будет уместно», включая акваторию Балтийского, Черного и даже Азовского (!) морей для «сдерживания продолжающейся российской агрессии». Напомним, что Азовское море сейчас является внутренним морем России.

В связи со всеми этими событиями вновь с особой остротой встает поднятый ещё полтора года назад «Народным Собором» важнейший вопрос. **Речь идёт о фактическом выведении чиновниками Минприроды России из правового поля нашего государства недр Новороссии и создании таким образом, по сути, их правовой бесхозности.** Сделано это было посредством продавливания чиновниками этого министерства постановления правительства РФ от 30.11.2024 № 1693, в пункте 6 которого содержится фактический отказ от суверенитета на недра на территории ряда субъектов Российской Федерации: Донецкой и Луганской Народных Республик, а также Запорожской и Харьковской областей.

По данному поводу «Народный Собор» и представители горной общественности неоднократно направляли свои обращения в правительство России, различные министерства, Генеральную прокуратуру РФ, Федеральную службу безопасности России. А недавно новое обращение с конкретными предложениями было направлено «Народным Собором» на имя президента России В.В. Путина.

Какие же негативные последствия влечет для нашей страны подобная деятельность чиновников Минприроды России и иных ведомств в свете ускоренной продажи киевским режимом и его олигархами прав на недра Украины и территории освобождённой Новороссии?

Напомню, что подобная крупная торговая сделка с недрами ДНР, совершенная по-тихому, произошла еще в январе 2024 года. Причём продажи стали форсироваться именно год назад, то есть буквально через несколько месяцев после начала борьбы «Народного Собора» и горной общественности с антиконституционными инициативами Минприроды России. Так, по сообщениям СМИ, близкая к Петру Порошенко фирма «Петро-Консалтинг» (впоследствии ООО «Европейский литий Украина») именно тогда была куплена австралийской компанией European Lithium, всего за 184 миллиона евро (в интернете сообщается, что компания-покупа-

тель принадлежит англичанину Энтони Сейджу). И это при том, что Шевченковское месторождение лития в реальности оценивается в 1,2 триллиона долларов! Несомненно, что новые владельцы не поленились перепродать его в ускоренные сроки несколько раз новым собственникам (скорее всего из подконтрольных Англии компаний), чтобы сделать из них «добросовестных» покупателей.

В ходе серии подобных сделок конечная стоимость только одного литиевого месторождения в итоге может быть взвинчена до триллиона долларов и более. Выпустив под эти активы всевозможные деривативы, их общую сумму западные финансовые шулеры еще больше увеличат. И всё это затем будет предъявлено России в международных судах. А в них новые «добросовестные владельцы» с пеной у рта станут доказывать своё «священное право частной собственности» на недра Новороссии.

При этом видимость законности таких приобретений будет обосновываться западными собственниками в первую очередь тем, что на момент заключения сделок Россия, по их мнению, осознанно и добровольно отказалась от этих недр, апеллируя к продавленному Минприродой России постановлению правительства РФ от 30.11.2024 № 1693.

Так, при неизбежных тяжбах нашей страны в международных судах там всегда будут указывать на принятое у нас без предлагаемой «Народным Собором» и горной общественностью корректировки постановление и заявлять, что даже в самой России эти территории не считаются вполне законными в отношении недр. Ведь освоение этих месторождений исключено из российского государственного регулирования. А такая правовая неопределённость как раз и подтверждает то, что Россия не претендует на данные запасы, и заключаемые сделки с Украиной могут рассматриваться как соответствующие международному праву.

Осознавали ли это чиновники Минприроды России, включая из российской юрисдикции недра Новороссии, включая литиевые месторождения?

Прогнозируя подобное развитие событий ещё полтора года назад, «Народный Собор» и горная общественность требовали от российских чиновников соблюдения Конституции России в подготавливаемом проекте скандального документа. И вот сейчас выясняется, что всё это время, пока чиновники занимались отписками, шла ускоренная распродажа и перепродажа украинскими олигархами и киевским режимом месторождений полезных ископаемых Новороссии, её недр.

Примечательно, что всего через полтора месяца после принятия вышеуказанного постановления киевский диктатор Зеленский продал Великобритании оптом и на 100 лет недр всей Украины. Судя по наглости, с которой англичане сейчас претендуют на акваторию нашего Азовского моря, это касается и недр Новороссии тоже. Великобритания и Украина ускоренно претворяют в жизнь свою «делку века», пока российские чиновники упорно тормозят реализацию противодействующих мер, продолжая игнорировать замечания «Народного Собора» и нашей горной общественности.

И наверняка при этом украинские дельцы в качестве весомого аргумента тыкали перед новыми покупателями пальцем в постановление правительства РФ от 30.11.2024 № 1693. А сейчас, после заключения 100-летней сделки, этот отказ России от недр Новороссии будут педалировать при дальнейшей перепродаже уже англичане.

Таким образом, исключение из юрисдикции России недр Новороссии, созданное искусственно группой российских чиновников, значительно ослабляет позиции России в неизбежных в будущем международных судах и коммерческих переговорах и является непростительным действием.

В дальнейшем в ходе судебных тяжб новые западные собственники потребуют от России либо признания своих прав на приобретенную собственность, либо возмещения понесённых затрат и потенциальных «убытков». В результате Россия будет обречена на многолетние судебные тяжбы, аресты российского имущества и средств. Нам будут угрожать различными новыми санкциями в отношении компаний, через которые будет продаваться литий и другие полезные ископаемые Новороссии, шантажировать превращением ситуации вокруг новых регионов в вечный политический конфликт по аналогии с Тайванем. В подобных делах англичане давно поднаторели. Вспомните хотя бы судебную тяжбу России и экс-акционеров ЮКОСа в 50 миллиардов долларов, длившуюся много лет в британских судах. Английские мастера «политического покера» умеют играть в долгую.

В итоге Великобритания в судебном порядке будет требовать в течение 100 лет в добавку к уже замороженным за рубежом российским 300 миллиардам долларов заморозку наших оставшихся валютных активов и изъятия всей зарубежной российской собственности. Обосновываться это будет необходимостью компенсации за проданные киевским режимом и его олигархами недр Новороссии, которые сейчас отошли к России, и предъявления нам дополнительно многосотмиллиардных долларовых исков. Под этот уже реализуемый удар

попадёт как бюджет России, так и российские компании, имеющие зарубежные активы. При участии Англии на основании её «претензий» к России по поводу минеральных и земельных ресурсов Новороссии будет обеспечен запрет на выход российских компаний на международный рынок до удовлетворения «английских appetites».

Не исключено, что со временем всплывет информация и о других подобных сделках украинских олигархов и кровавого киевского диктатора с западными компаниями (что там Зеленский в секретных протоколах 100-летнего соглашения наподписывал, пока не известно), и суммы предъявляемых России исков увеличатся до многотриллионных.

Так, в районе лишь того же Покровска находятся ещё и другие крупные месторождения: высококачественного коксующего угля, различных редкоземельных металлов. И это лишь часть полезных ископаемых, находящихся в недрах Новороссии, которые чиновники из Минприроды России своими сепаратистскими действиями вывели в нарушение Конституции РФ из российского правового поля.

Таким образом, через якобы «ошибку» чиновников Минприроды России (которую они упорно не желают устранять) нанесён удар по всем российским экспортно-ориентированным промышленным отраслям, включая минерально-сырьевую, энергетическую, оборонную, продуктовую (зерновую) отрасли.

Что это с их стороны: некомпетентность, халатность или предательство и корыстная заинтересованность?

Вполне очевидно, что у чиновников Минприроды России есть высокие покровители во власти, координировавшие подобную деятельность и прикрывавшие «наверху». Выполнением их негласных указаний через различные министерства по-тихому продавливается целая система подобных сепаратистских закладок в нормативную базу России и осуществляется скрытное подыгрывание киевскому режиму. Нами вскрыт лишь один из вопиющих моментов. Наглость в игнорировании на протяжении полутора лет чиновниками предостережений «Народного Собора» и горной общественности это подтверждает.

Успех агентов влияния и лоббистов, продавивших указанное постановление, наносит серьёзный политический удар по престижу России, по сути, добровольно отказавшейся от существенной части своего суверенитета, что создаёт законодательную почву для спекулятивных экономических претензий.

Кстати, подобную «бесхозность» территорий Новороссии и их незакреплённость в российском правовом поле эксперты «Народного Собора» сейчас также обнаружили в деятельности Росреестра!

Анализируя в этой связи поведение российских чиновников, на протяжении полутора лет занимавшихся дежурными отписками на справедливые предложения «Народного Собора» и горной общественности и запускавших при этом порой в качестве ответов откровенную «дурочку», просматривается следующее. Судя по всему, существует какая-то общая линия, навязанная неофициально этим самым чиновникам некими «экспертами» через властные структуры.

Как правило, сами ведомственные чиновники в силу своей узкой специализации не имеют масштабного мировоззрения и не способны самостоятельно спрогнозировать геополитические последствия собственной подобной «работы». Поэтому в своей деятельности в ряде вопросов они опираются не только на профильных министерских экспертов, но и на рекомендации и мнение других экспертных центров более широкого и высокого уровня. А порой просто слепо выполняют указания вышестоящих инстанций, с которыми такие «эксперты широкого профиля» уже соответственно поработали, возможно, даже стимулировав их в нужном направлении (обещание содействия в дальнейшем карьерном росте, материальная заинтересованность и др.). Обычным же мелким клеркам и их непосредственным начальникам, которых, как правило, и выставляют затем крайними, говорят, чтобы они ничего не боялись и что в случае чего их всегда прикроют — «наверху всё схвачено».

Похоже, что именно подобными «экспертами-многостаночниками» российским чиновникам (причём на весьма высоком уровне) под шумок переходного периода и была навязана схема с изъятием недр Новороссии из российского правового поля.

В реальности, как это сейчас проявляется, затягивание чиновниками внесения в вышеуказанное постановление необходимых поправок, предлагаемых «Народным Собором» и горной общественностью, продавливание окончательного варианта этого документа дало Украине и западным компаниям дополнительные возможности и время для реализации сделок с недрами Новороссии, перепродажи приобретённых активов и закрепления своих позиций в качестве добросовестных приобретателей в будущих судах.

Не многие знают, что в 90-е годы прошлого века вокруг большинства российских министерств существовали ана-

логичные «теневые министерства», состоявшие из сообществ западных и прозападных экспертов и финансировавшиеся даже из российского бюджета по различным серым схемам. Их главная задача состояла не только в сборе и анализе поступавшей обширной профильной информации, но и в выдаче всевозможных рекомендаций и заключений российским министерствам по важнейшим, ключевым вопросам (естественно, не в интересах развития нашей страны, а по скорейшему развалу её экономики).

Подобные действия осуществлялись путем различных манипулирований чиновниками, включая разные формы их стимулирования, вплоть до прямого материального поощрения. Это стандартная западная практика, открыто используемая сейчас на той же Украине.

За последние два десятилетия значительную часть этих «экспертных теневых министерств», формировавших у российских чиновников необходимое «мнение» по тем или иным вопросам, отодвинули от рычагов влияния и отключили от бюджетного финансирования. Оставшиеся подобные структуры стали работать на новом этапе более тонко и осторожно. Вскрытие и пресечение их вредоносной деятельности — это сейчас особая задача для российских правоохранительных органов.

Поразительно, но ни в одном из писем, полученных «Народным Собором» из многочисленных инстанций, не даётся вразумительного ответа по поводу указанных грубых нарушений Конституции России. Понимая всю шекотливость данной ситуации, никто из них не хочет брать на себя ответственность, перекадывая её друг на друга. В итоге «Народному Собору» пришлось недавно направить отдельное обращение на имя Генерального прокурора России с просьбой выполнить свою обязанность, прописанную в п.3 ст. 24 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»: в случае несоответствия постановлений правительства Российской Федерации Конституции Российской Федерации — проинформировать об этом президента России.

Возвращаясь к предложениям «Народного Собора», направленным на имя президента России В.В. Путина, поясняя, ЧТО нужно сейчас оперативно предпринять с целью максимального снижения для нашего государства уже созданных чиновниками негативных последствий.

В первую очередь — это срочная корректировка постановления правительства РФ от 30.11.2024 № 1693!

Наряду с этим необходима в самые короткие сроки реализация мер по закреплению вовлекаемых в сделки Украины с

транснациональными компаниями природных запасов Новороссии за российскими недропользователями. Среди таковых — срочное введение их в российскую юрисдикцию, перевод из нераспределённого фонда в принадлежащие конкретным недропользователям лицензионные участки. **Это позволит локализовать неизбежные судебные процессы, переводя их в формат споров между хозяйствующими субъектами без вовлечения Российской Федерации.**

Реализация данных мер, с одной стороны, серьёзно остудит желание потенциальных западных покупателей дополнительно вкладываться в мутные киевские сделки, а с другой — укрепит наши позиции в международных судах.

В сложившихся условиях следует понимать, что **чем дольше будет затягиваться внесение предлагаемых коррективов, направленных в Минприроды России ещё в сентябре 2023 года, тем больше будет возможностей и времени у западных компаний для перепродажи приобретенных по бросовым ценам активов и накручивания их стоимости через финансовые механизмы.** И созданный российскими чиновниками правовой вакуум, в котором оказались недра Новороссии, сейчас способствует этому. В итоге каждый день просрочки может обернуться для России дополнительными миллиардами долларов в виде последующих судебных исков.

На сегодня промежуточный итог всей этой скандальной истории таков. Недавно движение «Народный Собор» получило очередной ответ из Генеральной прокуратуры России. В нём сообщается, что наше обращение снова направлено... в Минприроды России и находится на контроле Генпрокуратуры. Что ж, посмотрим, что это за контроль. А пока накапливаем материалы для полного анализа всей ситуации.

Кстати, недавно после поднятой «Народным Собором» очередной информационной волны вокруг всей этой ситуации и обращения к президенту России В.В. Путину в российских СМИ появилось сообщение о том, что крупная российская компания «Атомредметзолото» интересуется разработкой Шевченковского месторождения лития. «Да, «Атомредметзолото» проявляет заинтересованность, но лицензию будет выдавать федеральная структура, это уже на уровне Минприроды России будет решаться», — сообщил по данному поводу заместитель председателя правительства ДНР Владимир Ежигов.

Вот только не понятно, как Минприроды России будет выдавать такую лицензию? Ведь именно это министерство само себе «выстрелило в ногу», продавив через свой Департамент государственной политики и регулирования в облас-

ти геологии и недропользования вышеуказанное постановление правительства России, посредством которого недра Новороссии выведены из российской юрисдикции и являются сейчас в правовом поле некой «серой зоной».

Единственный для чиновников Минприроды России сейчас вариант — **это признать собственную ошибку и срочно инициировать внесение в это постановление необходимых поправок, устраняющих данную проблему.** Конкретные предложения по этим поправкам в министерство давно уже представлены.

В свете всей этой истории возникает также вопрос о необходимости реализации инициативы Движения «Народный Собор», получившей в свое время широкий резонанс в СМИ и внимательно изученной на уровне МИДа России. Речь идет о создании на базе того же БРИКС в противовес существующему Евразийскому суду по правам человека и иным международным судам новой аналогичной структуры — **международного Евразийского суда по правам человека и других судов** как более беспристрастных и объективных структур, не боящихся политического давления США, Великобритании и Евросоюза.

В таких международных судах БРИКС будет вполне возможно, в частности, рассматривать вопросы взыскания и финансирования США и странами Западной Европы киевского неонацистского режима. Там же уместно рассмотреть и факты многочисленных зверств и террора украинских карателей в отношении населения Украины и Новороссии, убийств и пыток российских военнопленных и гражданских лиц на территории новых регионов России и Курской области, а также аналогичные «подвиги» американской военщины в Афганистане, Ираке и других странах. Здесь же можно объективно оценить мутные «вековые сделки», пристально разобраться с закулисными финансовыми махинациями Запада вокруг Украины, а также с вовлеченными в них конкретными высокопоставленными американскими и европейскими чиновниками. И не дать им уйти от ответственности, как это было в случае с Гитлером, которого, как и нациста Зеленского, когда-то вырастили такие же западные корпорации. Для этого и соответствующий Евразийский международный трибунал не помешал бы.

Возвращаясь к ожидаемым международным судам по поводу недр и других активов Украины и Новороссии, отмечаю следующее. В настоящее время Запад уже вообще перестал соблюдать многие основополагающие международные законы, признавая лишь одно право силы. Поэтому упречением

наших стартовых позиций на любых подобных переговорах может являться лишь усиление в ходе Специальной военной операции позиций на поле боя и устранение самих первопричин возникшего военного конфликта — киевского неонацистского режима, вскормленного странами коллективного Запада. И это будет лучшим ответом на всевозможные «100-летние сделки» и различные экономические санкции.

А по окончании конфликта и устранению первопричины зла необходимо во время переговоров с Западом поступить так, как поступила когда-то советская делегация на Генуэзской конференции 1922 года. В ответ на требования Запада принять на себя ответственность за все убытки от действий как советского, так и предшествующих ему правительств или местных властей и оплатить выставленные различными западными собственниками огромные счета советская сторона выдвинула тогда свои контрпретензии. В качестве их было выставлено аналогичное встречное требование о компенсации Западом колоссального ущерба, причинённого иностранной интервенцией и блокадой. И эта заявленная сумма вдвое превышала цифру, предъявленную в качестве ультиматума Западом.

ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЁТ ФЕНИКСА

РАССКАЗ

Раздававшийся неподалёку голос показался знакомым. Очень знакомым. Настолько, что я, довольный, улыбнулся. Если этот голос рядом, значит, всё будет хорошо. Я знаю это. Это голос моего друга, да чего там друга. Брат он мне! С большой буквы Брат! С огромнейшей такой буквы!..

Я попытался подняться и вдруг, к своему изумлению, ткнулся физиономией в землю. Пришла идиотская мысль: «Хорошо, что трава попалась. Если бы мордой в асфальт, ободрал бы на раз!..»

— Так, что за фигня... — пробормотал я, — какой к чёрту асфальт!.. О чём я тут вообще думаю-то?..

— Ты чё там бормочешь, Саня? — раздался насмешливый голос друга. — Совсем крышей двинулся, что ли?

— Да хрен его знает, — поморщился я от боли в запястьях и открыл глаза.

Реальность навалилась тяжким душным комом, так, что еле сдержался, чтобы не застонать от тоски.

Теперь понятно, почему я такой беспомощный и почему мордой в траву, — руки за спиной связаны.

ПРОЗА

— Ты, Феникс, сам-то как? Жив-здоров?... — спросил я, усаживаясь на земле удобнее и стараясь не шевелить туго перетянутыми руками. — Слышу, голос вроде знакомый... Дай-ка, думаю, поздороваюсь, столько лет всё же не виделись.

— Да я-то в норме, — усмехнулся он, — а вот как у тебя дела с бестолковкой, не ведаю. Приложило капитально. Ты, можно сказать, чуть ли не в воронке оказался. Однако гляди-ка, живой. И смею думать, относительно здоровый.

— Да, кажется, в порядке, — кивнул я, отплёвываясь от прилипших к губам травинки и осторожно осматриваясь.

Друг и брат — это хорошо в мирное время. Когда же оказываешься с ним по разные стороны баррикад, это совсем другое. Хотя тоже неплохо. Относиться, может, полегче будут, по крайней мере, некоторое время.

В голове наконец-то прояснилось, мир, перестав раскачиваться, встал на своё место. Не считать же, в самом-то деле, звон в ушах и боль во всём теле катастрофой? Главное, живы, руки-ноги, чувствую, не переломаны, а значит, не всё потеряно. Ну а дальше поглядим... Жизнь, она штука такая, замысловатая, сейчас вот пинка дала, а немного погодя, глядишь, и пряничек подсунет.

Феникс, или Виталья Моисеенко, сидел рядом со мной на корточках и внимательно меня рассматривал. Виталья. Друг мой с самого детства. Выросли в одном красноярском дворе. Вместе с девчонками дружить бегали. Даже служить в Костромской десантный полк вместе попали. Потом вместе в Рязанское училище ВДВ, где он и приобрёл второе имя — Феникс.

Выпало нашему взводу счастье в лесу зимой ночевать. Морозец не покусился, в результате чего Виталья слишком близко к костру уснул. Бушлат начал тлеть, его и припекло. Вскочил и спросонья начал скакать, пытаясь потушить одежду. Руками как крыльями машет, искры во все стороны, зрелище феерическое вышло. Так и стал Фениксом. После училища написали рапорта в спецназ ГРУ...

Затем чеченские войны, на которых мы с ним, можно сказать, окончательно сроднились. Не раз и не два жизнью рисковали, прикрывая друг друга. Хорошо повоевали, если это понятие вообще можно к войне применить. У нас даже награды одинаковые, к которым мы относились со здоровой иронией. Уважали их, как же без этого, в конце концов, собственной кровушкой за них плачено. Но, как говорится, предпочли бы энную сумму в кармане вместо металла на груди, а ещё лучше, если всё вместе.

Но особо и не огорчались, понимали, что время страшное началось, дикое. Заклятые импортные друзья, воспользовавшись тяжёлым положением, рвали страну на части. Улыбались мило, сочувственно ручки заламывали: «Ах, какой, ужас! Людям головы, говорите, отрезают?! Надо же, кто бы мог подумать. Заложников целыми школами берут?! Ну надо же... Говорите, сотня детей погибла?!.. Ай-я-яй!.. Какая неприятность!.. Нет-нет, не может такого быть! Вы говорите неправду! Эти бородатые повстанцы всего лишь протестующий народ. Они не могут себя так плохо вести!»

Сами же, с иезуитским удовольствием глядя на кровавый хаос, терзающий Россию, с банковской точностью перечисляли озверевшему от крови сброду миллионы долларов.

Все войны когда-нибудь заканчиваются. Закончилась и эта. Жизнь начала налаживаться, служба катилась дальше, со своими взлётами и падениями. Катилась, катилась и докатилась до почётных проводов на пенсию. Тут-то наши дорожки и разбежались по разным странам.

Родители Феникса перебрались на свою историческую жовто-блакитную родину. Вслед за ними и он свою семью туда перевёз. И всё бы ничего, расстояние по нынешним временам не проблема. Загрузился в самолёт, и через несколько часов вот он я, встречай, мать городов русских!

Но не судьба, как говорится. Поначалу-то частенько перезванивались, а потом всё реже и реже. Наконец пришло время, когда вместо знакомого голоса я слышал только короткие гудки. Жалко. Очень жалко!.. Никогда не забуду, как он, хрипя от натуги, тащил меня на связанной из веток волокуше и приговаривал:

— Потерпи, братан!.. Потерпи, обязательно выберемся. Ещё немного осталось...

Это немного растянулось на двое суток, в течение которых Феникс, будучи сам раненым, таскал мою полуживую тушу по кавказским горам. Он справился: и сам выжил, и меня вынес. С тех пор его голос стал для меня голосом жизни. Только так, по-другому не скажешь.

Затем случился Донбасс и всё, что с ним связано. Мало этого показалось хохлам, взгромоздили они себе на холку кровавого клоуна, и понеслась кривая с косой по колдобинам...

Я не выдержал и сам пришёл в военкомат. Несмотря на возраст, прибрали меня быстро, как-никак подготовка имела на уровне. Умели в советской державе специальные кадры готовить. Годочки, конечно, давили на плечи, но многокилометровые марш-броски с полной выкладкой и не предусматривались, требовались совсем другие навыки.

Группа моя оказалась удачливая, много раз у взэсушников прямо под носом ползали. Хорошо так ползали, узнавать многое удавалось. Дроны и другие летающие приспособы — это отлично, что уж тут говорить. Прогресс на месте не стоит. Но есть места, на которые надо своими глазками посмотреть, чтобы потом умные люди верное решение принять смогли.

Удачливая была наша группа до сегодняшнего дня. Накрыли нас при отходе. Качественно так накрыли. Насчитать успел только два прилёта, а потом всё, темнота, значит, под третий и попал.

— Ты изменился, — пробормотал я, — постарел, смотрю, поседел...

— Зато ты, гляжу, красавчиком молодым сохранился, — усмехнулся он и приказал: — Повернись-ка спиной. — Он встал на одно колено и вытащил из ножен, болтающихся на поясе, нож.

Яснонько, не резать же он меня собрался! Я бы, честно говоря, удивился. Перебирая ногами, не поднимаясь, прокрутился на заднем месте и подставил ему стянутые за спиной руки. За запястья рвануло, я облегчённо вздохнул, и начал растирать посиневшие кисти рук.

— А водички не найдётся? — попросил я. — Давай уж до конца гостеприимство проявляй.

— Ну да, как же, гость дорогой прибыл! — покачал головой Феникс, отбрасывая в сторону пластиковую ленту одноразового браслета, и поинтересовался:

— Может, тебе ещё горилки да дивчину податливую подогнать?

— Не, не надо. Водички... Не до дивчин сейчас... Своя дома ждёт, — забросил я пробный камень — посмотреть, как он отреагирует на слова «дом» и «ждёт». Никак не отреагировал, вместо этого заорал, обернувшись в сторону кустов, прикрывающих узкую щель траншеи:

— Доцент! Подкинь пару бутылок!

Никто не ответил, но из кустов послушно вылетела пластиковая посуда и чуть не попала ему в голову. Виталья выругался, подобрал бутылку и сунул мне в руки. Вторую, летящую также прямо в него, умудрился поймать.

— Вот ведь чёрт!.. — пробормотал беззлобно. — Ничего не умеет! Как он вообще умудрился выжить? К жизни абсолютно не приспособлен, — он вопросительно посмотрел на меня, словно ища поддержки, и тяжело вздохнул: — И это я ещё про мирное время говорю, когда возможностей скопытиться гораздо меньше.

— Неужто и правда учёный? — проявил я вежливый интерес.

— А то!.. — оживился Виталя. — Самый настоящий и есть! И между прочим, довольно известный не только у нас в Украине, — он протянул мне вторую бутылку:

— На, рожу умой, вся в земле.

— Слушай, а кроме меня...

— Нет, — мотнул он головой, — так думаю, что ты один под удар попался. Тебя, скорее всего, не смогли в потёмках найти. Мои тоже чуть мимо не прошли, почти полностью землёй завален был.

Я кивнул и, не поднимаясь, стал лить на голову из бутылки воду, с наслаждением чувствуя, как она стекает с головы под камуфляж. Полегчало окончательно. Эх! Если бы ещё не осознание того, что нахожусь в плену. Как ни крути, плен, он и в Африке плен. Даже если руки развязаны. Бывший дружок тут уже не поможет. Нет, здесь, как я понял, он командир. Но как только меня передадут подальше от передовой, руки опять окажутся стянутыми за спиной, к бабке не ходи. И как судьба после этого извернётся, неизвестно.

Что бы кто ни говорил, но информацией украинские спецслужбы обладают, и информацией нехилой. Архивы у них не могли не сохраниться. Одной страной были. Одно дело делали. Меня они установят быстро. Вот тогда-то и начнётся самое интересное. Феникс знает это так же хорошо, как и я.

Чтобы прервать затянувшееся молчание, поинтересовался:

— Как твои девочки? Надеюсь, с ними всё в порядке?

— Да, слава богу, живы-здоровы, — улыбнулся он, забрал у меня из рук пустую бутылку, и забросил её в кусты. Потом, усмехнувшись, спросил:

— Ты знал, что у меня ни сыновей, ни внуков? Одни девки рождались.

— Про внучек не знал, к этому времени мы с тобой уже потерялись...

— Да бог с ним! — досадливо отмахнулся Виталя. — Потерялись и потерялись. Карта так легла. Что уж теперь. Так вот, кроме дочерей, я всегда хотел ещё и пацанов. Сначала сыновей... Затем, думал, даст Бог внуков... но видимо, не судьба... — он уселся рядом со мной на травку и сосредоточенно начал вертеть в руках поношенный кепи с нашитым жёлто-синим околышем.

— Чего замолчал?..

— Ну да... Что сказать-то хотел, — он задрал голову и, глядя в безоблачное утреннее небо, негромко сказал:

— Ты даже представить себе не можешь, как я теперь рад, что у меня одни девчонки.

— А зятя?..

— С ними тоже, можно сказать, повезло, хватило у них ума не геройствовать, а грабки в гору задрать, — хмыкнул он. — У вас в плену... оба, так что внучки сиротами не останутся.

— Слушай, ты бы руки мне связал, что ли, подставляешь-ся ведь, — предложил я, заметив, как из окопа высунулся боец и начал настороженно осматриваться. — А то заметят моё вольготное положение и наябедничают...

— Да плевать я на них на всех хотел! — зло фыркнул Феникс. — О том, что тебя притащили, уже, разумеется, узнали. Но ни для кого не секрет, что скоро здесь станет жарко, а посему, — потёр он ладони, — в ближайшее время заинтересованные лица сюда и носа не покажут.

— А бойцы твои?..

— Мои бойцы, говоришь! — он обернулся в сторону траншеи и крикнул: — Акула!.. Выгляни-ка на свет божий, — и, дождавшись, когда из неё вылезет невысокий худощавый солдатик в замызганном камуфляже и одетой набекрень каске, поинтересовался:

— Вань, скажи, пожалуйста, тебе есть вот до него какое-нибудь дело? — и он ткнул в меня пальцем.

Тот окинул меня озадаченным взглядом, пожал плечами и выдал:

— А кто это? Я его не знаю.

— А это, Вань, москаль. Под утро которого притащили. Неужто не помнишь?..

Иван опять пожал плечами, пробормотал что-то вроде «тогда утащил его обратно» и поспешно полез в траншею.

— Знаешь, почему его Акулой кличут? — и, не дожидаясь моего «не знаю», ответил:

— Он, Саня, в траншею прыгнул, и передние зубы себе своим же автоматом выбил. Даже этого не смог сделать, не пострадав! Поэтому можешь мне поверить на слово. Чихать они хотели и на тебя, и на твою российскую принадлежность. Жить они хотят, вот только выживать не умеют. — Он зло сплюнул, с интересом уставился мне в лицо, и спросил: — Ты знаешь, почему здесь никого нет? Никто за окружающей обстановкой не наблюдает?.. — И он ткнул пальцем в сторону траншеи.

Я, как недавний боец, пожал плечами.

— А они, брат, все по блиндажам сидят. Это, не воины. — И он, словно ему стало забко, передёрнул плечами. — Они думают, что брёвна в пару накатов спасут от прямого попа-

дания. Они ещё не знают, что это такое, полтонны взрывчатки, прилетающие сверху, про полторы вообще молчу.. И вылезать они оттуда не хотят. Хоть заприказывайся... Хоть гранаты к ним туда кидай...

— А дальше-то что? — спросил я, внимательно осматриваясь: мало ли, коль такая пьянка пошла, может, случай и подвернётся...

От полянки, где я сидел, в обе стороны отходили траншеи. Когда-то их облицевали досками, но со временем некоторые из них выпали, и общая картинка испортилась. Мне, как бывшему военному, это просто резало глаза. Непорядок. Хоть бы из траншеи их убрали, что ли. Споткнуться можно в самый неподходящий момент.

В десятке метров углядел блиндаж, довольно грамотно замаскированный. Чуть дальше огневая точка с полуобвалившимся бруствером. Потом ещё одна. Дальше уже видно не было. Траншея изгибалась. Но чутьё подсказывало: тянется она по лесопосадке далеко.

С другой стороны поляны всё повторялось — блиндаж, затем траншея с огневыми точками, теряющаяся среди чудом сохранившихся кустов и деревьев.

— Дальше, говоришь... — пробормотал Феникс, вытащил из кустов, росших неподалёку пустой ящик из-под цинков, и уселся на него.

— Хороший вопрос Саня. Много раз я его себе задавал. «Что же дальше будет?» Задавал с тех самых пор, когда в первый раз увидел нацистов, марширующих по улицам Киева. Знаешь, сначала даже не верилось. Думал, перебесится молодёжь. Национальная гордость народу в голову ударила. Бывает, наверное, и такое. Мы, мол, теперь сами себе хозяева. Что хоти, то и вороти. Всё надеялся, что этот угар пройдёт со временем. Переболеют бандеровщиной, как чумой!.. Всё-таки столько жизней Украина потеряла!.. Миллионы, миллионы и миллионы!.. Должен быть у неё иммунитет от этой заразы. Должен быть... Не прошло это, Саня, и даже не собиралось проходить! Не выработался иммунитет, — он тяжело вздохнул, обвёл взглядом полянку и спросил:

— Знаешь почему?..

— Нет...

— Для меня это стало понятным, когда внучка, придя из садика, показала деревянный нож и гордо заявила, что эти ножики им выдали, чтобы убивать русских. Я, Саня, это уже видел! По ящику чуть ли не каждый день гоняли, как девчушка-несмышлёныш, размахивая ножом, заявляет, что будет русню резать. И вместо того, чтобы прийти в ужас от это-

го, они радуются, какое, мол, дитя славное у этих нациков. — Он ткнул большим пальцем себе за спину. — В руках уже не деревянные ножи, а настоящие. И не только ножи... Всё мы, Саня, профукали! Вообще всё!.. Второе поколение фашистов подрастает!.. Не хватило у нас духу на своих детей руку поднять... Страшно это, когда отец на сына, брат на брата... — Он махнул рукой и устало закрыл глаза.

— Почему семью не вывез?

— Не успел, Саня. Знаешь, смотрел на этот кошмар и глазам своим не верил. Разумом понимал, что убивают страну, а поверить в это никак не мог. Когда же спохватился, понял, что опоздал. Пришёл ко мне вежливый эсбэушник и, добродушно улыбаясь, сообщил, что в интересах безопасности моей семьи за ней будут приглядывать. «Как бы чего не случилось, времена, знаете ли, военные, пострадать ваши девочки могут ненароком. Чтобы этого не произошло, вам надобно следовать в военкомат на добровольных началах, и чем быстрее, тем лучше». Говорит спокойненько так, ласково, а мне, глядя на него, страшно стало. Глаза у него пустые, жизни в них нет. Такой перехватит глотку от уха до уха любому, будь то взрослый или ребёнок, разницу даже не заметит...

Как оказалось, ящиков из-под патронных цинков в кустах валялась целая куча. Я выудил ещё один, пристроил его рядом с бывшим сослуживцем, сел, и с удовольствием вытянул ноги.

Что здесь происходит, непонятно. Ни офицеров, ни сержантов, никого, кроме пожилого Феникса. Чего мне ожидать, тоже неясно. Спрашивается, зачем меня вообще тогда сюда притащили, если я никому не интересен?

Но как оказалось, моей скромной персоной всё же заинтересовались.

Где-то в траншее раздалась возня, послышались громкие голоса, и я увидел, как из-за поворота вынырнули двое военных и, пригнувшись, быстро направились в нашу сторону.

— Ты смотри?! — присвистнул Виталья и, поднявшись с ящика, бросил на него свой кепи. — Надо же, БЗ собственной персоной пожаловал! — он хохотнул и громко, стараясь чтобы его наверняка услышали выбирающиеся из траншеи закамуфлированные гости, съязвил:

— Ты, пан начальник, никак смерти бояться перестал? В любой момент ведь прилететь может, даже мявкнуть не успеешь.

— Ничего, я быстренько! Москаля вот только заберу, да обратно подамся. Есть нам о чём с ним поговорить, — он, запрокинул голову, и засмеялся, почёсывая пальцами плохо бритый кадык.

Молодой мужик, лет тридцать, не больше. Одет в новый забугорный камуфляж. На голову выше меня. Рожа, как две мои физиономии. Неприятный тип, и не потому, что враг, он, скорее всего, по жизни такой. Судьба, она тварей метит. Этот, похоже, лучший представитель меченых, одни белёсые глазки, которые он постоянно щурит, чего стоят.

Второй, неприметный, как и я, среднего роста, примерно моей комплекции. Ничем выдающимся похвастать не может. Держится чуть позади, но камуфляжик тоже пока не обмятый, видно, что с землёй эта парочка ещё не встречалась. Не доводилось им на вкус её пробовать.

Повинуясь знаку Феникса, я подниматься не стал, так и сидел на ящике, с интересом наблюдая за приближающимся мордоворотом.

Тот подошёл, несколько секунд разглядывал меня, а затем вдруг, ощерившись, зарядил мне с ноги в голову. Я машинально отклонился назад, но понял, что беспокоился напрасно. Тяжёлый армейский ботинок Феникса врезался в ногу бугая с такой силой, что того развернуло на месте. И он, крутанувшись вокруг своей оси, шлёпнулся на спину.

— Ты чё, гад, творишь! — неожиданно тонким голосом взвизгнул он и, усевшись на заднее место, начал растирать ушибленную голень. — Москаля защищать удумал?..

— Нет, пленного, — хмыкнул Феникс. — Или у вас там другому принято? С пленными-то?.. — ехидно поинтересовался он.

Толстый не ответил, поднялся, тщательно отряхнулся и спросил:

— Почему у него руки не связаны?

На этот раз Виталья отвечать уже не стал. Подошёл почти вплотную к нему и, уставившись в глаза, сказал:

— Знаешь, я передумал. Не буду я больше пленного защищать. Москаля ты грохнешь здесь и сейчас. Сам ведь рассказывал, что голыми руками их давил. — Он оглянулся на заполнивших траншеи бойцов, выбравшихся посмотреть на подвернувшееся развлечение. — Мужики соврать не дадут. Все слышали, как ты хвастал, что резал их пачками. Даже медалька у тебя, говорят, за рукопашный бой имеется.

— Ты чё это затеял?.. — опешивший от такого поворота дела, проскрипел визитёр и покосился на своего сопровождающего.

— А ты на кореша-то не смотри, в этом деле он тебе не помощник, — зло засмеялся Феникс, тоже глянул на него, и сквозь зубы процедил:

— Или, может, всё же рискнёт?..

Тот, ни слова не говоря, молча поднял перед собой руки раскрытыми ладонями наружу, ясно давая понять, чтобы они разбирались между собой сами. После чего отошёл поближе к траншее, из которой уже раздавались насмешливые выкрики, густо перемежающиеся похабными пожеланиями. И что самое невероятное, пожелания эти меня никак не касались.

Я усмехнулся: боялись они Феникса! Ой, боялись!.. Знали, кто он такой и на что способен. По крайней мере, эти двое точно знали. Вон как мордами «поплыли».

— Только не говори, что очканул, — подначил толстого Феникс, — мачете у тебя, смотрю, страшный, Рэмбо от зависти бы удавился. Москаль, гляди, мелкий, в два раза меньше тебя, да и контуженый к тому же. Чего боишься? Брехал, что ли, раньше? Али трусоват? Не хватает, небось, смелости, крошку врагам пускать.

— Не брехал!.. И не боюсь я ничего! — прошипел тот, вытащил из ножен, закреплённых на бедре, здоровенный нож, и направился ко мне.

— Ну-ну-ну!.. Не так быстро, — осадил его Виталья, перехватив за руку, — ты же их резал не обезоруженных, дадим ему шанс. — И он бросил мне ножны с торчащей из них чёрной рукояткой.

Я поймал ножны, встал и вытащил клинок. Отлично!.. «Катран». Сухопутный вариант. Лучше и не придумаешь. Привычно перехватил нож обратным хватом и пошёл навстречу противнику.

Не знаю, что было на уме у Феникса и зачем ему этот шапито понадобился, но увидев, как толстый держит свой нож, я понял — убить этого человека не смогу. Как говорится, солдат — ребёнок... Есть, правда, ещё момент — неизвестно как себя оставшиеся вояки поведут, если я их сослуживца заваляю, оружие у всех есть, а я, как ни крути, враг, так что, лучше не рисковать.

Кинжал мне противостоял знатный — лезвие широкое, сантиметров тридцать длиной, возле рукоятки насечки такие, что можно бревно перепилить. Вдоль лезвия идёт жёлоб, называемый почему-то кровостоком. Для остротки, наверное. На самом же деле это обычный дол, в некоторых случаях придающий лезвию жёсткость. В нашем случае жёсткости этой рессоре не требовалось.

Толстый держал нож перед собой в вытянутой правой руке и, размахивая им, приговаривал:

— Ну, давай, давай, подойди, я твои кишки по всему лесу размотаю!

Странный он какой-то. Сам хочет мои потроха по лесу размотать, я же ещё и подходить к нему должен. Поспоспособствовать, так сказать. Зашибись!

Я вздохнул и покосился на Виталию. Рожа у него довольная донельзя. Он даже и скрыть-то этого не пытался. Стоял, скрестив руки на груди, и улыбался, глядя, как скачет передо мной толстый идиот.

Конечно, произойди это в каком-нибудь баре, он бы страху на истеричных девчонок нагнал, без вариантов. Если бы раньше сам себя случайно не зарезал. С холодным оружием так вульгарно обращаться нельзя, не любит оно этого.

Покачав головой, я аккуратно положил нож на траву и шагнул прямо на мельтешившее передо мной лезвие. Непонятное поведение противника сбивает с толку не только таких профанов, как этот. Толстый явно обрадовался и, совсем уже несуразно замахнувшись кинжалом, бросился в атаку.

Я легко уклонился от размашистого удара клинка, перехватил руку и, не заморачиваясь освобождением противника от оружия, со всего маху приложился ему берцем по причинному месту. Вот и всё, теперь сам нож выпустит. Без надобности он уже ему.

Так и оказалось. Толстый сипло выдохнул, выронил кинжал, упал на колени и протяжно завыл, уткнувшись лицом в траву.

— Хорошо получилось! Заставил ты его почувствовать себя мужиком, — оскалился в усмешке Феникс и, глянув в сторону начавших расходиться бойцов, добавил:

— Честно говоря, я думал, что ты ему хоть задницу попортишь, что ли. Ей богу, только бы порадовался.

— Извини, искушение, конечно, велико, но поганить боевой нож...

— И то правда, — кивнул Виталия и опять уселся на ящик возле дерева, время от времени бросая внимательные взгляды на моего противника. Тот, продолжая подвывать, с помощью своего напарника неуклюже ковылял в сторону траншеи.

— Интересная у него кликуха, — сказал я. — С чем связана?

— С его большим задом, — засмеялся Феникс. — Сам видел его седалище, потому и БЗ, Большой Зад! Наш главный идеолог, в общем, мразь редкостная...

— Ты меня им не отдал. Что дальше собираешься делать? Они это так не оставят, сам знаешь.

— Знаю, до завтра всё равно никто больше не заявится, далековато. Этот визит — исключение.

— Не будет у вас времени до завтра, — вздохнул я и тоже сел на свой ящик. — Уходить тебе надо до вечера. Забирай свою учёную братию и уходи...

— Что, «Буратины» подтянутся?

— Хуже, «Солнцепёки».

— А-а-а!.. Хрен редьки не слаще, тоже мне секрет выдал. И так ясно, что этим всё закончится! — отмахнулся он. — Что-нибудь придумаем. — И опять подперев спиной дерево, закрыл глаза.

Но тут же встрепенулся:

— А ты чего меня с собой не зовёшь?

— Не пойдёшь ты. Потому и не зову. Они, Виталя, тебе все пути отступления обрезали, нет у тебя выбора.

— Это точно, обрезали, — задумчиво покивал он. А потом вдруг улыбнулся:

— Но ты, Саня, не переживай, будет у меня ещё полёт впереди. Видит Бог, будет!.. А ты, брат, иди, пора уже. Иди и не думай обо мне плохо...

— Я и не думаю...

Друга я похоронил на той же полянке. Он так и лежал на ней. Один лежал. Никого больше обнаружить не удалось. Вывел людей из-под удара, а сам вернулся... Вернулся, чтобы совершить свой последний полёт.

Когда придёт время, я тоже вернусь сюда, чего бы мне это ни стоило. Я знаю это место и найду его, даже если здесь останется только чистое поле.

Вернусь и поставлю гранитную плиту. И будет на ней написано: «Вечного тебе полёта, Феникс».

г. Сосновоборск Красноярского края

МЕДАЛЬ АЛЕКСАНДРА III

РАССКАЗ

...— Ах, какая была весна в 1894 году! Казалось, что второй такой никогда не было и никогда не будет. Цесаревич подарил ей её любимые нарциссы. Они были ослепительно белыми с солнечной желтой сердцевинкой, солнечной, как ее настроение в этот апрельский день.

Она была влюблена. Влюблена впервые в жизни — до головокружения, до безоблачно детской улыбки, не желавшей сползать с ее божественно прекрасного молодого личика...

Мы сидели с Александром второй час в Кафе де Флор на бульваре Сен-Жермен, знаменитом еще с XIX века литературном кафе Парижа, а он всё рассказывал историю любви молодого Николая Второго и юной балерины Матильды Кшесинской, рождения ее внебрачной дочери, бегству из охваченной пламенем революции России...

За пару дней до этого невероятного свидания в Париже дома в Москве я смотрела в окно на парк и церковь позади него, как вдруг неожиданно пошел мелкий, робкий апрельский снег. Какое чудо — завтра я лечу в Париж в качестве

ПРОЗА

переводчицы на дипломатических переговорах! Как и этот московский невероятный апрельский снег... Да, тот год был нелегким. Московская интеллигенция голодала и мечтала о любой работе. Страну развалили, и вместе с ней развалилась обыденная и спокойная жизнь. Толпы голодных переводчиков, литераторов и журналистов скитались по редакциям и офисам в поисках работы. Везло немногим. Мне, одной из лучших в Москве переводчиц-синхронисток, повезло — командировка в Париж была подписана! Это было божественное, невероятное чудо, за которое я благодарила мой талисман — царскую медаль Александра III...

На моей ладони лежала медаль, и, казалось, что рука светится. Нет, это просто луч солнца, пробившись сквозь мелкий снежок и тюль на окне, попал на этот божественный кусочек чистейшего серебра царской чеканки. Я не могла и представить, куда приведет меня эта частица моего детства. Правильно она называлась «Медаль памяти Александра III», была учреждена в 1896 году и выдавалась офицерам, а также духовным лицам, служившим при императоре.

Когда мне исполнилось 5 лет, отец решил показать мне награды моего деда, среди которых был самый весомый — Орден Кавалера Красного Знамени, а потом сказал:

— А вот это тебе от прадеда. — И дал мне медаль с изображением Императора. Александр Третий был строг и красив, окладистая борода, благородный профиль. Я рассматривала медаль с любопытством ребенка. На ее обороте было две цифры — 1881 год, над которым была изображена корона, и 1894 год, под которым был отчеканен крест.

— Александр Третий взошел на русский престол в 1881 году, — пояснил отец. Смысл второй даты был ясен. В 1894 году государь умер.

Позже я узнала историю нашего рода, в котором все мужчины были офицерами и много веков служили России. Один из них в рядах русской армии сражался с турками, защищая Болгарию.

— Теперь это твой амулет. Береги его. — Отец улыбнулся. — Впрочем, в амулеты я не верю, и всё же...

Я берегла. Медаль была с «ушком» для булавки, но ни одна цепочка в ушко не пролазила. Наконец я догадалась зацепить ушко замочком от подаренной мне на день рождения серебряной цепочки и стала вешать медаль то себе на шею, то любимому плюшевому мишке со словами:

— Это вам, господин полковник, за верную службу!

Я повзрослела, и медаль хранилась у меня в шкатулке с драгоценностями, а к девяностым годам всё чаще стала напоминать о себе. Медаль снилась мне, причем всегда вместе с ней снились Париж и русское кладбище в предместье Сент-Женевьев-де-Буа. Мой амулет звал меня в город, увидев который, как говорили, можно было и умереть. Я хотела узнать поближе то, что связано с потомками русской эмиграции, наиболее известные из которых покоились на том кладбище.

К этому времени я знала историю своего рода. Мой прадед, офицер царской армии, получил медаль в 1896 году за верную службу при Александре III. Прадеда наградил сам Николай Второй, и мой предок отчеканил:

— Служу Царю и Отечеству!

Пришел XX век, век войн и революций, грянула Первая мировая, а за ней Гражданская. О том, что царские офицеры переходили на сторону революции, я читала, но самое яркое впечатление, которое помогло понять мне происходившее в их душе, оставил роман Алексея Толстого «Хождение по мукам». Верный России и понявший, что народ не с дворянством, не без душевной боли как «военспец» перешел к красным и мой прадед.

Я помню наш разговор с отцом, полковником советской армии.

— Как же так, царский офицер перешёл на сторону красных?

— Нет, не совсем так. Ближе к концу Гражданской войны некоторые офицеры поняли, что народ страдает, осознали всю случившуюся трагедию, что трагедия эта может смести и саму Россию. Что белочехи и Антанта с удовольствием при случае оккупируют великую Россию. Для царских офицеров выбор был труден и не прост. Выбор между эмиграцией и служением России пусть даже при неприемлемой власти. Служение ей в любую лихую годину, служение в надежде, что Россия залечит свои раны и выживет. И жизнь офицера принадлежит ей и только ей.

Я долго думала над этими словами и спустя годы всё еще пыталась понять их. Пока не познакомилась с судьбой и верой в Россию Антона Ивановича Деникина. Во время Второй мировой войны блестящий царский генерал Деникин переживал в первое время войны поражения Красной Армии от войск третьего рейха и радовался в дальнейшем ее победам, отказавшись помогать Гитлеру. Но советскую власть не принимал. Свою же позицию он объяснял верностью России. Эта его позиция глубоко проникла и в мое сердце.

Рожденный в начале XX века, сын моего прадеда (мой дед), получил блестящее образование и воспитание, став советским дипломатом. В 1930 году деда назначили сотрудником советского консульства в польский город Краков. В связи с новым назначением прадед подарил ему самое дорогое, что у него было — медаль Александра III. Но никто из родни и не догадывался, что красавец, блестяще воспитанный, великолепно образованный, только что назначенный в Краковское консульство в Польшу, был советским разведчиком. Его супруга тоже была разведчицей, красавица Раиса Матыченко, украинка с Полтавы, похожая на актрису Ларису Лужину, она прекрасно стреляла, скакала на лошади и знала шесть языков в совершенстве — четыре европейских, а также арабский и турецкий.

Мой отец, родившийся в 1932 году, в детстве жил в Кракове, в консульстве, ходил один год в польскую школу и знал не только русский язык, но и украинский, и польский.

1 сентября 1939 года началась Вторая мировая война, немцы вошли в Польшу, шла срочная эвакуация сотрудников консульства на родину. Отправив буквально в последний день поездом жену и сына в Союз, дед возглавил операцию по спасению дипломатического секретного архива. Везти его открыто было опасно — не только дипломатические бумаги были в нем, но и секретные материалы разведки. Понимая, что за архивом охотятся немцы, его группа шла лесами, нарываясь то на поляков, то на немцев, но стараясь избегать конфликтов, не приближаясь к селам, и вышла на территорию СССР, сохранив архив. А что же медаль? К счастью, дед взял ее с собой в Польшу. В СССР свирепствовали репрессии, и благородный сын царского офицера легко мог попасть под их каток. Если бы нашли императорскую медаль, расстрел был бы неминуем! Но в Польшу его не трогали.

Затем была война, страшная, кровавая, на память о которой у деда остались ордена и медали, включая Орден Красного Знамени и осколок под сердцем. Медаль Александра III хранила его и однажды спасла ему жизнь — царапнув по металлу, пуля прошла мимо сердца, и застряла где-то рядом. После войны дед подарил ее моему отцу.

— Ты понимаешь, сын, я — советский офицер, мне не положено. Но это награда заслуженная, храни ее от посторонних глаз.

Так мой отец впервые узнал, что мой дед — не только дипломат, но и офицер. Про работу деда в советской разведке отец узнал много позже. В 1946 году медаль уже не могла спасти деда, передавшего ее по наследству сыну. В гололед он

поскользнулся, и осколок тронулся, разорвав артерию. Я не застала деда живым, родившись позже. Но и отец знал о работе деда далеко не всё, секретность в те годы была очень строгой — все тайны хранили долгие годы от близких.

От отца медаль попала ко мне. И стала моим родовым талисманом. А к 90-м годам стала сниться самым мистическим образом.

Моя судьба вела меня во Францию.

Весенним утром 1994 года я летела на такси в Шереметьево, и апрельский снег провожал меня, словно Родина махала мне вслед...

— Через пятнадцать минут наш самолёт совершит посадку в аэропорту Орли. Температура в Париже плюс двадцать пять, — проворковала стюардесса, а я всё еще не верила своему счастью.

Такси несло меня в Париж и казалось мне продолжением лайнера, а сама поездка — сказочным полетом. Меня ждал номер в прекрасном отеле, а в его ресторанчике — круассан и чашечка горячего шоколада. До переговоров было целых два свободных дня, и я отправилась в предместье Сен-Женевьев-де-Буа.

Блуждая среди могил, я была потрясена — здесь покоился целый континент — вторая Россия, такая же русская плоть от плоти...

Писатели, артисты, художники, полководцы. Я знала их заочно. Со мной говорили своими книгами Иван Бунин и Тэффи, мне показывал «Сталкера» и «Андрея Рублева» Андрей Тарковский, читала стихи Зинаида Гиппиус. Сквозь могильную толщу пел Александр Галич. Здесь покоились офицеры генерала Кутепова, донские казаки и дроздовцы.

Кто прав, кто виноват, история рассудит, хотя рассуждает история целый век и не может прийти к выводу. Как же случилось, что великая России погрузилась в братоубийственную Гражданскую войну, кто ее подтолкнул к этому, и каким чудом она, как Божья жар-птица, возродилась, несмотря на все войны и революции? И снова попала в жернова в предательской Беловежской пуще...

Мне хотелось спросить о многом уснувших здесь моих братьев и сестер, и, кажется, я слышала их голоса. Никто из них не забыл России, это было главное, что голоса твердили мне сквозь толщу чужой земли.

Я едва сдерживала слёзы...

Как много вас, родные, какие вы разные, офицеры и писатели, актеры и танцоры...

Для меня сквозь могильную толщу миражами танцевали Рудольф Нуреев и великая балерина, большая любовь Николая Второго Матильда Кшесинская. Именно ее могила привлекла меня больше других. Около нее собралась группа туристов. У гида что-то блеснуло на груди. Заметив меня, он улыбку и пригласил присоединиться.

Я улыбку в ответ, но не смогла вымолвить ни слова — на его груди на золотой цепочке гордо сияла медаль Александра III! Золотая. Я молча вынула из-под блузки такую же — серебряную. Он ее заметил. Сказать, что он был взволнован — ничего не сказать.

— Не уходите, пожалуйста, после экскурсии мы должны поговорить!

Я не заметила, как пролетело время. Группа наконец села в автобус, и мы с Александром, так звали гида, остались наедине.

— Вы сейчас слушали историю многих русских, но главное — историю Марии-Матильды Кшесинской. Вы не устали? Имею ли я шанс пригласить вас еще на одну экскурсию сегодня — на прогулку по вечернему Парижу?

Стоит ли говорить, что шанс он имел! Я упивалась Парижем и новыми ощущениями, ведь со мной говорила и прежняя Россия, и прекрасная Франция.

Ах, какая весна была в Париже в 1994 году! Кругом на подоконниках, газонах и балконах пестрели цветы. Вечер был теплым. «Красная Мельница» Мулен Руж на бульваре Клиши приветствовала нас взмахами своих крыльев, район «Красных фонарей» Пигаль вызывал пьянящее чувство опасности.

— Но я же с вами, — успокоил меня гид, заметив мое волнение. — Да и все эти страшные истории — им больше века, давно это было...

Да, у Франции — своя история, но я думала о другой России, той, что волной революции вынесла сюда поток не самых рядовых и не самых худших своих сынов и дочерей...

Нежные весенние сумерки опустились на цветущий всеми красками город влюбленных, романтический Париж, а моя душа пела о былой России. Между тем, Александр всё расспрашивал меня об истории моего рода и амулета. Я рассказывала то, что знаю...

— Завтра нас ждет Montmartre, полный загадок, обед в кафе на Эйфелевой башне и одно литературное кафе, но главное — моя тайна... Моя бабушка обещала духовнику не раскрывать ее пятьдесят лет. Но время пришло. Вы будете первой слушательницей. Впрочем, вы рассказали, что пи-

жете книги, и я попрошу вас до 2024 года, когда исполнится сто лет со дня одного расставания, не публиковать эту историю, а дальше — на ваше усмотрение...

Следующим утром мы встретились, и я наконец услышала то, что могло бы составить сенсацию в мире историков, да и не только в нем. Впрочем, как знать, может быть, это была просто красивая легенда, не более...

Ах, какая весна была в 1894 году! Матильда была влюблена впервые в жизни, до головокружения, до безоблачно детской улыбки, не желавшей сползать с ее прекрасного молодого личика. Ей было только 22 года, вся жизнь была впереди. Но главное, вот уже четыре года, как она была влюблена в цесаревича, и он отвечал ей взаимностью. Ее Ники, будущий император Николай Второй. Не догадывавшийся, что она ждала от него ребенка и была этим счастлива. Сообщать Ники эту новость Матильда не торопилась. Но Николай, самый красивый из всех Романовых, ее любовник, смысл жизни, ее Бог, опередил ее.

— Люблю, люблю, люблю... — Он подхватил ее на руки и закружил в беззвучном вальсе. Она хотела тут же признаться ему, что ждет наследника, но какая-то боль уколола где-то под сердцем и не хотела уходить. Она не царского рода! Между ними невозможно ничего, кроме безграничной любви.

Опустив ее в кресло, Николай склонил виновато голову и положил ее балерине на колени.

— Я буду любить тебя всегда, как бы ни сложилась судьба.

— И я... — выдохнула Матильда, испугавшись его тона.

И словно заставляя себя произносить эти нелепые слова, он с трудом прошептал:

— Я помолвлен.

Тишина в зале стала звенящей. Матильда молчала.

— Я не волен распоряжаться своей судьбой. Отец плох, меня торопят с браком. Наследники престола не выбирают жен... Его прекрасное лицо словно потускнело. Но тут же озарилось едва заметной, свойственной только ему улыбкой.

— Душой я буду всегда с тобой. И кто знает, может быть, и не так хорошо быть моей женой...

Хотя Александру III в качестве невесты для сына больше нравилась французская принцесса Елена Орлеанская, в апреле 1894 года было объявлено о помолвке цесаревича Николая с принцессой Алисой Гессенской, в православии ставшей Александрой Федоровной. Алекс была тоже очень красивой...

Да, подумала балерина, с 1890 года, когда она окончила Императорское училище по классу балета и блестяще сдала выпускные экзамены, на которых присутствовала царская семья, прошло четыре года. Целая вечность. Никто в России не делал в фуэте 32 оборота. Никто кроме нее. Да, она не царского рода. Ее отец, танцор, красавец-поляк Феликс Кшесинский покинул Польшу, чтобы быть поближе к столичному бомонду Царской империи. Гордая полячка, любимая женщина сразу трех Великих князей из рода Романовых, один из которых впоследствии стал Императором, была дочерью артиста...

Мы сидели с Александром второй час в Кафе де Флор, а он все рассказывал историю любви молодого Николая Второго и юной балерины. Мы пили недорогое Божоле-Вилляж, но рассказ моего визави, как и он сам, пьянили меня больше.

— Что же было дальше? Я нигде не читала про дочь Матильды, у неё ведь был сын Владимир, рожденный в 1902 году от Великого Князя Сергея Михайловича.

— Верно. В 1918 году Сергей был расстрелян в Алапавске. Матильда, лишившись после февраля 1917 года имения, отправилась в Кисловодск к любовнику, Великому Князю Андрею Владимировичу, а затем вместе с сыном эмигрировала во Францию. Уже здесь, во Франции, в 1921 году, 48-летняя Матильда вышла за Андрея Владимировича замуж, в 1926 году приняла православие с именем Мария и получила титул княгини Красинской. В 1935 году она получила титул светлейшей княгини Романовской-Красинской. А тогда юная балерина, чтобы скрыть свою беременность, отправилась в имение «Фаворито» Сигизмунда Куна под Санкт-Петербургом, где и родила дочь Фелицию. Девочку решили отдать подруге Матильды, Стефании Ямпольской, польке из обедневшего дворянского рода.

— Матильда больше не видела девочку?

— Видела два раза. В 1896 году ей пришло письмо от Николая Второго и с ним — золотая Медаль памяти Александра III. В письме были документы на медаль и ни строчки от самого Николая. Матильда была в ярости. Навестив дочь, она отдала медаль ребенку со словами:

— Это тебе от отца!

Второй раз Матильда нашла дочь уже в Париже. И рассказала ей тайну ее происхождения с клятвой хранить ее не менее полувека.

Через неделю я улетила в Москву. Париж, строгий красавец и изысканность его манер — всё это не для слабой, романтической души. Моя душа была ранена стрелами Амура.

Спустя двадцать лет, в 2014 году, почти позабыв невероятное приключение, я смотрела новости. В Париже шли митинги.

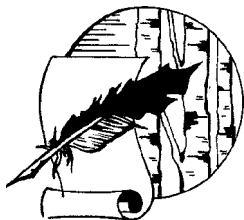
На одном из них на площади Республики я увидела Александра. Он стоял под русским имперским знаменем, гордый и прекрасный. Я поняла, кого он мне напоминал. Он был удивительно похож на Николая Второго... Неужели Александр — правнук Николая Второго, так похожий на своего прадеда?..

Впрочем, заканчивая свой рассказ в кафе, он обмолвился:
— Возможно, всё это — красивая легенда, придуманная бабушкой...

Я до сих пор теряюсь в догадках: что же это было — реальная история или и впрямь романтическая легенда, коих было немало в кругу бежавших во Францию русских дворян?

Телекамера показала крупным планом странного француза, стоявшего под русским знаменем. На его шее была цепочка с золотой медалью Александра III.

г. Москва

Татьяна ГРИБАНОВА

...И ЗА ТЕБЯ МОЛЮСЬ

* * *

Вернутся из странствий — а как же?! — на родину птицы,
не стерпит, по венам дерев хлынет паводком сок.
Затеpliшь лампадку в углу пред старинной божницей
и Пост одолеешь — рядом за седмицей седмицу,
Звездой Вифлеемской в свой срок озарится восток.

А там и, глядишь, океаном заплещется зелень,
и май переполнится негою — только дивись!
И солнце завьёт Божий мир золотой повитью.
Почуешь: пора воскресать самому во спасенье —
так манит и верит в тебя нескончаемо жизнь!

Приникнешь опять к ней, бурлящей, и зреньем, и слухом.
И примешь со всей неминуею данностью гроз.
Так прадед, бывало, скрепляясь и сердцем, и духом,
сквозь малую радость, а чаще — напасти, прорухи,
с великим терпеньем судьбу свою брнную нёс.

* * *

Краснотал по-над речкою тощий...
Хуторок.
Вроде, был он... и нет...
А по краю оснеженной рощи —
санный путь.
Иль судьбы моей след?..

Этот ситцевый, в ёлочку, ветер
да щеглы на бурьянной меже.
Разве сыщешь «жалчее» на свете? —
С малых лет прикипели к душе.

Только время устало от бега,
перепутало с явью мечты,
и опять *«идут белые снега»*,
душ отцветших роняя цветы.
Лишь остывшее белое поле,
лишь голбец у сквозных росстаней.
Это — родина —
глушь да безмолвье...
Но попробуй не помнить о ней...

* * *

Расстелить полушалоков на свежий покос —
врассыпную оравой цикады, —
и смотреть, как плывет над сапфирами рос
беспредельная вечность заката.

Ночь падёт, и, собою пронзив тыщи лет,
поглощая попутные звёзды,
вдруг пролётится вселенский безудержный свет
на луга, на погост, на берёзы.

И накроет округу тишайшая тишь,
растечётся по мне внутривенно.
И сусаль запылит на покатоности крыш,
проникая в жилища сквозь стены.

И уже к петухам, как бы вдруг ни с чего,
когда, вовсе не станет терпенья,
с колокольни вскрылит перезвон над селом,
благовествуя о Вознесенье.

* * *

Вновь апрель шепечливой,
живородный,
заливисто-солнечный
расплескал от души,
словно лужи,
по рошам пролески.

Снова груди берёз
переполнились млечными соками,
не стерпела река
и айда
по лугам куролесить.

Штапель неба прошит
журавлиными тонкими строчками,
хоть и резок, и крут
в эту пору в краях наших ветер.
Да и что-то творится
волшебное
с вербными почками —
видно, снов насмотрелись
за долгую зиму о лете.

Может, следом за снежицей
кануло в речку всё лучшее?..
Может, вовсе не сбыться, Весна,
и мечтам сокровенным?..
А она мне в ответ:
«К птичьим радостным песням
прислушайся —
и в тебя хлынет счастье
рекой
по застуженным венам».

* * *

Не заманить ни шекеlem, ни евро...
По горло замотавшись кутерьмой,
душа щемит: на родину, домой!
Там под крестом — отец родимый мой,
а слева — мама под плакучей вербой.
Порою, смяв к заре забудь-траву,
они ко мне являются живыми,
и, позабыв от счастья своё имя,
речами задушевыми, простыми,
я с ними говорю, как наяву.
Вот нынче толковали, не спеша,
о том, что май, и надо б ладить грядки;
что рядом с ними, стройно, по порядку —
война на молодость не делает оглядки —
два парня нашенских лежат.

О том, что до сих пор Донбасс в огне,
что Брянск и Белгород бинтуют раны,
но «бегуны» уже пакуют чемоданы —
в России им и дождь — не дождь, а манна.

Сиренью май всю кипит в окне.

* * *

Душа ль надломилась?..
Погода ль?..
Тревогою кровь холодит.
Не помня ни Бога, ни брода,
свои ль мы избрали пути?..
Туман всевселенский да морок.
И нечисти — реки пруди.
Исконный российский просёлок
о нас, заплутавших, скорбит.

И слышится мне, как ночами
колонны проходят на юг,
раздавленный вдрызг тягачами
смердит приобоченный дух.
Там Суджа войною распята!
Там, дерзко границы поправ,
поднялся с мечом брат на брата,
на помощь поганых призвав.

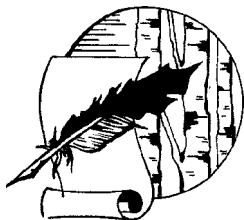
Продрогла душа не случайно —
так тошен домашний уют!
Как-будто согласным молчаньем
её навсегда предаю.

* * *

Люблю тебя
в апрельском сарафане,
В венке из летних трав —
не насмотрюсь.
Как хороша ты
в кружевном тумане
среди осени
на зорьке хладно-ранней!

Зимою ты —
сама царица, Русь!
С заступников твоих
писать иконы впору —
вот снова души
над Донбассом вознеслись...
Судьба земель твоих —
предмет извечных споров.
Путь русский, он тернист,
но до пылинки дорог —
и крест в нём тяжкий наш,
и Божьей доли смысл.
И все потери,
и падения, и беды,
как исстари велось,
оплакать не стыжусь.
С тобою вместе
праздную победы,
всю жизнь храню
для внуков дедовы заветы
и за тебя молюсь,
ЕДИНСТВЕННАЯ РУСЬ!

г. Орёл

Нина ВОЛЧЕНКОВА

ПОД СОЛНЦЕМ СПЕЛЫМ

22 ИЮНЯ

Есть в нашей жизни имена и даты,
Которые забыться не дают.
За гранью лет покоятся солдаты,
Родные по заслугам воздают.
Хранятся пожелтевшие страницы,
На фотоснимках — молодость и стать.
Нам не забыть людей любимых лица,
Мы память будем светлую листать.
Мы на земле, они уже на небе,
Но связь времён даёт святую мощь,
Чтобы забота о насущном хлебе
Была не в силах духа превозмочь.

ДОРОГА

Ты приведи меня, дорога,
На край любимого села,
Где не судили люди строго
И где я счастлива была.

Вбирала то, что на картине,
Запоминала каждый штрих.
Пейзажа нет уже в помине,
Но как же дорог сердцу миг.

Нет, мне угадывать не надо:
Тот свет родного очага

Хранят июльская прохлада
И детства синие снега.

И вьётся локоном дорога,
Вплетая золото полей,
Древесный запах от порога —
На свете нет его милей.

Глаза закрою, вижу снова
Всю жизнь прошедшую свою,
Нет ничего сердечней зова —
Я на земле отцов стою.

ИЗ ДЕТСТВА

Среди зимы мне вспомнился покос:
Я под берёзой на траве примятой
Сижу. Мне пять. Вдыхаю запах мяты,
Который слит с мотивом острых кос.

Июль в разгаре, за рекой зарницы
Далёких гроз. Раскатов не слышать.
Из тёплой кринки наливает мать
Мне молока парного. Нет, не снится!

Как быстро долу никнет росный строй!
Ряды зелёной сочной косовицы
Подобны косам душеньки-девицы,
От них бы каждый потерял покой!

Работа справлена, сидят на косогоре
Платки и кепки. Света благодать
В весёлых шутках. Края не видать
На скошенном предутреннем просторе!

Роса ушла. От солнца разомлела
Трава в рядах. И грабли в ход пошли.
Плетением покрова для земли
Селянка молодая овладела.

Да, праздник косовицы для души,
Для исполнения собственного долга!
Пусть будет память широка, как Волга,
И льётся солнце в праздничной тиши!

ПОЛОВИКИ

Окошко. Стол. Половики.
Н. Рубцов

Сколько в мире совпадений!
Только слово зазвенит,
И каскад былых мгновений
Память сердца оживит.

Вымыт пол, и пахнут доски.
Невозможно оторвать
Взгляда, где лежат полосы,
Что ткала когда-то мать.

Домотканые дорожки
Отражают неба цвет.
Солнце яркое в окошках,
Васильков большой букет.

Запах лета, запах детства
И природы естество
Не сулило нам соседства —
Было кровное родство.

Пряли, ткали, обсуждали
Все события села.
Мы не ведали печали:
Наша жизнь была светла.

Всё куда-то исчезает,
Реки времени текут.
Совесть жить нам помогает
Помнить всё, пока мы тут.

МАМА

Заскучала мама — грусти не унять.
Мне б тебя, сыночек, раз ещё обнять,
Посмотреть на руки сильные твои,
Время на исходе, я считаю дни.
Только ты не едешь — недосуг, видать,
Время не безмерно, трудно коротать

Дни свои и ночи без тебя, родной.
Что же ты не едешь? Долог путь домой!
В детство не вернёшься и не вспомнишь мать...
Сколько раз пришлось мне от беды спасать,
От напасти лютой. Падала я в снег,
Поднималась, зная: там мой человек
Без меня, без света, без надежд на жизнь,
Слёз не вытирая, плакала: держись!
Я с тобою рядом, я с тобой всегда...
Видно, позабылось. Как в реке вода...
Тихая молитва: пусть Господь хранит!
Надо мною скоро камень ли, гранит...
Тяжести не надо — деревянный крест!
Сосны вековые там шумят окрест.
Не приедешь, что же, свечку запалю,
Я тебя, сыночек, весь свой век люблю.

ДОРОГА К ХРАМУ

Средь снежного поля дорога легла,
Я еду в ночи — беспросветная мгла.
Я еду домой, где в камине огонь
Мне дарит уют, но поленья лишь тронь,
Рассыплется яркими брызгами свет...
Мне стало тепло, но виденья уж нет.

Средь белого поля церквушка, как знак,
Как символ надежды, духовный маяк...
Покрыта вся снегом. Добраться б туда,
Где пламя свечи, где святая вода,
Где тихо, покойно, где счастье без бед.
Мне стало тепло, но виденья уж нет.

Спаси нас, о Господи! Всех сохрани.
Мы белому снежному полю сродни:
Смиренные с виду. Но только нас тронь,
Зажжётся в глазах непонятный огонь.
У каждого к Храму свой жизненный путь
На всё помогает иначе взглянуть.

Идём, и не меркнет ликующий свет.
Чисты мы душою, и горечи нет.

ВАСИЛЬКИ

Давай пойдём с тобой за васильками
Во поле за околицей, где рожь?!
Там синевы не описать словами:
То ль васильки, то ль небо, не поймёшь.

Сплетём венки на добрую дорогу,
Чтоб любоваться ими всякий час.
Посланцы неба, ангелы у Бога,
Не оторвать от них счастливых глаз.

А колоски как будто в храме свечи,
Хлеба — на неоглядности полей.
Июльская пора нам душу лечит,
Окутывая нежностью своей.

* * *

Какое это счастье — жить
Под солнцем спелым,
И росною травкою быть,
И снегом белым,
Рябинной кистью
 полыхать,
Листом кружиться,
Как ветер,
 жалобно вздыхать,
Но не изжиться.

Какое это благо — петь
О белом свете,
И сделать многое успеть,
И на рассвете
Своей улыбкой одарить
Мир благодатный,
И Жизнь за жизнь
Благодарить
Строкой печатной.

г. Брянск

ПРАВО НА СУЩЕСТВОВАНИЕ

1

Длительное отрицание за русскими права на русоцентричное государство при одновременном молчаливом признании за рядом нацменьшинств аналогичного права в рамках их национальных республик уже привело к дерусификации целых регионов.

Всякой исторической эпохе присущ свой “стержневой” вопрос, от которого ни уклониться, ни увильнуть. Страстность и эмоциональный накал в обсуждении — верный признак его значимости и остроты, а цена ошибки при разрешении — историческая катастрофа.

Во внутренней политике ушедший 2024 год ознаменовался выходом “русской темы” на первый план, частичной (хотя и не полной пока ещё) реабилитацией национального дискурса, выраженной тенденцией к его демаргинализации. Государство, поставленное усиливающимся давлением внешних врагов и кровавыми атаками русоедов-радикалов в тылу (“Крокус”, Махачкала, Дербент) перед тяжёлой реальностью, как будто затеяло (вымученно и нехотя, под давлением обстоятельств и через силу),

РУССКИЙ ВОПРОС

но разворот лицом к государствообразующему русскому народу — главной, опорной статьей конструкции РФ. К публичному признанию необходимости его адресной защиты, к совершению первых, пока ещё непоследовательных и робких шагов по поддержке национального большинства.

Разумеется, меры эти бесконечно запоздали и всё равно недостаточны. Очень многое упущено, что-то в качестве частей национального поля (например, исторически русские территории в государствах ближнего зарубежья и в ряде национальных республик внутри РФ) утрачено навсегда. Но важное всегда лучше видится на расстоянии. Вспомним, что не столь уж давно, при раннем Путине, даже сегодняшняя осторожная русофилия со стороны некоторых высоких должностных лиц государства была абсолютно немыслима, зато годами свирепствовали полицейско-пропагандистские кампании по борьбе с “русским фашизмом”. В сравнении с картинами недавнего прошлого и сегодняшние шаги навстречу русским — несомненный прогресс. Кое-что действительно делается: введение в новую редакцию Стратегии противодействия экстремизму русофобии как фундаментальной угрозы РФ, принципиальная позиция главы Следственного комитета Бастрыкина в отношении этнических ОПГ, низовая гражданская активность русских общин, очевидным образом невозможная без содействия определённых сил в недрах государственного аппарата, заявления патриарха, всегда и при любых обстоятельствах лояльного правительственному курсу...

Да, сама жизнь диктует высшей власти необходимость поддерживать русский народ, всегда, во все эпохи и времена служивший главной “скрепой” России. Но так ли гладко разворачивается обозначившийся процесс?

Изменение общественного климата отлично чувствуют и идейные противники обрусения РФ. Сдаваться, как свидетельствуют их действия, они не намерены. Суть исторического момента диктует необходимость всякому политическому или общественному деятелю занять ясную позицию по русскому вопросу. Это лучше чем что-либо способствует срыванию масок. Общество получает возможность рассмотреть вблизи, что же в действительности представляют собой все эти сладкоречивые проповедники многонациональности и евразийства, какие в действительности чувства они питают к последовательным защитникам русского народа, какую участь мечтают им определить. Исходящие от депутатов Фёдорова и Матвейчева призывы к массовым физическим расправам сродни кроваваждным воплям либеральных идеоло-

гов в 1993 году. И этот факт лишь подчёркивает судьбоносность исторического отрезка. Тридцать с лишним лет назад на пути прозападных приватизаторов-компрадоров живым щитом стояли “красно-коричневые”. Сегодня на пути дерусификаторов-псевдогосударственников — русские национал-патриоты.

Очевидно, что принцип многонациональности, возведённый командой ельцинских реформаторов в ранг базового для внутреннего устройства РФ, подвёл страну к опасной черте. Продолжающееся на протяжении трёх десятилетий разрыхление и подавление русского ядра привело к возникновению фундаментальных угроз будущему России, которые не могут быть устранены без изменения самих подходов к разрешению национального вопроса.

Длительное отрицание за русскими (абсолютным национальным большинством РФ) права на русоцентричное государство при одновременном молчаливом признании за рядом наименьшинств аналогичного права в рамках их национальных республик уже привело к дерусификации целых регионов и их культурному и ментальному отчуждению от страны (Ингушетия, Дагестан, Чечня).

Сокращение удельного веса русских в большинстве остальных национальных образований (эта тенденция прослеживается почти повсеместно, от Северной Осетии до Якутии и Татарстана) способно привести к синхронному развитию множества сепаратизмов в уже обозримой временной перспективе — коль скоро “многонациональное” российское государство в упор не желает видеть в исходе русских с национальных окраин проблему государственного масштаба.

Нашествие миллионов культурно чуждых мигрантов во всё ещё этнически русский центр России превращает его в объект беззащитной и хищной колонизации, в нащипывание страны иноэтническими и инокультурными анклавами, оформляющимися в своеобразные государства в государстве, не способными (как показывают печальные примеры западных стран) к интеграции даже в перспективе.

Продолжающееся вымирание русского народа ведёт к многократному усугублению вышеназванных проблем. Поборники многонациональности очень не любят рассматривать демографические процессы в национальном ключе, но факты — вещь упрямая. Статистика подтверждает, что Россия вымирает русскими.

Фрустрированность (состояние подавленности, безысходности, разочарования. — Ред.) значительной части русского народа при сохранении (а кое-где и укреплении) предпосы-

лок к национал-сепаратизму на местах, отток русских с национальных окраин, быстрое смещение этнического баланса в историческом ядре страны и её столицах не в пользу русского народа (продолжающего численно сокращаться и вымирать), наметившаяся смычка некоторых лидеров нацреспублик (Р.Кадыров) с сообществом мусульманских мигрантов прямиком ведут к формированию условий, при которых государство может оказаться разорванным при малейшем внешнем или внутреннем толчке.

Совершенно очевидно, что так дальше продолжаться не может. И не должно.

Наиболее упорные противники русского народа любят запугивать общественность угрозой бунта окраин и распада страны в случае, если пока ещё только намечающийся русский поворот совместными усилиями передовой части общества и лучших представителей государства окажется совершён до конца. Но в действительности над Россией нависает сегодня опасность совершенно иного рода — обрушения государственности вследствие надлома именно русского народа, несущего тяготы войны и подавляемого в своём собственном доме миллионными потоками вселенцев-мигрантов, криминальными этно-ОПГ, общим непреодоленным кризисом депопуляции и упадка.

Русский этнический национализм, так переполошивший деятелей вроде Фёдорова и Матвейчева, — естественная защитная реакция русского народа на этническую же агрессию против него, развёрнутую сразу по нескольким фронтам. Сочный термин “многонационалочка”, родившийся в среде русских националистов, но быстро начавший завоевывать популярность, в сути своей выражает не неприятие иных населяющих Россию народов как таковых (так пытаются истолковать его недруги русского народа), а отторжение укоренившейся в России политической практики, в рамках которой русскому народу отказано в правосубъектности, его роль в сохранении и поддержании России искусственно принижается, а его острейшие проблемы именно национального свойства до самых недавних пор демонстративно игнорировались государством.

Всякая река начинается с истока, всякий дом — с фундамента. Российское государство во все времена имело выраженное этническое ядро. Более того, с него оно и начиналось.

Столь популярное в широких (в том числе патриотических) кругах утверждение, будто наше государство изначально формировалось как многонациональное, абсолютно ложно и противоречит историческим свидетельствам. Вопреки

рассказням современных фарисеев, Московская Русь формировалась именно как русское государство. Вспомним хотя бы Ивана Калиту, вошедшего в историю собирателем не «многонациональных», а именно русских и населённых русскими земель. После монгольского погрома Русь в новой своей (московской) версии развивалась вокруг русского этнического ядра (что и предопределило её исторический успех), а её правопреемники — Российская империя и Советский Союз — на него, в первую очередь, опирались.

Русификация Российской Федерации есть исторически назревшая необходимость. Смысл её заключается не в том, чтобы упразднить национальные республики (хотя по тем из них, где титульный народ составляет явное меньшинство, вопрос поставить следует). Смысл её в том, чтобы устранить губительный дисбаланс. Национальные республики и национальные меньшинства должны составлять органичную часть государства русского народа, являться глениями того самого русского мира, базирующегося на русском ядре, но способного через культуру, практические достижения и язык вовлекать в орбиту и иные народы, комплиментарные России-Руси, способные и готовые с ней уживаться.

Космополитическая Россия — исторический оксюморон, болезненный вывих, образовавшийся в результате катастрофы 1991 года и захвата власти антинациональной кликой реформаторов. Противники русского поворота (в силу злого умысла или по дури) кратчайшим путём волокут страну к внутреннему надлому, к дезинтеграции, к распаду и смуте.

2

Любую империю создаёт народ, переживающий исторический взлёт, но русскому народу, проседающему численно и теснимому территориально даже внутри РФ, необходимо в первую очередь отстаивать право на собственное существование

Излюбленным аргументом противников разрешения русского вопроса в пользу русского народа является утверждение о многонациональном характере современной РФ. Поклонники данной концепции заявляют, что официальное придание русскому народу статуса государствообразующего (а тем более — разработка законодательства, направленного на защиту его этнической территории от волн замещающей миграции, культуры и языка от угасания, а самих этнических русских — от деградации и вымирания) немедленно оттолкнёт от Москвы множество иных коренных народов РФ, вызвав взрыв сепаратизма на национальных окраинах.

Потому-де российское государство в своём внутреннем национальном устройстве не должно менять ничего, по-прежнему принципиально отказываясь от какого-либо «выпячивания» русских внутри страны — даже если русские по факту оказываются атакуемы по национальному признаку, бесправны и территориально теснимы.

Оставим до поры вопрос моральной оценки этого манипулятивного приёма ведения полемики. Лучше отметим, что сторонники сохранения в сфере национального устройства РФ статус-кво речами и поступками подтверждают, по сути, факт своего сообщничества в деле ослабления и постепенного сведения русских на нет — вольного или невольного. Снижение удельного веса русского народа внутри РФ как и продолжающуюся ползучую дерусификацию ряда национальных республик фиксирует государственная статистика, а не «пробританская сеточка» националистов. И это, безусловно, одна из главных внутренних угроз дальнейшему существованию страны.

Но вернёмся к многонациональности. В сущности, эта концепция (до сих пор подаваемая на официальном уровне как безальтернативная) выводится из двух тезисов: простого количественного перечисления исторически проживающих в России народностей и народов и апелляции к историческому опыту Российской империи и СССР, действительно по базовым показателям являвшихся многонациональными государствами.

Но верны ли они в условиях России сегодняшней?

Первый тезис представляется просто жульническим, ибо помимо абсолютных значений любые величины следует оценивать и в значениях относительных. Факт проживания на территории РФ полутора сотен иных коренных народов не отменяет и не может отменить того, что русский народ составляет абсолютное большинство населения страны. Последняя союзная перепись 1989 г. оценила долю русских в РСФСР в 81,5%. Перепись 2002 г., проведённая уже в РФ, — в 79,8%. Переписи 2010 г. и 2021 г. — в 80,9% и 71,7% соответственно (но в том же 2021 г. при опросе русскими себя признали 80,8% граждан от числа указавших национальность, а в 2010 г. указавшие свою национальность как русские составляли 77,68% от всей массы населения). Данные последней переписи внушают особую тревогу, и если удельный вес русских в РФ действительно упал уже до 71,7% (а это похоже на правду, учитывая масштабы миграции, принявшей лавинообразный характер как раз после 2010 года), то имеются все основания трактовать происходящее как национальную

катастрофу, как преднамеренную дерусификацию страны.

Однако дерусификация, вопреки вожелениям части господствующего слоя, на деле **не ослабляет, но обостряет русский вопрос**. В прямом смысле ставит его ребром.

И 71,7%, в которые перепись 2021 года оценила долю русского народа в РФ, всё равно свидетельствуют о сохранении его численного доминирования. Причём подавляющего. Всё познаётся в сравнении, и удельный вес тех или иных народов внутри страны — в том числе. Второй по численности народ РФ — татары — составлял 3,8% от всего населения в 2002 и 3,2% в 2021-м. Третьим народом по удельному значению в 2002 г. являлись украинцы (2%), в 2010 г. башкиры (1,1%), а в 2021 г. — чеченцы (1,4%). Таким образом, зафиксируем, что несмотря на общее снижение численности русских в РФ, их доля по-прежнему превышает долю находящихся на втором месте татар более чем в 10 раз, а долю каждого из остальных народов (лишь несколько наиболее многочисленных достигают отметки в 1% населения) — в 70 и более раз.

71,7% и 3,2% (не говоря уже о соотношении в 71,7% и 1,4%) — это не просто разные величины. Это — разный порядок величин.

Арифметическая сумма проживающих в стране народов ещё не делает государство многонациональным по своему **качественному** содержанию. Статистика железно свидетельствует, что в действительности Россию следует определять строго наоборот: как мононациональное государство с абсолютным доминированием русского народа, но при наличии существенного числа национальных меньшинств. Что, в свою очередь, логически обосновывает принципиально иной подход к разрешению национального вопроса: не драпировка и ретуширование русских обезличивающей вывеской многонациональности, но признание русского народа государствообразующим без всяких увёрток и экивоков, придание задачам сохранения его численности, поддержания языка и культуры, нерушимости территорий исторического проживания характер общегосударственных, основных.

Второй тезис, на котором держится доктрина многонациональности, на поверку не убедительнее первого. Опыт разрешения национальных противоречий, применявшийся властью в Российской империи и в СССР, не может механически переноситься на реалии современной России в силу того, что национальный состав двух исторических предшественниц РФ коренным образом отличался от национального состава нашего государства сегодня.

В отличие от РФ, и романовская империя, и Советский Союз являлись многонациональными государствами именно по качественному содержанию, и данные всё той же статистики подтверждают этот факт прошлого столь же неумолимо, что и **мононациональный** характер Российской Федерации сейчас. Можно вести долгую дискуссию на предмет того, когда именно Московская Русь (предтеча имперского проекта) вышла за рамки этнических границ: произошло ли это в XVII веке либо ранее, в правление Ивана Грозного, при присоединении Казанского, Астраханского и Сибирского ханств, но Россия XVIII—XIX вв. — это многонациональная держава именно статистически.

Первая в истории страны всеобщая перепись населения, осуществлённая уже на излёте романовского правления, в 1897 году, зафиксировала долю русских (великороссов) всего-то в 44,31% от общего числа жителей империи, в которую, помимо сохранившихся и при СССР территорий, входили также Финляндия и Польша. Механическое сложение великороссов с белорусами картины принципиально не меняет, ибо доля последних составляла лишь 4,68%, а столь же механическое объединение русских с малороссами-украинцами (17,81%) и вовсе следует расценивать как грубую ошибку. Как и сегодня, так и тогда далеко не все они желали не то что слияния, но даже союза с русским народом, в ходе революции и Гражданской войны поддерживая то Центральную Раду, то гетмана Скоропадского, то Петлюру и сечевых стрельцов.

Картину многонациональности рисуют нам и переписи, проводимые в СССР. Две последние (1979 и 1989 гг.) фиксировали долю русских в Союзе в 52,4% и 50,8% соответственно, то есть в пределах половины от числа советских граждан. Второе место занимали украинцы, уступавшие русским в численности трёхкратно. Заметим, что порядок «русской величины» оставался в целом стабильным на протяжении всего советского правления (что опять-таки соотносится с данными по поздней Российской империи) и даже на своём пике, зафиксированном в 1939 году, составил всего 58,4%.

Национальный состав державы Романовых и СССР предопределял общий характер национальной политики, проводимой правительством: создание сложной системы противовесов и компромиссов при сохранении опоры на русское государствообразующее ядро в главном, при решении самых острых, масштабных и насущных проблем. Разумеется, для тех (безвозвратно ушедших!) исторических эпох прямолинейный русский национализм (как и любой иной национализм)

выступал явлением разрушительным, и ему не давали воли ради сохранения единства страны.

Но эпоха сменилась!

Сторонники бездумного воспроизводства политических практик былых времён принципиально не желают признавать того неоспоримого факта, что реальность изменилась кардинально. То, что способствовало поддержанию целостности государства пятьдесят или сто лет назад, сегодня начинает работать уже на его ослабление. Национальный состав РСФСР и России был и остаётся качественно иной. Потому жизнь требует и качественно иного подхода к разрешению национального вопроса. Нельзя заниматься историческими подтасовками и подменой понятий: Российская Федерация — не Российская империя и не СССР. Она есть государство с абсолютным преобладанием русского народа, и именно в этом факте заключена правда жизни.

Обратной стороной этой медали является сегодня принципиальная практическая неприменимость доктрины интернационализма, к чему склонны голословно призывать ностальгирующие по СССР. При всей своей кажущейся внешней привлекательности следует помнить, что интернационализм по своей природе не есть нечто, присущее межнациональным отношениям имманентно (врождённо, изначально. — Ред.). Обязательным условием снятия межнациональных противоречий через интернационал является торжество социализма как общественного строя (ну или хотя бы выраженное на государственном уровне движение к нему). Как мы знаем, в сегодняшней России не существует сколько-нибудь влиятельных общественно-политических сил, стремящихся реставрировать социалистический строй, а все без исключения заметные политические организации левого фланга (КПРФ, «Суть времени» и т.д.) идею борьбы с институтом частной собственности на средства производства — ключевое условия для строительства социализма — не считают нужным даже декларировать.

Ссылки на имперский характер России (ещё один стандартный аргумент ратующих за многонациональность) при серьёзном раздумье видятся измышлениями. Период имперского строительства в истории русского народа завершился с Октябрьской революцией более ста лет назад. Уже СССР, несмотря на гигантские размеры и наличие во второй половине XX в. целого блока из зависимых государств, империей в строгом смысле слова не являлся. Империализм в принципе не был присущ советскому руководству даже в годы правления Сталина, видевшего социалистический блок не коло-

ниальным владением для эксплуатации и грабежа, а фундаментом нового, альтернативного капитализму мира. Тем более «не тянет» на империю современная Россия — **мононациональная** страна, не имеющая (за исключением практически единокровной Белоруссии) ни одного находящегося в жёсткой политической зависимости сколько-нибудь значимого по территории и населению государства, рыхлая экономически, утратившая за годы реформ многие отрасли производства, продолжающая импортировать технологии и вывозить на продажу сырьё.

Любую империю создаёт народ, переживающий исторический взлёт, но русскому народу, проседающему численно и теснимому территориально даже внутри РФ, необходимо в первую очередь отстоять право на собственное существование. В рамках собственного суверенного государства. И это — обязательная задача-минимум для всякого правительства, ответственного перед лицом истории и страны. Красноречивым свидетельством в пользу «неимперскости» РФ сделалось противоборство с Украиной, почти сразу (и совершенно естественным образом) вылившееся в русскую национальную реконкисту (отвоёвывание, возвращение своих бывших территорий. — Ред.) Не Львов или Житомир, но Крым, Донецк, Луганск, земли Новороссии. России на сегодняшний день удаётся худо-бедно решать некоторые задачи не имперского, а сугубо национального масштаба, и серьёзной альтернативы подобному единственно возможному подходу в обозримом будущем не просматривается.

Разумеется, русификация российского государства (буде она начата) не должна проводиться непродуманно или топорно. Легкомыслие и популизм в известных условиях способны сыграть роковую роль. Свеж в памяти циничный трюк Ельцина, который в 1990—1991 гг., ведя борьбу с союзным центром за власть над РСФСР, активно разыгрывал «русскую карту» и спекулировал на русских национальных чувствах. Русификация, безусловно, не должна означать выделения областей и краёв в отдельную русскую административную единицу (это действительно был бы гигантский шаг в направлении раскола государства). Но русификация должна означать признание за русским народом права на проведение государственной политики, отвечающей его интересам в плане защиты территории исконного проживания, национальной идентичности, исторической памяти, культуры и языка. Ни одно другое национальное сообщество России сегодня просто в силу несопоставимой с русскими численности объективно не может взвалить на себя ту роль, кото-

рую выполняет русский народ, удерживающий российскую территорию и российское государство.

Русские — создатели исторической России. Их право настаивать на отвечающей их жизненным интересам власти неоспоримо.

3

Русский вопрос — как и всякий по-настоящему масштабный, возникающий в силу логики исторического процесса — имеет несколько измерений. Ища ответ, нельзя обойти вниманием ни одно из них. Ибо данный без учёта всех граней текущей реальности ни вразумительным, ни убедительным он не будет.

Обозначившийся общественный запрос на коренной пересмотр принципа национальной политики внутри страны (от многонациональной размытости — к русскому государству) требует, помимо прочего, переосмысления демографических, этнических и культурных процессов в национальных республиках, являющихся в условиях федерализма зачатками национальных государств ряда коренных народов РФ.

Разумеется, разбросанные по территории страны от Кавказских гор и границы с Финляндией до Сибири и Дальнего Востока, национальные образования являют собой пёстрый конгломерат. На первый взгляд, различий между ними гораздо больше, чем сходств. Имеющие выраженную специфику хозяйственной деятельности, совершенно различные истории взаимоотношений титульных народов с государством российским и народом русским, национальные республики, однако, могут быть сгруппированы по ключевому с точки зрения русского патриотизма признаку: по степени их дерусифицированности и по уровню потерь русского населения, проживающего в их пределах.

Обдумывая пути разрешения русского вопроса, мы имеем полное право рассматривать этот критерий в качестве ключевого. Русские, являясь государствообразующим народом, исполняют свою скрепляющую функцию на всей территории страны, и её умаление где бы то ни было ведёт на деле к ослаблению государства, к его разрыхлению, и, в конечном итоге, не к смягчению, а к обострению межнациональных конфликтов.

Что собой представляет дерусификация в своих самых грубых, пещерных проявлениях, нам демонстрирует Украина. В 90-е годы подобное (причём, порой и в куда более зверских, страшных формах) происходило в Ичкерии-Чечне, чьи во-

оружённые формирования осуществляли в отношении русского населения бывшей ЧИАССР неприкрытый геноцид.

Однако всегда ли наступление на русский народ ведётся столь откровенно и кроваво?

Жизнь даёт убедительные примеры, что нет, не всегда. Дерусификация — это не только снос исторических памятников, законодательные запреты на русский язык, обращение в рабство и резня. Куда чаще этот процесс протекает незаметнее, посредством «мягкой силы», и зримый результат его становится виден не сразу. Ползучая дерусификация всегда растянута во времени, перемалывает она неторопливо, будто мельничные жернова. Беспристрастнее всего направленность процесса иллюстрируют переписи, из раза в раз фиксирующие падение доли русских в регионе, а культурное и ментальное отчуждение, нарастание враждебности, ослабление связей с «русским миром» — неизбежный итог длительного накопления изменений в национальном составе, из которого год за годом вымывается русская страна.

Исход русского народа с национальных окраин **внутри** России — это до сих пор строго табуированная тема, к которой пока не рискуют обращаться даже недавно обогатившие себя статусные русофилы. Но замалчивание остроту проблемы не снижает. Россия в лице целого ряда субъектов федерации с течением времени делается всё более нерусской — прежде всего в самом прямом, физическом смысле. И нет пока и намёка, что ползучую дерусификацию регионов осознают «наверху» как проблему государственного уровня, не говоря уже о разработке мер по её остановке.

Итак, обратимся к статистике. За точку отсчёта возьмём 1989 год — год последней при СССР всеобщей переписи населения, проходившей, понятно, и на территории РСФСР. Объективность и полнота её данных сомнений не вызывает, государственную статистику при Союзе вели скрупулёзно. Та перепись — словно фотография, запечатлевшая коллективный (и в том числе национальный) облик нашей страны в канун перехода к «новой России».

А далее сравним её данные в интересующих нас аспектах с данными последней по времени переписи 2021 года, проведённой в зрелые годы «долгого государства Путина», в мирное время, за несколько месяцев до СВО. Результаты переписей 2002 и 2010 гг. могут при необходимости подтвердить обоснованность выводов, диктуемых сравнением данных 1989 и 2021 гг. Полученные ими «промежуточные» цифры роста/снижения удельного веса народов, народностей и эт-

нических групп легко укладываются в статистические тренды трёх десятилетий. Не опровергают их, а подкрепляют.

Да, государственная статистика неумолима. Надо только иметь гражданское мужество в неё вникать.

Подлинная русская катастрофа разразилась на рубеже XX—XXI в. в бывшей **Чечено-Ингушской АССР**. Из 269 тысяч человек (24,8% населения), проживавших в республике в 1989 г., к 2021 году сохранилось лишь чуть более 18 тысяч русских (1,21%). Город Грозный, северные районы современной Чечни, имеющие по три-четыре века истории станицы терских казаков, были практически целиком «очищены» от русского населения в годы правления дудаевского и масхадовского режимов. Победа над ними федеральных сил дерусификацию Чечни вспять не обратила, и недавнее переименование станицы Наурской в город Невре лишь подводит символическую смысловую черту под доведённым до логического завершения процессом. Русский народ с исторически русской же территории, административно отнесённой в середине XX в. к Чечено-Ингушской автономии, был в одно десятилетие изгнан, а в известной степени — и истреблён. Таков этнополитический итог чеченской войны.

Ингушетия — другая наследница ЧИАССР и ещё одно образование, включающее в себя исторические станицы терских казаков. Как и Чечня, к настоящему моменту она почти полностью лишена русского пласта населения. Его доля сегодня — ничтожные 0,64%. И на деле никаких реальных перспектив возвращения русских в республику не просматривается.

Третьим по степени дерусифицированности следует признать **Дагестан**. Несмотря на то, что открытые гонения на русских в республике в постсоветский период отсутствовали, их доля на протяжении десятилетий неуклонно снижалась и в 2021 г. составила всего 3,26%. Это в три раза меньше в сравнении с данными 1989 г. (9,2%) и более чем в 6 (шесть!) раз меньше, чем было в 1959 г, когда доля русских составляла 20,1%, то есть пятую часть от всего населения. Заметим, что Дагестан, как и Чечено-Ингушетия, по решению Москвы тоже в 50-е годы XX в. «прирос» двумя русскими районами, к настоящему времени почти полностью сменившими национальный состав. Город Кизляр, село Коктубей, село Брянск — последние островки русского мира в образовании, чей реальный облик давно уже в значительной мере определяют фанатики-фундаменталисты и русоудручающие громилы из ММА.

По другим северокавказским республикам картина не столь удручающая, русских в процентном отношении в них

проживает больше, но общий вектор на дерусификацию тем не менее отчётливо выражен буквально в каждой из них:

Кабардино-Балкария: сокращение доли русских с 31,95% (1989 г.) до 19,32% (2021 г.). **Карачаево-Черкесия:** с 42,4% (1989 г.) — до 27,16% (2021 г.). **Адыгея:** с 67,96% (1989 г.) — до 57,91% (2021 г.).

И даже традиционно дружественная России **Северная Осетия** не избежала общего тренда. Доля русских упала в ней почти вдвое: с 29,91% (1989 г.) до 17,78% (2021 г.).

Вывод очевиден. Северный Кавказ на сегодняшний день — это тот макрорегион, русский исход из которого наиболее зрим и драматичен. В восточной его части (Ингушетия, Чечня, Дагестан) он уже фактически завершён. На западном Кавказе процесс дерусификации продолжается уверенными темпами, и при их сохранении падение доли русских до ничтожных значений — вопрос ближайших десятилетий.

Но по одному ли Кавказу, чья история вхождения в состав Российской империи была по большей части немирной и кровопролитной, катится каток дерусификации, необратимо и навсегда изменяющий национальный и культурный облик?

Всё та же статистика указывает, что исход русских из национальных республик происходит и в других частях страны. Реальность межнациональных отношений далека от картин сусальной дружбы.

Вне Кавказа печальное лидерство удерживает **Тыва**. За постсоветские годы удельный вес русских в ней упал втрое: с 32% (1989 г.) — до 10,1% (2021 г.). Согласно ряду свидетельств, в 90-е годы XX в. по республике прокатилась волна насилий на национальной почве, и в определённые периоды русский исход больше напоминал паническое бегство.

Следом за Тывой по темпам потерь русского населения идёт **Якутия**. Переписи фиксируют вдвое сокращение: с 50,3% (1989 г.) — до 27,82% в 2021 г.

В трёх других национальных республиках азиатской части РФ (**Хакасия**, **Бурятия**, **Алтай**) ситуация складывается не столь драматично. Но постепенное сокращение численности русских наблюдается и в них. В **Хакасии** удельный вес русских за постсоветский период упал с 79,46% (1989 г.) до 66,63% (2021 г.); в **Бурятии**: с 69,94% (1989 г.) — до 59,45% (2021 г.); в республике **Алтай**: с 60,36% (1989 г.) — до 50,62% (2021 г.).

Усыхает русский пласт населения в **Калмыкии**. В ней с 1989 по 2021 г. численность русских просела почти на двенадцать процентов: с 37,67% до 24,52%.

Всё меньше русских становится даже на почти необитаемых Ямале и Чукотке. Опять-таки по данным переписей, удельный вес русских в **Ямало-Ненецком** автономном округе снизился с 59,17% (1989 г.) до 49,62% (2021 г.), а в **Чукотском** — с 66,06% (1989 г.) до 53,7% (2021 г.).

Возможно, происходящее не воспринимается общественностью как катастрофа в силу географической удалённости Кавказа, Прикаспия, Сибири, Крайнего Севера и Дальнего Востока от центральной России. В расположенных ближе к центру национальных республиках Поволжья, Вятки и в Карелии ситуация в целом иная. Ощутимое сокращение удельного веса русских наблюдается лишь в **Мордовии** — с 60,83% (1989 г.) до 51,82% (2021 г.). В остальных республиках оно либо незначительно и составляет несколько процентов (Татарстан, Башкирия плюс лежащая отдельно, на севере, Коми), либо не наблюдается вовсе (Чувашия, Марий-Эл, Удмуртия). А в **Карелии** — наверное, единственном национальном образовании среди всех — доля русских даже выросла: с 73,6% (1989 г.) до 76,43% (2021 г.).

Но исключение, как мы знаем, лишь подтверждает правило. В большинстве национальных образований за тридцать с лишним постсоветских лет русских стало существенно меньше. В некоторых — они были сведены на нет совсем (причём самыми свирепыми способами, вплоть до прямого геноцида). То обстоятельство, что дерусификация национальных республик имеет на сегодняшний день два разбегающихся периферийных вектора (кавказский и восточный), по масштабу исторических последствий легко «перетянет» примеры относительного благополучия в республиках европейской части страны.

Ситуация, при которой присутствие государствообразующего народа неуклонно и ощутимо сокращается более чем в половине национальных образований, не может быть признана естественной и не должна пускаться государством и общественностью на самотёк. Ибо, преодолев определённый качественный порог, дерусификация неизбежно поставит вопрос об исторических перспективах сохранения соответствующего региона в составе РФ. Как мы знаем из истории революции и Гражданской войны, первыми от гибнущей империи «отчалили» Финляндия и Польша, практически не имевшие в своих пределах русских поселений, но зато обладавшие вполне оформленными институтами государственности. И именно их среди всех прочих начавших разбегаться окраин не сумели вернуть обратно большевики. Чего же в таком случае следует ожидать от полностью лишённых рус-

ского слоя национальных образований современности, если в стране созреет и грянет серьёзный общественно-политический кризис?

Безусловно, причины сокращения доли русских в каждой из нацреспублик различны, и поверхностные оценки здесь неприемлемы. Почти всегда имеет место наложение друг на друга нескольких факторов. Местечковый национализм дополняется общей демографической депрессией русского народа, его низкой рождаемостью, усиливающей дисбаланс.

В одних случаях среди причин русского исхода доминирует религиозный, культурный и демографический прессинг со стороны довлеющего местного населения. Это, в первую очередь, относится к образованиям Северного Кавказа.

В других — «мягкий» прессинг сформировавшейся этнократии вкупе с упадком производственных отраслей, в которых русские исторически играли главенствующую роль.

В третьих — общая заброшенность регионов, примитивизация и архаизация его экономики, вынуждающая русских покидать сделавшийся негостеприимным край (Крайний Север).

Но что бы именно ни провоцировало русский исход в каждом конкретном случае, необходимо усвоить: сокращение доли русских в национальных республиках неизбежно влечёт за собой общую дерусификацию регионов, возведение между ними и остальной страной незримых ментальных барьеров, появление питательной почвы для развития сепаратистских идей, которые, пребывая в дремлющем состоянии в течение десятилетий, в иных условиях способны стать доминирующими за очень короткий срок.

В новейшей истории мы имеем перед глазами мрачные примеры торжества русоненавистников в бывших союзных республиках, из которых ранее, ещё в застойные времена, начал вытекать малозаметный вроде бы ручеек русских переселенцев, нутром почувствовавших, что будущего в этих образованиях если не у них самих, то у их детей нет. Логика процессов, развивающихся сегодня **внутри** российских границ, принципиально не отличается от аналогичных по внешнему периметру. Торжество враждебных России сил возникает не случайно и готовится не за один день.

Руководство РФ и передовая часть русской общественности должны выработать способность видеть опасность загодя. Видеть и реагировать.

Роман ИЛЮЩЕНКО,
ветеран боевых действий

ДОНБАСС СВОИМИ ГЛАЗАМИ

На фоне бурных обсуждений разговоров и слухов о скором прекращении огня, перемирии между Россией и Украиной за кадром остаётся судьба простых жителей Донбасса, новых территорий, невольно оказавшихся в роли заложников большой политики. Затронуть эту сложную тему я решил после посещения этого региона по линии волонтерского движения Русской Православной Церкви, которая, как всегда, оказывается на переднем крае всех судьбоносных событий Родины.

Собственно, желание своими глазами и ногами увидеть и узнать непокорённый Донбасс и было главной целью моей гуманитарной поездки сюда. Сборы были недолги и, пройдя обязательное собеседование, заполнив анкету, я оказался в г. Ясиноватая — большом транспортном узле не только Донецкой железной дороги или собственно Украины, но и всей транспортной системы бывшего СССР. Выбор этого места бы сделан сознательно, ведь весной-летом 1942 года, где-то в этих краях воевал в составе 28-й армии Юго-Западного фронта мой дед-красноармеец Яков Степанов — участник неудачного для

РУССКИЙ МИР

нас сражения за Харьков, от которого я слышал топонимы Донбасса, в числе которых была и Ясиноватая.

Все 10 дней своего здесь пребывания, я старался запоминать, фиксировать увиденное, анализируя разговоры-общение с местными жителями, с которыми сложились вполне нормальные, почти дружеские отношения. Естественно, меня прежде всего интересовали вопросы: «Как это всё начиналось?», «Как воспринимались местными жителями «русская весна» и начало СВО?», «Как им жилось до и после»? Ответы отчасти были ожидаемы, отчасти заставили задуматься и пересмотреть некоторые свои взгляды. Поделюсь с читателями некоторыми своими наблюдениями и предложу выводы.

Вплоть до Майдана февраля 2014-го жители значительной части Донбасса по большому счёту жили ставшей привычной для них жизнью: большинство смирилось с «нэзалежністю» Украины, которая особо их не беспокоила, ведь по-прежнему были работа, привычное, относительное спокойствие и мир, которые тогда воспринимались как само собой разумеющиеся. Родственники, живущие по всей Украине и России, свобода перемещений по всей стране, доступные и привычные курорты Крыма нивелировали отчаянные попытки немногочисленных тогда бандеровцев раскачать ситуацию в свою пользу. Пожалуй, мало кто из жителей Донбасса всерьёз опасался их прихода к власти, воспринимая их русофобские выпады лишь как неприятные, но неопасные и привычные «кричалки». Ведь противостояние между востоком и западом на Украине, разность менталитета, культурных и религиозных особенностей двух её полюсов сложилась задолго до 2014-го и даже 1991 годов, и была едва ли не традиционной, фактически официально признанной особенностью республики еще с советских времён, когда и была создана Украина в знакомых теперь всем границах.

Сам я, кстати, узнал о ней в период обучения во Львовском высшем военно-политическом (!) училище в 1985—1989 гг. от своих сокурсников-украинцев, среди которых было немало западенцев: о имеющей место быть исторической вражде схидников (жителей Востока Украины) и захидников (западной её части), «безобидных» речёвках и стишках о Бандере и москалях; анекдотах-побасёнках о кулэметах, схованных в схронах дедами и «остроумных» лозунгах, типа «Хай живє Радянська Украина аж до Уралу!» Это мне теперь непонятно, куда смотрели на эти шуточки наши командиры и тем более особысты, а тогда это воспринималось как местный колорит, который обязательно должен быть в каждой

национальной республике. В самой же России — РСФСР — в то время зарождалось т.н. фанатское движение, пришедшие к нам с Запада и построенное на искусственном противостоянии бело-голубых и красно-белых; а до него во всех уважающих себя городах враждовали между собой районы: например, мальчишки центра или привокзалья выступали против таких же ребят с окраин и т.д. Ближайший пример — Казанский феномен» 80-х, ставший известным благодаря популярному сериалу «Кровь на асфальте».

Одним словом, многие жители Донбасса не увидели опасности в раздуваемом укронацистами и шовинистами пламени ненависти к инакомыслящим и инакоговорящим. К этим факторам после 1991 года активно подключился и религиозный: страна, официально освободившаяся от пут коммунистической и атеистической идеологии, активно пыталась обрести своё индивидуальное лицо и непременно свою «ридну виру». Перехватили инициативу здесь снова захидники, тяготеющие к Ватикану и Западу, им удалось даже среди жителей Восточной Украины, традиционно исповедующих Восточное (Греческое) Православие, посеять сомнение в каноничности УПЦ Московского Патриархата. Сомневающимся склоняли к «истинно украинским и нэзалэжным» греко-католикам УГКЦ и самостийникам из т.н. «Киевского патриархата» во главе с гражданином Денисенко, бывшим митрополитом Киевским. «Всё началось с веры», — констатировал как факт мой знакомый Алексей П. которому мы помогали латать крышу, куда был прилёт мины от недавних сограждан.

Таким образом, украинство, которое легально провозглашалось и существовало на всей Украине ещё со времен образования СССР, стало официальной матрицей для всех жителей русскоговорящих регионов, в т.ч. Донбасса. Переизданные после 1991 года новые, единые для всех школ и вузов украинские учебники истории, литературы, назойливый прессинг всепроникающего «телебачення» делали своё дело, упорно продавливая свою версию по формированию единого украинского народа, объединённого одной мовой, вірою и историей. Противопоставить возрастающей агрессивности необандеровщины, взрощенной именно на этих хлебах, дончане могли лишь свой русский язык, а также доставшиеся от православных предков традиции и генетическую память о войне.

На Донбассе в принципе были невозможны поджоги и захваты храмов, сносы памятников героям Великой Отечественной войны, историческим деятелям времен России—СССР,

осквернение братских захоронений и прочих позорных деяний, до которых докатилась остальная Украина. Если во Львове, где я учился, без особых проблем снесли Мону́мент боевой славы Советских Вооружённых Сил, расположенный рядом с нашим бывшим училищем, то представить нечто подобное в том же Донецке или Луганске было невозможно.

Сосуществование двух несовместимых идеологий в рамках одного государства было для него смертельно. Это ощущали и пришедшие в 2014 году к власти нацики и жидобандеровцы, начавшие форсировать процесс «объединения» народа Украины на базе привычной русофобии. Специально для жителей Донбасса — упрямых шахтёров, не принявших навязчивую, отталкивающую бандеровщину, был предложен более мягкий путь украинства через малороссийскую самобытность, шароваро-чубатость, самостийную козацкость и щекочущую самолюбие особливость от москалей-кацапов: мол жители Донбасса всё же не москали, не лапотная русня. Подтверждение своей теории я нашёл тут же во дворе дома Алексея, куда прилетела хохляцкая мина, — в качестве украшения огорода, на одной из арматурин красовался усаточубатый резиновый хохол в шароварах и вышиванке, который, надо думать, в отличие от прилетевшей мины, попал сюда по воле хозяев.

Это должно стать и серьёзным уроком для нас — россиян, так же более тридцати лет живущих в идеологическом плюрализме и безвременье, когда вместо чёткой национально-ориентированной внутренней государственной политики проводился слащавый и бесхребетный российский либерализм западного толка. Он успешно размывал сохранившиеся после правления коммунистов-интернационалистов основы Русского мира, создавшего Российское государство, основой и матрицей которого была Святая Русь.

Сегодня место потерпевших поражение либералов, временно ушедших в тень, вновь стараются занять сторонники агрессивной неокommунистической идеологии. Авслед за ними вместо так и не прижившейся у нас толерантности поднят на щит её красный вариант в виде слепого «дружбонародья» (что вполне логично, по-ленински). После чего, словно черти из табакерки, полезли всевозможные новиопы, евразийцы, «ордынцы», вновь подвергшие ревизии и сомнению принципы зарождения и формирования России, которая по версии последних обязана исключительно Великой Золотой Орде со всеми вытекающими выводами...

И пока ордынцы с евразийцами на пару пытаются выбить у нас, будто табурет из-под ног, наше национально-истори-

ческое и духовное самосознание, красные новиопы, захватив, как некогда почту, телеграф, мосты и адмресурсы в том же Донбассе, торопливо пытаются через топонимику навязать нам свои нереализованные фантомы в виде «светлых идей» недостроенного в СССР коммунизма. Примеров этому, увы, более чем достаточно.

Яркий пример с освобождённым недавно нашими войсками городом Торецком, которому вышеописанные мечтатели тут же поспешили вернуть «историческое имя» Дзержинска, о чём, захлёбываясь от восторга сообщили нам левые и телевизорные источники. Чем не угодил им нейтральный Торецк, как назывался город с 2016 года, или почему тогда же не вернули городу действительно историческое имя — Щербиновка, как обычно, не уточняется. Всем несогласным предлагается молча проглотить сей исторический факт, как было уже не раз. При этом наверняка никакого опроса мирного населения (за отсутствием его большей части) не проводилось. Пример типичной большевистской нахрапистости, привыкшей вершить свои делишки от имени «трудового народа». И как обычно, вклад необольшевиков-дзержинцев в освобождение города не просматривается даже под микроскопом: насколько мне известно, не существует ни одного воюющего подразделения, названного в честь вождей р-р-р-революции.

Между тем, и в Ясиноватой, и в Донецке, где я тоже побывал, незаметно тяги дончан к культу Ленина, Дзержинского или даже товарища Артёма, пыльный, неухоженный памятник которому мне попался на глаза в центре столицы ДНР. Скорее, полное к ним равнодушие и понятная усталость от всех этих переименований. Даже далёкий от политики, плохо знающий историю житель Донбасса отдаёт себе отчёт, что все эти вожди давно канули в прошлое, не говоря о тех, кто, изучив вопрос, с удивлением обнаружил, что все эти товарищи были вполне себе проводниками украинства на Донецких землях.

Зато зайдя в городской парк культуры и отдыха, возле музея освобождения Донбасса я увидел Аллею героев, которая была открыта в 2017 году и где сейчас стоят бюсты новых и реальных героев Русского Донбасса, отдавших за него свои жизни. Герои ДНР, которых представлять не надо: Александр Захарченко, Арсен Павлов («Моторолла»), Михаил Толстых («Гиви»), Олег Мамиев («Мамай»), Владимир Жога («Воха»), Ольга Качура («Корса») ... У подножия их лежат не только официальные венки, но и живые цветы. Любовь к ним народа настолько же сильна, насколько сильна к ним ненависть

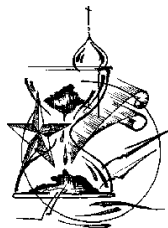
врагов. Некоторые гранитные стелы зримо повреждены осколками мин, которые были сброшены целенаправленно с украинских дронов. Значит, они и сейчас продолжают незримо воевать за Донбасс: воодушевляя одних и вызывая ужас у других.

Само собой тут и родилась прекрасная мысль, которой спешу поделиться. Если уж у властей ДНР чешутся руки переименовывать освобожденные Российской армией населенные пункты, то почему до сих пор (!!!) тут ни одно село, ни одна улица не названа в честь этих достойнейших людей? Надеюсь, что в скором времени этот процесс начнётся, и на карте Донецкой области в составе России, вместо поднадевших большевиков — дзержинских, лениных и артёмов — появятся новые, восстановленные улицы и города, носящие имена подлинных героев — Александра Захарченко, Арсена Павлова, Михаила Толстых, Олега Мамиева, Владимира Жоги, Ольги Качуры и многих других. Это будет со всех сторон справедливо, и это поставит точку в споре: чей же на самом деле Донбасс?

«ДРУЖБА НАРОДОВ»: РОССИЯ И КАВКАЗ

То, что мы называем Кавказом, состоит из двух частей, разделённых Главным Кавказским хребтом, — Северного Кавказа и Закавказья (Южного Кавказа), различающихся между собой не только географическим положением, климатом и природными ресурсами, но и населяющими народами, их историей и культурой.

Такого обилия разноразличных этносов (более 60-ти), пожалуй, больше нет нигде в мире. Адыгейцы, шапсуги, абазыны, абхазы, черкесы и кабардинцы говорят на разных ветвях адыго-абхазского языка (их когда-то именовали общим словом «черкесы»); карачаевцы, балкарцы, кумыки и азербайджанцы — на тюркском; ингуши, чеченцы, лезгины, аварцы — на разновидностях нахско-дагестанского; осетины — на диалекте персидского; горские и грузинские евреи — на своих наречиях; армяне — на армянском, грузины — на грузинском, родственные им мегрелы, сваны, гурийцы, имеретинцы, кахетинцы — на сильно различающихся диалектах грузинского, а мегрельский язык раньше даже считался самостоятельным (различаются народности Грузии и окончаниями фамилий: -дзе, -швили, -ия, -ава, -ани, -ели, -аки).

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

И мало найдётся в мире мест, где происходило бы столь продолжительное и столь массовое истребление населения — внутренними междоусобицами, национальными и религиозными распрями, организованным бандитизмом, внешними вторжениями (Турция и Персия). В результате население Кавказа, несмотря на благоприятные климатические условия, веками не росло, а в некоторых районах сокращалось и даже исчезало.

Поскольку Северный Кавказ находится ближе к России, с ним, ещё в X веке, и начались первые связи. Когда киевский князь Святослав разгромил Хазарский каганат — «буферную зону» между Киевской Русью и Кавказом, на Таманском полуострове образовалась Тмутараканское княжество. Быстро достигшее процветания, оно наладило хорошие отношения с Аланским царством, единственным государственным образованием того времени на Северном Кавказе. Аланы (ираноязычные полукочевники, принявшие христианство, предки современных осетин) даже участвовали в походах тмутараканских князей на персидскую провинцию Ширван в Закавказье. Из летописей известно также, что тмутараканский князь Мстислав, младший сын Владимира Святославича, подчинил себе косогов (предков современных адыгейцев), победив в поединке их князя Редедю.

Просуществовало княжество около двух столетий, потом оказалось отрезанным от коренной Руси половецкими кочевниками, и русское население предпочло вернуться на историческую родину. После этого русско-кавказские отношения на несколько веков прекратились. Возобновились они при Иване Грозном после победы над Астраханским ханством в 1556 году. Территория этого малонаселённого (не более 20 тыс. чел.) ханства простиралась от р. Урал на востоке до Терека и Сунжи на западе. Присоединённые, по сути, пустынные земли — правый берег Урала и левые берега Терека и Сунжи — стали интенсивно заселяться русскими, получившими потом названия уральских, терских и продвинувшихся в предгорья Кавказа (за Терек) гребенских казаков. Датой основания Терского казачества считается 1577 год (год основания Терского городка вблизи современного Кизляра), хотя археологические и археографические данные указывают на то, что казачество здесь жило уже не менее столетия. Позднее русский вольный люд стал заселять и правобережье верхней Кубани.

Казаки достаточно мирно уживались с коренными горскими народами (хотя, надо полагать, совсем без конфликтов вряд ли обходилось). Они обогащали их своим культурным влиянием (садоводство, огородничество, новые зерновые

культуры, земледельческие орудия, строительные и ремесленные навыки) и, в свою очередь, перенимали у них полезное для своей беспокойной жизни (мастерство верховой езды, конную упряжь, элементы одежды), заимствовали некоторые слова и термины и, учитывая дефицит славянских невест, даже брали себе в жёны горянок, вследствие чего у некоторых казаков лица слегка «окавказились». (С XVIII века казачество пополнялось не только русскими, но и крещёными кабардинскими и осетинскими князьями со своими подданными.)

В ту же эпоху возникли и первые дипломатические отношения. В 1550-е годы в Москву прибыло три посольства от разных племён, в том числе от кабардинцев, с просьбой помочь в защите от крымских татар, владения которых находились к северу от Кубани. Хотя Царь принял эти племена в своё подданство (заодно и женился на кабардинской княжне Марии Темрюковне), а русские войска участвовали вместе с адыгейцами в боях против татар, реального союза не получилось — Кавказ был далеко, а сил у Московской Руси для большой войны с татарами не было.

С конца XVI века официальные связи надолго заглохли. Возобновились они в XVIII веке, и уже не с Северным Кавказом, а с Закавказьем, где на западе жили абхазы, грузины, армяне и родственные им народы, исповедовавшие христианство, а в восточной части — разноплеменные тюркские народы, исповедовавшие ислам. Закавказье было постоянной ареной борьбы между Персией и Турцией (Османской империей), которая сопровождалась опустошительными вторжениями, погромами, разрушениями и уводом местных жителей в рабство.

Армения, потерявшая свою государственность ещё в начале XI в., уже много веков была поделена между Персией и Турцией. Абхазия находилась под диктатом Турции. Персии на востоке принадлежали небольшие полуавтономные ханства. Грузия была раздроблена на Картлийское (Тифлис), Кахетинское (Телави) и Имеретинское (Кутаис) царства, княжества Мегрелия (Зугдиди), Сванетия (Местия) и Гурия (Озургеты), которые находились под диктатом Турции или Персии да к тому же часто враждовали между собой.

Начало продвижению России в Закавказье с востока положил Пётр I. В 1722—1723 гг., сразу по окончании Северной войны, он совершил Персидский (Каспийский) поход, поводом к которому стали разбойные нападения лезгин на русских купцов, но главная и, надо сказать, фантастическая

цель (с Императором такое бывало) была в другом — проложить торговый путь из Индии в Европу через Персию и Россию, что сулило большие выгоды почти до дна вычерпанной казне.

Итогом похода стало присоединение к России всего южного и южной половины западного побережья Каспийского моря, включая Дербент, Баку и Решт (северная половина до устья Терека, где жили терские казаки, со времён Грозного принадлежала России). Однако столь удалёнными землями управлять оказалось трудно, и при Анне Иоанновне в 1735 году, когда началась Русско-турецкая война и шла Турецко-персидская война, они были возвращены Персии с условием, что та продолжит воевать с Турцией (правда, вскоре персидский шах нарушил условие и заключил с турецким султаном перемирие).

В 1724 г. картлийский царь Вахтанг VI, назначенный на эту должность в 1716 г. своим тогдашним сюзереном — персидским шахом, после нашествия турок и устроенной ими резни вынужден был вместе со своим двором искать убежище в единоверной России. К тому времени в Москве уже давно сложилась большая колония грузинских эмигрантов. Ещё при Царе Алексее Михайловиче для расселения им даже было выделено пригородное дворцовое село Воскресенское. Тогда и появились в столице Большая и Малая Грузинские улицы, Грузинская площадь и Грузинский переулок. Опустошительные нашествия продолжались то с одной стороны, то с другой, и в результате к 1780 г. в Грузии осталось всего 675 тыс. грузин — дальнейшее существование этого этноса было под большим вопросом.

Эмигрировали в Россию также и армяне. С XI века они, как и евреи, стали жить в рассеянии, создавая в разных странах Европы и Азии компактные общины и занимаясь преимущественно торговлей (в Тифлисе в XIX веке армян было больше, чем грузин). Первая армянская диаспора в России появились ещё при Иване Грозном (отсюда Армянский переулок в центре Москвы), а интенсивная иммиграция началась в XVIII веке и особенно усилилась в «век золотой Екатерины» (тогда были созданы целые армянские поселения на юге России). Благодарные армяне в 1894 г. в Нахичевани-Дону (ныне район Ростова) даже поставили ей бронзовый памятник, который в 1920 году большевики, разумеется, снесли и водрузили на его постаменте памятник Марксу.

В 1783 г. по просьбе царя Восточной Грузии (объединённого Картли-Кахетинского царства) Ираклия II с Россией был заключён Георгиевский трактат, согласно которому Грузия

вступала под покровительство России, частично отказывалась от самостоятельной внешней политики, обязывалась служить русской Императрице своими войсками (которых практически уже не было и боевой дух которых М.Ю. Лермонтов охарактеризовал тремя словами: «...бежали робкие грузины»), сохраняя полную самостоятельность во внутренней политике. Россия, со своей стороны, выступала гарантом независимости и целостности Грузии и обязывалась защищать её в случае войны. При этом грузинское и русское дворянство, духовенство и купечество уравнивались в правах. Сохраняли свои титулы и грузинские князья, коих было едва ли не больше, чем русских князей в России. В знак подтверждения своих намерений Екатерина II направила в Грузию два батальона пехоты. Тем самым официально был положен конец притязаниям Персии и Турции на Восточную Грузию. В том же году был заложен Владикавказ и начато строительство Военно-Грузинской дороги — иных путей сообщения с Грузией, кроме горных, тогда не было.

Реально Георгиевский трактат действовал всего несколько лет, пока грузинский царь не нарушил его, начав сепаратные переговоры с турками, после чего русские воинские части, роль которых, в силу их малочисленности, была номинальной, из Грузии вывели. Вслед за этим последовало очередное опустошительное нашествие — теперь со стороны Персии.

Затем произошла Русско-турецкая война 1787—1791 гг. По Ясскому миру Турция отказалась от притязаний на Грузию, навсегда уступила России территорию Крымского ханства, включая Тамань и земли кубанских татар (фактически это произошло ещё в 1783 г.), которые князь Потёмкин стал заселять казаками ликвидированного Запорожского казачества, названного потом Черноморским казачеством. Территориально Россия ещё на один шаг приблизилась к Кавказу.

В 1796 г. персы вновь вторглись в Восточное Закавказье и в Грузию, захватили и разграбили Тифлис. Формально Грузия продолжала находиться под протекторатом России, и русское правительство, хотя и с опозданием, направило через Кизляр и Дагестан против Персии Каспийский корпус под командованием талантливого полководца В.А. Зубова. Вскоре корпус штурмом взял Дербент, без боя вступил в Кубу и Баку и успешно продвигался вглубь Персии, но Зубов оказался в немилости у нового Императора Павла I, и русские войска из Закавказья были выведены.

По завещанию Ираклия II его преемник Георгий XII в начале 1800 г. обратился к России с просьбой о российском подданстве «навек», т.е. уже не о протекторате, а о вхожде-

нии в состав России. После года раздумий и нескольких заседаний Государственного совета Павел I в январе 1801 г. подписал манифест о присоединении Грузии на вечные времена, который был зачитан на русском и грузинском языках в Сионском соборе в Тифлисе. Часть грузинской знати, однако, к присоединению отнеслась негативно и организовала несколько мятежей. Ей, как это часто бывает в истории, хотелось «бесплатных пирожных» — чтобы Грузия оставалась полностью независимой, но Россия при этом её бы защищала. (Этим приёмом ныне успешно пользуются даже театральные деятели, вроде К. Райкина, которые требуют, чтобы власть не вмешивалась в их деятельность, но при этом их бы содержала.)

После воцарения Александра I на Государственном совете ещё дважды рассматривалась дилемма: или полное присоединение, или полная самостоятельность Грузии (разумеется, с выводом из неё русских войск) — без всякого половинчатого протектората. Однако полной независимости не могло быть в принципе — если не Россия, то Персия или Турция, а это означало непрекращающиеся погромы и резню. С другой стороны, территориально Грузия была крайне неудобна — «остров», отделённый от «материка» горами с, мягко говоря, беспокойным населением, а от моря — побережьем, находившимся в руках Турции. В конце концов, учитывая безнадёжное положение Грузии, из сугубо гуманных соображений был принят первый вариант, и она была включена в состав России в статусе губернии.

17 апреля 1802 г. Император издал манифест со словами: *«... не для приращения сил, не для корысти, не для распространения пределов и так обширнейшей в свете империи приемлемы на себя бремя управления царства грузинского. Единое достоинство, единая честь и человечество (по-современному, человечность. — В.Г.) налагают на нас священный долг, вняв молению страждущих, в отвращении их скорбей учредить в Грузии прямое правление, которое могло бы утвердить правосудие, личную и имущественную безопасность и дать каждому защиту закона».*

К тому времени Георгий XII уже умер, и в Грузии наступило полное безвластие, страна была опустошена недавним персидским нашествием и страдала от постоянных набегов чеченцев и дагестанцев. По словам русских представителей в Грузии, она «потеряла всякое подобие государства». В 1812 году по Бухарестскому мирному договору, завершившему Русско-турецкую войну 1806—1812 гг., Турция признала расширение русских владений в Закавказье.

Однако этого не захотела признавать Персия, что и послужило причиной Русско-персидской войны 1804 — 1813 гг. Большая продолжительность войны была вызвана недостатком военных сил у России, которая одновременно вела войну с Турцией, Наполеоном (1805—1807 и 1812), Швецией (1808—1809) и находилась в состоянии войны с Англией (1807—1812). Несмотря на все трудности, война закончилась решительной победой России. Персия признала присоединение Грузии к России, а по Гюлистанскому договору ещё и «поделилась» с ней своими ханствами, находившимися в восточной части Дагестана, на территории современного Азербайджана и части современной Армении.

Гюлистанский договор, однако, не устроил... Англию. Она спровоцировала Персию не признавать его и потребовала от неё в дальнейшем устанавливать российско-персидские границы только с согласия (!) и при непосредственном участии (!! Англии. Она и готовила персидскую армию к новой войне, которая началась в 1826 году и которая закончилась Туркманчайским миром в 1828-м. По нему Гюлистанский мир был окончательно признан, а к России отошли Эриванское и Нахичеванское ханства, т.е. вся территория Восточной Армении (Западная и сегодня принадлежит Турции) и Южный Азербайджан, который Россия вернула Персии после получения контрибуции в размере 20 млн. руб.

Не успели высохнуть чернила на Туркманчайском договоре, как в апреле 1828 г. началась Русско-турецкая война, провокатором которой опять стала Англия (хотя незадолго до этого она была союзником России в знаменитом Наваринском морском сражении с турецким флотом). По её наущению Турция отказалась от признания Бухарестского договора 1812 года и закрыла пролив Дарданеллы для русских судов. Закончилась война менее чем через 1,5 года разгромом турецкой армии и подписанием Адрианопольского мира. Теперь Турция окончательно признала все закавказские приобретения России, открыла черноморские проливы, отдала России всё восточное побережье Чёрного моря от Анапы до Поти да ещё и уплатила большую контрибуцию.

Таким образом, войны с Турцией и Персией были, по сути, **войны за национальное освобождение грузин и армян**. Как писал М.Ю. Лермонтов, *«И Божья благодать сошла // На Грузию! Она цвела // С тех пор в тени своих садов, // Не опасая врагов, // За гранью дружеских штыков* («Мцыри», 1839 г.). В Закавказье наступил мир, порядок и законность. И не только это.

Разделенное на множество княжеств и владений, Закавказье находилось на уровне раннефеодального развития, с

отсутствием мануфактур и рынков сбыта сельскохозяйственной и ремесленной продукции. Почти везде господствовало натуральное хозяйство. Выдающийся поэт и дипломат А.С. Грибоедов писал, что *«при внимательном рассмотрении Закавказского края каждый удостоверился, что там природа всё приготовила для человека, но люди даже не пользовались природой»*.

С установлением русской власти началось строительство школ, дорог и мостов, благоустройство городов, развитие системы образования, здравоохранения и культуры, а также развитие межрегиональной торговли, т.е. общего закавказского рынка, что явилось мощным стимулом к развитию промышленности. От средневекового уклада жизни народы Закавказья под руководством русской администрации быстро переходили к современной цивилизации.

Особенно большой вклад в экономический, социальный и культурный подъём, в европеизацию коренных народов внёс наместник на Кавказе князь М.С. Воронцов (о нём см.: «МГ», 2025, №1-2, с. 201—205). При нём в Тифлисе стала выходить первая газета, открыта первая библиотека и даже оперный театр. Его стараниями для кавказских абитуриентов была введена квота в русских университетах, выпускники которых занимали видные служебные должности. В 1849 году вышло «Положение о воспитании кавказских и закавказских уроженцев, **на счёт казны**, в высших и специальных учебных заведениях империи» (выделено мной. — В.Г.). То есть **«воспитание национальных кадров» за государственный счёт России** шло полным ходом. Не зря поэтому изучение русского языка стало настоящим поветрием среди закавказского населения. Грузины, армяне, позднее и азербайджанцы считали за честь служить России и называть себя русскими. Хотя многие из них действительно преданно служили России в качестве государственных и военных деятелей, в 1880-е — 1890-е годы в Петербурге всё чаще стали раздаваться голоса противников политики «позитивной дискриминации» (т.е. привилегий для национальных окраин), за которой многие государственные деятели видели угрозу сепаратизма.

Но всё это — в Закавказье. Куда сложнее дело обстояло в тылу России — на Северном Кавказе. Местные мусульманские народности, исключая христиан-осетин, находившиеся на стадии общинно-родового (лишь некоторые с зачатками феодального) строя, оказали ожесточённое сопротивление новой власти. Если с равнинными (земледельческими) племенами ещё как-то удавалось мирно договориться, то с горскими мирный путь оказался невозможным.

Причин было три. Первая — непризнание никакой власти, тем более иноверческой, кроме власти своих князей или старейшин аула. Вторая — в замкнутости общин и религиозной нетерпимости, разжигаемой мусульманским духовенством. Третья — в том, что одним из основных занятий горцев и едва ли не главной статьёй их дохода были набеги на русские (и не только на русские) земли с грабежами, разбоями и убийствами, уводом скота, захватом пленных с целью выкупа или продажи в рабство. На востоке, к северу от Сунжи и Терека, сёла и станицы страдали от набегов чеченских, ингушских и дагестанских племён, на западе, к северу от Кубани, — от набегов черкесов (этим словом называли и родственных им адыгейцев, абазин, шапсугов, кабардинцев). Причём работорговля была главной «статьёй экспорта» черкесских князей, а центрами работорговли — турецкие крепости Анапа, Геленджик и Сухум на Чёрном море.

Русские власти не вмешивались в бытовой уклад и в духовную жизнь местного населения, но с бандитизмом и работорговлей смириться, конечно, не могли. Сложность состояла в том, что грабежи, разбой и захват пленных горцы вовсе не считали преступлением. Набеги в их миропонимании являлись не только нормальным способом обогащения, но и настоящим «мужским делом», где можно было проявить лучшие качества — удаль, отвагу, мастерство верховой езды и владения оружием и здесь же — хитрость, коварство и обман. Непокорность и смелость горцев создали вокруг них романтический ореол мужественных свободолюбцев в глазах русских писателей.

Под иным углом смотрели военные. Генерал А.П. Ермолов писал о кабардинцах: *«Никто почти из князей, и лучшие непременно, ни читать, ни писать не умеют. Молодые люди хватаются невежеством, славятся одними разбоями и хищничеством»*. Он же о чеченцах: *«Ниже по течению Терека живут чеченцы, самые злейшие из разбойников, нападающие на линию (сеть русских укреплений. — В.Г.). ... Чечню можно справедливо назвать гнездом всех разбойников»*. И он же о земледельцах-акушинцах: *«Провинция Акушинская имеет жителей не менее пятнадцати тысяч семейств... Отличительные народа свойства есть добронравие и кроткость. К воровству нет наклонности ни малейшей, праздность считается пороком и одобряется трудолюбие»*.

Генерал Г.И. Филипсон о черкесах: *«Вообще воровство и разбой, как в Древней Спарте, были у черкесов в чести... Это составляет характеристическую черту черкесов. У всех них была общая ненависть к русским и общая жадность к рублям»*.

Командующие русскими войсками на Кавказе генерал-фельдмаршал И. В. Гудович, после него генералы А. П. Тормасов, затем Н. Ф. Ртищев пытались проводить по отношению к горцам мягкую, дружелюбную политику, проявляли гостеприимство, не жалели денег на подарки. А. П. Ермолов в своих «Записках» отмечал: *«В 1812 г. генерал Ртищев, переходя с Кавказской линии к командованию Грузией, возмечтал приобрести спокойствие и покорность чеченцев подарками и деньгами. Вызваны были в Моздок главнейшие из старшин и многие другие, по мнению его, важные люди, им немало дано было денег...»* Однако результаты были не просто нулевыми, а отрицательными — набеги не прекращались и даже усиливались. Миротребие и подарки горская знать воспринимала как признак слабости, требовала себе всё большего и шантажировала, угрожая силой. Стало ясно, что при таком подходе установить с ними мирные отношения невозможно. Оставался единственный выход — вооружённое покорение.

В 1816 г. командующим Грузинским (с 1820 г. Кавказским) корпусом был назначен герой Отечественной войны решительный генерал А. П. Ермолов: *«Кавказ — это огромная крепость, защищаемая полумиллионным гарнизоном. Штурм будет стоить дорого, так поведём же осаду»*. С 1817 г. он начал планомерное наступление на Чечню и Дагестан, прорубая просеки, прокладывая дороги, устраивая укрепления (в частности, крепость Грозную, ныне город Грозный), не оставляя безнаказанным ни одного набега и грабежа. Этот год считается началом 47-летней Кавказской войны — самой продолжительной войны в русской истории.

Покорение шло успешно, пока с 1825 года среди горцев не начал распространяться мюридизм — внедрённое Персией фанатичное исламское учение, суть которого заключалась в полном самоограничении ради «близости» к Аллаху, в объявлении газзавата (священной войны) неверным и в беспрекословном подчинении вождю (имаму). Поддержку населения мюридизм нашёл в Чечне, Ингушетии и Дагестане, но почти не нашёл в Кабарде и Черкесии. В разжигании ненависти к русским огромную роль сыграло не только воинствующее исламское духовенство, но и персидские, турецкие и... английские эмиссары.

Особое ожесточение война приобрела с 1834 г., когда имамом мюридов стал Шамиль, обладавший харизмой настоящего вождя, однако 1850-е гг. авторитет мюридизма стал падать вследствие трёх причин: 1) провала во время Крымской войны 1853—1856 гг. попытки разбить Кавказскую армию с двух сторон — с фронта Турцией, с тыла мюридами, 2) край-

ней жестокости в отношении своих несогласных соплеменников (выжигание аулов с полным истреблением их жителей) и 3) морального разложения наибов (помощников имама, «полевых командиров»), которые стали присваивать земли разбитых противников (сохранявших верность России), жить в непозволительной роскоши и превращать рядовых мюридов в своих слуг. В 1859 г. Шамиль был взят в плен, а последние очаги сопротивления в Чечне и Дагестане были окончательно подавлены в 1861 году.

Оставались непокорёнными черкесы, занимавшие северо-западный Кавказ к югу от Кубани с выходом к Чёрному морю. По нему черкесов снабжали оружием Турция и, конечно, Англия (однажды у побережья была захвачена английская шхуна, набитая оружием, что вылилось в крупный международный скандал). *«Между восточным и западным [Северным] Кавказом существует та коренная разница, что черкесы, по своему приморскому положению, никаким образом не могли быть прочно закреплены за Россией, оставаясь в своей родной стране. Надобно было вести кровавую, продолжительную, чрезвычайно дорого стоившую войну для того только, чтобы подчинить закубанцев русскому управлению на время мира, в полной уверенности, что первый выстрел в Чёрном море опять поднимет их против нас и обратит в ничто все прежние усилия. Перевоспитать народ есть дело вековое, а в покорении Кавказа главным элементом было именно время, данное нам, может быть, в обреш, может быть, в последний раз для исполнения одной из жизненных задач русской истории»,* — писал генерал-майор Русской Армии военный историк Р.А. Фадеев.

Это была действительно жизненно важная для России задача — продвижение на юг, до естественной геополитической границы, к северу от которой — агрессивные племена, не восприимчивые никаких мирных договоров и соглашений, за ними — единоверческие народы, нуждающиеся в русской помощи, а к югу от неё — враждебные Персия и Турция, за которыми торчали «уши» Англии. Если бы Россия эту задачу не решила, то Кавказ превратился бы в плацдарм враждебных государств и народов, в постоянную угрозу безопасности России.

Когда Черкесия была покорена, русское командование предложило черкесам два варианта по добровольному выбору — переселение с гор на равнинные земли или переселение в Турцию (о чем с Турцией была договоренность). Причем переселенцам правительство оказывало материальную и организационную помощь. Большинство черкесов выбрало второй вариант, подчеркнём — добровольно выбрало. Оба

варианта переселения начали осуществляться в 1864 году. На этом Кавказская война закончилась, но и спустя полтора-два десятилетия враждебное отношение к русским осталось: в начале 1990-х гг. Кабардино-Балкария и Адыгея обратились в Госдуму с призывом признать переселение черкесов геноцидом (что абсолютно не соответствует смыслу этого понятия). К счастью, большинство депутатов Госдумы того времени ещё не потеряло здравого мышления, и признание не состоялось.

Мир на Северном Кавказе, однако, длился недолго. В мае 1877 г., одновременно с началом Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., в Абхазии началось новое восстание. Подстегнул его турецкий десант, высадившийся с оружием для абхазов и захвативший побережье Чёрного моря от Очамчиры до Сухума. С приходом подкреплений в августе русские войска побережье освободили, а значительная часть исламского населения Абхазии эмигрировала в Турцию.

Это восстание сдетонировало в Чечне и Дагестане — там начался «Малый газзават», подготовленный Турцией и обеспеченный турецким оружием. Организаторами его были паломники, вернувшиеся в Дагестан из Мекки через Турцию и получившие там инструкции. Планировалось, что удары по Русской Армии на Кавказе будут наноситься с юга турками, с севера горцами с последующим их соединением. Но к концу 1877 г. восстание было подавлено, его руководители повешены на площади в Грозном, на следующий год побеждена и Турция, а по итогам войны к России отошла стратегически важная Батумская область, населённая аджарцами (грузинами-мусульманами).

Установившийся мир продолжался почти 40 лет и оказался плодотворным. Единственное исключение — «русская» революция, вызвавшая в 1905—1906 гг. армяно-азербайджанскую резню в Баку и Нахичевани (вину за неё и большевики, и либералы, разумеется, свалили на правительство). На Северном Кавказе началось распространение светского образования, открытие больниц, школ, училищ. Первыми образовательными учреждениями были полковые и батальонные школы Кавказской линии (полосы военных укреплений), которые рассматривались как «орудие в насаждении культуры и гражданственности среди присоединённых народов». В них учили детей горцев в возрасте 9—14 лет, которых затем принимали на военную или гражданскую службу. Появилась горская интеллигенция, получившая образование в России и тяготевавшая к ней. Видные русские учёные вносили большой вклад в изучение и развитие культуры кавказских народов. Были сделаны первые попытки создания нацио-

нальных письменностей (работа эта была завершена уже в советское время). Постепенно стал ослабевать и замкнутый уклад жизни горцев.

С началом 1-й мировой войны вновь воспрянуло исламское духовенство. Оно стало призывать «весь исламский мир поднять на священную войну против государств Антанты» и пропагандировать идею создания Северо-Кавказского теократического государства под эгидой Турции, союзника Германии. В свою очередь, турками было переброшено в горные районы 60 агентов-офицеров, но основная масса населения сохранила лояльность Империи, а после успехов на Кавказском фронте генерала Н.Н. Юденича (о нём см.: «МГ», 2021, №9, с. 240—244) эта идея вообще заглохла.

Более того, в 1914 году из добровольцев была создана Туземная («Дикая») конная дивизия из шести полков — Дагестанского, Кабардинского, Ингушского, Татарского, Чеченского и Черкесского, которая успешно воевала на Юго-западном и Румынском фронтах. Только число взятых дивизией пленных вчетверо превысило её численность. Факт создания дивизии тем более ценен, что кавказцев на военную службу не призывали. Правда, как вспоминал А.И. Деникин, *«Храбрость её всадников совмещалась с их первобытными нравами и с крайне растяжимым понятием о «военной добыче», что тяжело отражалось на жителях районов, занятых полками дивизии»*.

Всё изменил 1917 год. Монархия пала, скрепы государства разрушились, началась война всех против всех и «парад суверенитетов». Горцы воевали с русскими, красные с белыми. Причем горцы быстро сориентировались на красных, которые пообещали «право наций на самоопределение вплоть до отделения», а после расказачивания (1919 г.) фактически выдали им карт-бланш на безнаказанное истребление русских в Терской области с последующим заселением этих земель. Потом создали для них автономии, вдвое увеличив территории Чечни и Дагестана за счёт земель Терского казачества, подарили русские города Грозный (столица Чечено-Ингушетии), Владикавказ (столица Северной Осетии), Петровск, переименованный в Махачкалу (столица Дагестана), Нальчик (столица Кабардино-Балкарии), Баталпаши́нск, переименованный в Черкесск (столица Карачаево-Черкессии) и т.д.

Горцы вскоре «отблагодарили» большевиков. 23 июля 1925 года секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) А.И. Микоян сообщал секретарю ЦК В.М. Молотову: *«Полити-*

ческое положение в Чечне обострилось, недавно завершившись нападением и убийством красноармейцев. Крайком в полном единодушии с командованием [Северо-Кавказского военного округа] и ОГПУ решили провести операцию по разоружению Чечни и изъятию бандитского элемента». Это был уже действительно чистый бандитизм, без всякой религиозно-идейной подкладки.

Операция была проведена молниеносно, всего за 17 дней, — не только в Чечне и Ингушетии, но и в прилегающих районах Дагестана. Было изъято более 25 тыс. винтовок, около 4 тыс. револьверов и сотни тысяч патронов, арестовано большинство «главарей банд» («полевых командиров», по либеральной терминологии), из них 105 расстреляно. Тогда же выяснилось, что вооружённые банды имели поддержку со стороны высших руководителей автономий. События эти показали, что за прошедшие 60 лет после «замирения» Кавказа менталитет горцев не изменился, и его худшие черты проявляются при первом же ослаблении власти или её национальном «заигрывании».

Вновь на Северном Кавказе воцарился мир, хотя и хрупкий — операции по разоружению проводились ещё не раз, но всё оружие изъять так и не удалось. Из него стали стрелять в спины наших солдат, когда в 1942 году на Кавказ двинулись немцы. Осенью того года фашисты оккупировали Адыгею, Карачаево-Черкессию, Кабардино-Балкарию, часть Северной Осетии, но в ноябре на подступах к Владикавказу были остановлены и разгромлены в ходе Нальчикско-Орджоникидзевской операции.

Что происходило тогда, хорошо известно. Вот некоторые цифры. В Красной Армии воевали 10 тыс. чеченцев и ингушей, а 49,4 тыс. дезертировали (с оружием!), ещё 13,4 тыс. уклонились от призыва. В 1941—1944 г. в Чечено-Ингушетии чекистами было ликвидировано 197 банд, 667 бандитов убито, 2762 захвачено, 1113 сдались — в сумме бандитов (фактически, армия вражеских диверсантов в тылу) было почти вдвое больше, чем погибших на фронте чеченцев и ингушей. Столь массовый бандитизм был невозможен без поддержки местного населения. При приближении линии фронта предателями стали нарком внутренних дел ЧИАССР и его заместитель, 4 начальника райотделов НКВД, 2 начальника райотделов милиции, 2/3 секретарей райкомов ВКП(б) и т.д. А ведь ЧИАССР даже не была оккупирована!

Население ЧИАССР доброжелательно встречало заброшенных немецких разведчиков и диверсантов. Немецкий диверсант аварского происхождения А. Сайднуров, намечен-

ный стать гауляйтером Северного Кавказа, на допросе сказал: *«Среди чеченцев и ингушей я без труда находил нужных людей, готовых предать, перейти на сторону немцев и служить им. Меня удивляло: чем недовольны эти люди?»*.

В оккупированном Карачае немцы быстро сформировали «Карачаевский национальный комитет» с большими властными полномочиями, включая передачу ему всей государственной, колхозной и общественной собственности, руководство экономикой, культурой и пропагандой. Комитет участвовал в оккупационных расправах, материально помогал оккупантам, налаживал связи с другими предательскими организациями, с национальными формированиями СС, о чём, не стесняясь, сообщали местные марионеточные газеты и журналы. Известно, что именно карачаевцы провели немцев горными тропами через Главный Кавказский хребет, а те со спины уничтожили наших защитников перевалов, в т.ч. Клухорского на Военно-Сухумской дороге.

Похожая обстановка сложилась и в Балкарии. *«В 1942 г. антисоветские элементы в Балкарии значительно активизировали свою вражескую работу в тылу Красной Армии, создавали бандитско-повстанческие группы, используя бежавших с фронта дезертиров из балкарцев... В балкарских районах ушла в банды и часть руководящих советских и партийных работников... Оккупация немцами большинством балкарцев была встречена доброжелательно... По указке немцев и привезенных ими с собой эмигрантов Шокманова и Кемметова, балкарцы договорились с карачаевцами об объединении Балкарии с Карачаем...»,* — писал Берия Сталину.

Бандгруппы начали формироваться в Балкарии ещё в 1941 г., а перед приходом немцев они пополнились за счёт 700 дезертиров с оружием. В октябре 1942-го, когда части 37 армии отходили к перевалам, они нападали на подразделения красноармейцев, убивали, захватывали транспорт, оружие и боеприпасы. С бандгруппами уходили в горы руководящие партийные и советские работники районов, а одну из них даже возглавил председатель райисполкома. В Нальчике немцы в составе национального легиона создали балкарский эскадрон. Отступая под ударами Красной Армии, немцы дали задания «полевым командирам» срывать восстановление советской власти и держать оборону, пообещав вернуться весной 1943 г.

Когда в 1943 году Северный Кавказ был освобождён от оккупантов, у Сталина было два варианта — либо судить дезертиров, предателей и пособников врага по военным законам, т.е. расстреливать, либо высылать их вместе с семьями.

Вождь выбрал гуманный вариант: осенью 1943 г. и в феврале-марте 1944-го депортировали в Среднюю Азию и Казахстан карачаевцев, затем балкарцев, чеченцев и ингушей. а в опустевшие сёла были организованно переселены лакцы, аварцы, даргинцы, осетины, а также русские из разорённых войной мест (в ходе депортации было изъято более 20 тыс. единиц стрелкового оружия).

Распространено мнение, что в большинстве пострадали невинные люди, но это далеко не так. Сам менталитет горцев подразумевает круговую поруку внутри общины, «все за одного», а потому в большей или меньшей степени в преступлениях было замешано всё население. Если бы местные «общества» не поддерживали бандитов и предателей, они бы сдали их властям. Заметим, что адыгейцы, черкесы, осетины и кабардинцы (за исключением 2 тыс. запятнавших себя кабардинцев), находившихся в оккупации, не пострадали. Очевидно, что для этого не было оснований. Причем депортированным кавказцам выдавали продукты питания, беспрочентные ссуды на строительство домов на новом месте с рассрочкой на 7 лет и по корове каждой семье. Слышал ли кто-нибудь о подобном внимании в 1929—1933 годах к ссыльным русским «кулакам»? И слышал ли кто-нибудь, чтобы их дети и внуки требовали от государства возвращения отобранной земли, домов и имущества? Ныне либералы стенают о том событии. Их, видимо, больше устраивал бы первый вариант, расстрельный. И эти же либералы уклоняются от простого вопроса: почему были депортированы не все горские народы, даже из находившихся в оккупации?

В 1956 году Н.С. Хрущёв ослабил ограничения для депортированных кавказцев. Кстати, снятие ограничений не коснулось крымских татар (видимо, потому, что по воле «кукурузника» Крым был уже отобран у РСФСР и передан УССР, а там татар иметь не захотели). Этот «миролюбец» никому не желал зла (правда, часто он вначале делал, а потом думал), но как-то само собой получилось, что депортированные, в нарушение всяких приказов и постановлений, стали массово возвращаться на родную землю и изгонять оттуда пришельцев, официально поселённых властями. Начался новый беспредел, по сути — террор русского населения и его бегство. Вот только один пример (из докладной записки в ЦК от 4 июля 1957 года): *«...чеченцы и ингуши ведут себя вызывающе, допускают самоуправство, хулиганства, избиения и убийства («допускают» убийства! — В.Г.) местных жителей».*

26 августа 1958 года произошло очередное убийство чеченцами русского рабочего химзавода в Грозном (русское

население города составляло тогда 78%). Грозненцы не выдержали: в тот же вечер стихийно собралась огромная толпа людей на центральной площади, а на следующий день состоялась демонстрация протеста — люди колонной прошли по городу и направились к обкому партии — звонить в Москву. Результат был ожидаем: нашли двух «зачинщиков» — участника войны, отца троих малолетних детей рабочего В.Е. Исаева (произносил речь на митинге) и инженера Г.М. Шваюка (написал текст резолюции митинга) — и посадили каждого на 10 лет «за организацию беспорядков». То есть проблеме решать не стали и фактически дали «добро» на дальнейший произвол в отношении русских. Видимым результатом стало сокращение русского населения в Чечено-Ингушетии с 49% в 1959 г. до 23% в 1989 г.

Нарыв прорвало в 1990-е годы, когда новая российская власть с помощью СМИ делала всё возможное, чтобы возбудить национал-сепаратизм и русофобию в автономиях России — Якутии, Туве, Горном Алтае, Татарстане, Башкирии и так далее и, конечно же, на Северном Кавказе. Эти события происходили на наших глазах, останавливаться на них не будем. Скажем только, что в результате переворота «правового» коммуниста генерала Дудаева, провозглашения «Независимой Ичкерии» и русского погрома (фактически геноцида) в Чечне и Ингушетии русских осталось 1,2%. В Дагестане — чуть больше: 3,2%. Т.е. в этническом отношении эти три республики уже были готовы к отделению от России (вместе с исконно русскими землями, составляющими почти половину их территории).

Ныне в северокавказских республиках, кажется, наступил мир. Даже Р. Кадыров признал, что без России Чечня жить не может. Вот только вопрос: чем вызвано это признание? Политическим прозрением или астрономическими суммами, которые Москва даёт Чечне и др. северокавказским автономиям за счёт бедствующих русских губерний? И не изменится ли ситуация, если выплаты дани прекратятся?

Мира и покоя нет только в самой России. По форме нейтральные, а по сути антирусские 282-я и 280-я статьи УК РФ и покровительство нацменам со стороны правоохранительных органов привели к многочисленным преступлениям северо-кавказцев в отношении русских людей, включая убийства, изнасилования и групповые избиения. И даже массовые акции русского протеста, прошедшие в 2010 и 2013 гг. в Москве и десятках других городов, положения не изменили, если не считать того, что уголовным преследования подверг-

лись только участники этих акций, а в СМИ перестали упоминать национальности преступников.

В Закавказье после крушения монархии абхазы, грузины, армяне и азербайджанцы сразу же захотели отделиться от России и создали свои «демократические республики», поначалу в виде Закавказской федерации, которая быстро развалилась из-за взаимных обвинений, склок и вооружённых разборок, особенно жестоких между азербайджанцами и армянами. По окончании Гражданской войны и интервенции Турции и Англии (куда без неё!) за дело взялись большевики: установили советскую власть и создали Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику (ЗСФСР), в которой грузия не прекращалась, и потому в 1936 г. по новой Конституции её разделили на Грузинскую, Армянскую и Азербайджанскую республики (включив Абхазию в состав Грузии). Название «Азербайджан», говорят, было придумано Троцким в 1921 г. по аналогии с названием иранской провинции, до этого азербайджанцев называли татарами.

Все эти республики, как и северо-кавказские автономии, находились на иждивении России: в наибольшей степени — Грузия (расходы её бюджета в 5 раз превышали доходы, не считая искусственно завышенных цен на главную статью её вывоза — сельскохозяйственную продукцию и вина), в наименьшей — Азербайджан (поскольку был главным источником нефти в СССР в 1920-е — 1940-е гг.). За счет России в них были построены все промышленные предприятия, метрополитены в столицах и пр., и пр., и пр.

То, что советская власть Россию обирала, от населения СССР скрывалось. Потому, например, грузины высокий жизненный уровень в Грузии вполне искренне считали исключительно своей заслугой и потому даже в быту разговаривали с русскими высокомерно-снисходительно (хотя, если были у тех в служебной, научной или иной зависимости, проявляли глубокую почтительность). Был и ещё один минус. Закавказье представляло собой очаг, раковую опухоль коррупции, после смерти Сталина пустившей метастазы в Москву, а потом и везде.

После развала СССР закавказские республики провозгласили себя независимыми государствами и, разумеется, сразу же обвинили Россию в колониализме, в унижении национального достоинства и в разграблении национальных богатств, а Грузия (З.Гамсахурдия, М.Саакашвили) и Азербайджан (А.Эльчибей) стали проводить открытую политику ненависти к русским. Лишь армянские руководители были поосторож-

ней, понимая, что без России на первых порах придётся тяжело. В итоге с 1989 по 2010 г. русское население в Грузии сократилось в 13 раз, в Азербайджане в 3 раза (это не считая бежавших в Россию после погрома в Сумгаите в 1988 г.). Не сократилось только в негостеприимной Армении, где инородцев, даже в советское время, никогда не было больше 3%.

В параде суверенитетов приняли участие также Абхазия, Южная Осетия и Нагорный Карабах, что привело к Грузино-абхазской (1992—1993), Грузино-южноосетинской (1992—1993) и Армяно-азербайджанской (Карабахской, 1992—1994) войнам. России пришлось вступать в роль арбитра и вводить свои миротворческие войска, а в 2008 году — защищать южных осетин от агрессии Грузии.

Что имеем сегодня? Грузия разорвала дипломатические отношения с Россией. Азербайджан стал демонстративно рвать связи с Россией, ориентироваться на Турцию и говорить с Россией наглым тоном (впрочем, Азербайджан далеко не единственный). Армения, после того как Россия отказалась проливать кровь за Нагорный Карабах, заняла прозападную позицию и даже заключила с США договор о стратегическом партнёрстве — по сути, антироссийский договор. Даже абхазам, сидящим сегодня на шее России, не понравились намерения вложить средства в развитие курортного дела, и они свергли дружественное России правительство Абхазии, при этом бесцеремонно требуя вернуть им бесплатные поставки электроэнергии.

Это — по ту сторону Главного Кавказского хребта. По эту сторону... В России живёт армян больше, чем в Армении, грузин — то ли полмиллиона, то ли миллион, точно не известно (в самой Грузии 3,2 млн.), азербайджанцев — порядка 3-х (по др. оценкам 4-х) млн., в т.ч. 700 тыс. только в Москве (в самом Азербайджане 8,2 млн.). Почти все они имеют второе (российское) гражданство и занимаются бизнесом — легальным, нелегальным или (особенно азербайджанцы) криминальным, перекачивают миллиарды из России в свои республики, сбившись в плотные этнические общины с большой долей ОПГ и поделив между собой сферы деятельности. Например, азербайджанцы контролируют «колхозные» рынки во многих крупных городах и решительно расправляются с конкурентами. С азербайджанцами связано большинство случаев массовых отравлений «палёной» водкой. Они столь же вызывающе ведут себя по отношению к русским, как и северокавказцы, будучи твёрдо уверены, что диаспора их защитит через официальные, патронируемые своим МИДом земляческие организации «АзерРос» и «ВАК» с помощью

влиятельных связей или подкупа. И, надо сказать, этнических конфликтов между грузинами, армянами, азербайджанцами (таджиками, киргизами и т.д.) в России практически не происходят — вроде как между союзными оккупационными войсками.

Итак, дружбы народов не получилось. Дружба была только у фронтовиков. Звания Героя Советского Союза были удостоены 106 армян, 90 грузин, 43 азербайджанца, 33 осетина, 29 дагестанцев, 8 кабардинцев, 6 адыгейцев, 5 чеченцев, 2 балкарца (великороссов — 8160). Были отдельные периоды мирного сосуществования в царское время да совсем немножко в сталинскую эпоху, и только.

Конечно, крайне отрицательную роль сыграло разделение Кавказа большевиками на национальные автономии и стремление заставить кавказцев жить по законам «научного коммунизма», но это далеко не единственное. Не менее важно то, что большинство кавказских, особенно северокавказских народов не только не вписывается в Русский мир, но и в европейскую цивилизацию вообще. Никакие, даже самые астрономические вливания Петербурга, а затем Москвы в экономическое, социальное и интеллектуальное развитие не изменили ни менталитета северокавказцев, ни их, мягко говоря, недружелюбия к русскому народу. «Симбиоза» этносов (по Гумилёву) не получилось, а учитывая, что русский этнос ныне находится в фазе «надлома» (упадка), и не получится.

С Закавказьем мы расстались — наверное, навсегда. Горевать не будем. По сравнению с потерей исконно русских территорий — Новороссии (с Одессой, Николаевом, Криворожьем, Днепропетровском), Харьковщины, земель Уральского казачества, Южной Сибири и Рудного Алтая (ныне именуемых Северным и Восточным Казахстаном) это не столь большая потеря. В чём-то даже хорошо — меньше нахлебников.

Плохо то, что закавказские государства стали, мягко говоря, явно недружественными. И немалая вина в этом Кремля, который в своё время, посылая проклятья советскому прошлому, приветствовал и проклятья автономий, в упор не видя, что это — проклятья России, проклятья русскому народу. На все антирусские выпады, начиная со СМИ и кончая школьными учебниками, ни российский МИД, ни российские послы в закавказских республиках ни разу даже не заявили протеста, не говоря уже о применении экономических санкций (то же и в отношении среднеазиатских республик). Ещё хуже то, что эти государства могут стать плацдармом откровенно враждебных России сил — от Турции до Ан-

глии и НАТО. С учётом всего этого когда-то придётся избавляться от явного излишества закавказских мигрантов — и чем раньше, тем лучше.

Что касается Северного Кавказа, то затишье там временное и неустойчивое, основанное на личных взаимоотношениях Кадырова и Путина и продолжающееся до тех пор, пока оба они у власти. При нарушении сложившегося равновесия Северный Кавказ, опутанный клубками противоречий, взорвётся, и притаившиеся до поры до времени тёмные силы вновь выйдут на поверхность, как это уже было в 1920-е, 1940-е и 1990-е гг. При этом надо иметь в виду особенности менталитета горцев (плохо совместимого с русским менталитетом) и то, что у Кадырова в прямом его подчинении есть 25-тысячная армия, оснащённая современным оружием и фактически неподконтрольная Минобороны, МВД и Росгвардии.

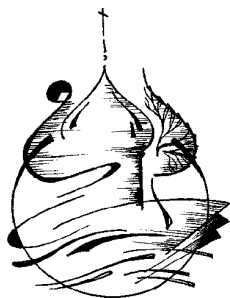
Чтобы обеспечить мир и порядок в России и целостность её оставшейся территории, нужно заставить всех граждан страны жить по одним государственным законам независимо от национальности, религии и обычаев и создать равные социально-экономические и правовые условия областям, краям и автономиям. А чтобы заставить, нужна политическая воля власти. Но этого мало.

Прежде всего, необходимо прекратить политику дискриминации и унижения вымирающего русского народа. Эта политика была начата в 1918 году большевиками (вспомним не прекращавшиеся вплоть до 1934 г. завывания вождей РКП(б)—ВКП(б) об угрозе «великодержавного русского шовинизма») и продолжалась все годы советской власти с перерывом на 1941—1945 гг. В 1990-е годы рыночные демократы перевели её на более «высокий» уровень — до прямых оскорблений русского народа вплоть до обвинения его в фашизме. С 2000-х годов политика приобрела новую целенаправленность — замещение русских в России мигрантами и создание последним «режима наибольшего благоприятствования».

Если не вернуть русский народ в такое же положение, которое он занимал при царях, когда инородцы считали за честь называться русскими, прочного мира и покоя в России не будет. Царские власти хорошо понимали, что русские — это основа государства, его фундамент и несущий каркас. Современные власти понимать этого пока не хотят.

ВЕЛИКАЯ МИССИЯ РУССКОГО МИРА

В борьбе с Ордой Русский мир сумел отстоять свою духовную самостоятельность и суверенитет. Но сразу же перед ним возникли и другие угрозы — на этот раз со стороны Запада. Наибольшую опасность здесь представляли гегемонистские притязания англосаксов и романо-германцев. В 1439 г. на Флорентийском Соборе папа римский убедил московского митрополита Исидора (грека по происхождению) предать Православие и подписать т.н. унию, согласно которой Святая Русь переходила под главенство растленных римских пап. Русская церковь, Русский народ не приняли этого позорного документа, Исидор был низложен с поста митрополита и бежал из России. Следующую попытку подчинить себе Русь паписты предпринимают после женитьбы Великого князя Ивана III Васильевича на племяннице последнего византийского императора Константина XI Палеолога — Софье Палеолог в 1472. Однако Софья Палеолог не поддалась на уговоры папистов повлиять на Великого князя в пользу установле-

СИМВОЛ ВЕРЫ

ния в России главенства папы римского и заставить русскими отказаться от идеалов Святой Руси.

Во 2-й половине XV века, после захвата Константинополя турками (1453) и окончательного духовного разложения католицизма, Русь стала главной православной державой мира, продолжавшей в чистоте сохранять правду Христову и святоотеческие заветы. Как позднее справедливо отмечал константинопольский патриарх Иеремия: «Ветхий Рим погиб от ереси; Второй Рим — Константинополь в руках безбожных агарян. Русское царство, Третий Рим, — все другие превзошло своим благочестием».

С 1439 Русская Церковь получила полную независимость от Константинопольского патриархата. Митрополиты Московские и всея Руси стали ставиться без участия иноземцев. В знак наследования православных и государственных традиций Византии Русь принимает в свой герб двуглавого орла и начинает именовать себя «богохранимым, преименитым царством, благочестием цветущим». Русь уверена в своей великой миссии служения Правде Божией. Старец Филофей пишет Великому князю Василию III: «Два Рима убо падоша, а третий стоит, а четвертый не быти». С Ивана III и Василия III русские государи начинают именовать себя царями (от лат. цезарь), хотя официально этот титул вводится с 1547 Иваном Грозным.

Период с середины XIV века до начала Смутного времени — ярчайшая страница в истории духовного торжества Русского мира. Никогда ни до, ни после этого времени Русь не знала такого количества подвижников благочестия, просиявших святостью своей жизни. В их числе св. Сергей Радонежский и св. митрополит Алексей, св. Геннадий Новгородский и св. Иосиф Волоцкий, св. Нил Сорский и св. Дионисий Глушицкий, св. Савватий Соловецкий и св. Александр Куштский — всего более двух сотен русских святых, сформировавших во всем духовном блеске и глубине русское национальное сознание, взгляд на жизнь как служение Правде Божией, государю и родной земле.

Монастыри распространились по всей Русской земле, играя роль не только духовных и просветительских, но и учебных, научных, издательских, художественных и хозяйственных центров. Бесчисленные чудеса совершались по молитвам русских людей при чудотворных иконах Божией Матери. Сохранившиеся литературные памятники эпохи, жития святых, проповеди и государственные документы доносят до нас народный идеал православной жизни: молитва и труд, благочестие и трудолюбие, любовь к Родине и ратный под-

виг, почитание государя и духовенства, добротолубие и нестяжательство. Составленный в конце XIV века «Летописец Великий Русский» продолжил традицию общерусского летописания, проникнутого идеей единства Русской земли в ее непрерывном развитии с древнейших времен от Киева и Новгорода.

Идея торжества русской святости и государственного единства ярко выразилась в составленном митрополитом Макарием полном своде древнерусской письменности, энциклопедии русских духовных знаний и литературы — Четьих-Минеях. В них вошли жития всех общероссийских и местночтимых святых. Последние, включенные в общероссийский свод, получали всеобщую известность и начинали почитаться по всей Руси. «Такая мера духовно скрепляла областную Россию с ее политическим центром и много содействовала тому, чтобы отдельные области, вчерашние уделы видели в себе членов общей семьи, а в Москве и ее царе — свою столицу и общего всем владыку» (Е. Шмурло).

Консолидация Русской земли со 2-й половины XIV века до начала XVII века отмечена мощным подъемом национальной литературы и искусства, широким развитием книгопечатания. «Сказание о Мамаевом побоище» и его эпическая передача в «Задонщине», многочисленная житийная литература, в которой особое место занимают жития Сергия Радонежского и Стефана Пермского, написанные русским писателем Епифанием Премудрым, ярко отражают духовно-нравственные представления Святой Руси. В памятниках зодчества — в Московском Кремле, в Звенигороде, в Троице-Сергиевой лавре, церквах Новгорода и Пскова, русская архитектура достигает высшего духовного уровня, которому соответствовали великие произведения русских живописцев: св. Андрея Рублева, Даниила Черного, Феофана Грека. Символом духовного расцвета русской цивилизации стала икона Андрея Рублева «Троица». В иконе выражены идеи совершенства, красоты и нравственного миропорядка Святой Руси. В ней видны сила той Божественной красоты, о которой Ф.М. Достоевский сказал, что она спасёт мир, а также готовность к самопожертвованию ради добра, добротолубие как высшее состояние духа воплощения Святой Руси, главных ценностей Русского мира.

Государственное устройство Руси к середине XVI века было усовершенствовано на основе древней традиции сочетания сильной центральной власти и широкого местного самоуправления («губные старосты»). Для «совета» со всей Русской землей с середины XVI века цари собирают земские соборы. В «Совет всея земли» входили представители многих сословий,

и прежде всех служилые и посадские люди, духовенство. В судах вводятся «целовальники», т.е. присяжные. Стоглавый собор совершенствует и церковное управление. Выпускаются своды законов — «Царский судебник» и «Стоглав».

Границы Русского мира расширяются на Восток, все земли по течению Волги и до Уральского хребта переходят к России, начинает осваиваться Сибирь. К России постепенно возвращаются западнорусские земли, захваченные польско-литовскими оккупантами. Русские цари формируют программу общерусского объединения.

По мере возвращения в состав Русского мира захваченных польскими оккупантами земель Западной Руси для русского общества возник целый ряд проблем. Прежде всего это было связано с тем, что за столетия оккупации часть населения этих земель подверглась разрушительному влиянию англосаксонской идеологии, особенно это касалось высших слоев общества, которое в значительной степени (но не все) интегрировалось в растленный западный миропорядок и отошло от идеалов Святой Руси. Простой народ избежал этого влияния, не поддался ему.

Одновременно существовала еще одна серьезная опасность, с которой Русь столкнулась при освобождении оккупированных Польшей русских земель, — назовем ее хазарский фактор.

После разгрома князем Святославом Хазарского каганата большинство его населения растворилось в среде туркоязычных народов и вошло в состав Золотой Орды, терзавшей Русский мир. Другая часть хазар, исповедующих иудаизм, осела на западнорусских землях. Эта часть впоследствии стала называться восточнославянскими евреями-ашкенази, продолжателями традиций Хазарского каганата, продолжателями его экспансионизма и ненависти к идеологии Руси. Именно они принесли на эти русские территории герб Хазарского каганата — трезубец, который в конце XX века стал гербом фашистской, бандеровской Украины.

Таким образом, на западнорусских землях возник враждебный Русскому миру анклав, объединивший в себе фашистские традиции англосаксов и фашистские традиции потомков хазар. В годы революции и Гражданской войны именно они составляли костяк так называемой «ленинской гвардии» и являлись организаторами массового террора, унесшего жизни миллионов. Хазарский фактор сыграл трагическую роль и в других событиях в Русском мире, но начиналось всё с влияния англосаксов и потомков хазар на идеологию Святой Руси.

Первым серьезным идеологическим противоречием, возникшим в духовной сфере Русского мира, был спор между иосифлянами и нестяжателями как выразителями двух сторон одного идеала православной жизни, которая стала терять целостность в результате вторжения в нее западных, англосаксонских, католических и протестантских представлений, тесно связанных с представлениями потомков Хазарского каганата, расселившихся на землях Западной Руси.

Наиболее четко сущность этого противоречия сформулировал Г. Флоровский: «Разногласие между иосифянством и заволжским движением можно свести к такому противопоставлению: завоевание мира на путях внешней работы в нем или преодоление мира через преображение и воспитание нового человека, через становление новой личности. Второй путь можно назвать и путем культурного творчества».

Как мы уже видели, для первых веков Православия было характерно соединение начал внешней работы в мире и преображение души. Раскол этих начал был первым шагом к духовному кризису в обществе и, более того, грядущему расколу Церкви. Западно-европейское возрождение, развитие начал абстрактного гуманизма и рационализма косвенным путем через западнорусские земли приходит и на Русь. Здесь оно задевает только умы духовных лиц и интеллектуалов того времени, внося в них заразу сомнений в правильности духовной жизни Руси. Это был первый соблазн, который выпал этим умам, искус которого они не выдержали. Вместо целостности, которая была им передана предками, они приняли «или—или». Противопоставляя себя друг другу, и нестяжатели, и иосифляне несли в себе только часть истины. Полная же истина, казалось, оставалась в прошлом.

Однако в то время Церковь сумела преодолеть противоречия: духовный опыт нестяжателей Нила Сорского, Вассиана Патрикеева, Максима Грека и опыт последователей Иосифа Волоцкого был творчески усвоен и соборно принят, хотя и не без драматических страниц. Церковь признала истинность и праведность обеих сторон. Москва — Третий Рим строила великое и новое христианское царствие, объединенное соборной любовью.

XVI век для Русского мира был веком упрочения национальных основ, он же подвел ее и к грядущим испытаниям. «Это было время собирания. Собирали старину — притом именно местную, русскую старину, к греческим образцам заново не обращались» (Г. Флоровский). Греческий источник заменяется своими древнерусскими навыками, обычаями и преданиями. Русское подвижничество и святость (XV—

XVI вв. дали сотню подвижников) становятся высшим образцом, канонизируются святые, составляется огромный свод книг «Жития святых», большую часть которых составляют русские.

Расцвет Русского мира не был безоблачным. Высшая точка его развития приходилась на этап трагического крушения англосаксонского мира. Кризис Западной Церкви и христианских монархий в Европе, начавшийся с отпадения Рима от Православия, привел Запад в середине II тысячелетия к всеобщей катастрофе. С этого момента, по справедливому замечанию русского философа А.Ф. Лосева, осуществляются развертывание и оформление сатанинского духа Запада, ступенями которого были капитализм и социализм. Западный англосаксонский мир вошел в полосу деградации и одичания. Этому способствовало и развитие научно-технического прогресса, который в условиях упадка веры превращал человека в раба возрастающих материальных потребностей. Западный мир становился всё более одномерным. Духовная доминанта человечества, ранее определяемая христианством, ценностями Нового Завета, перемещалась на периферию общественного сознания, а на авансцену истории выходили бездушие, эгоизм и ограниченность человека, живущего только потребительскими, плотскими интересами. Живший по Правде Божией человек Святой Руси не мог принять эту убогую шкалу жизненных ценностей англосаксов. Столкновение между Русью и западными странами было не простым межгосударственным конфликтом, а борьбой двух противоположных миров — русского духовного, христианского и западного потребительского, антихристианского.

Разрушительное влияние Запада на Русский мир во 2-й половине XVI — начале XVII века проявилось в поведении части правящего класса России и в событиях Смутного времени.

К середине XVI века на Руси сформировалась своего рода пятая колонна представителей правящего класса, ориентированная на Запад, явно или неявно отвергавшая духовные ценности Святой Руси и готовая пойти на предательский сговор с англосаксами и другими историческими противниками Руси. Пятая колонна формировалась преимущественно из князей и связанных с ними служилых людей, выходцев из западнорусских земель, оказавшихся в составе Великого княжества Литовского, с их землями, княжествами. Так, например, в последней четверти XV века к Москве перешли «верховские» (т.е. владевшие землями по верховьям Оки и Десны) князья Воротынские, Белевские, Одоевские,

Вяземские, княжество в Смоленской земле, княжества по рекам Десне и Сожу до самого Днепра.

«Западники» ставили свои личные интересы превыше русских государственных интересов, а когда встречали отпор со стороны царя, бежали на Запад. Во 2-й половине царствования Ивана Грозного в его окружении зреет измена. Для защиты государства от изменников Иван Грозный создает т.н. опричнину (опричный удел) и опричный полк. Русь разбивается на две части — опричнину и земщину. Царь начинает «перебирать своих людишек, искоренять крамолу». Князья и бояре, замешанные в крамоле, подвергаются казни, их земли отбираются в казну или раздаются опричным дворянам. Всего, по оценкам историков, казнено было 3–4 тысяч человек. Опричнина серьезно подорвала позиции крупной земельной аристократии, ориентированной на Запад, не позволила осуществиться многим преступным замыслам. Так, по данным польских летописцев, в 1568 приближенные к Ивану Грозному изменники-бояре устроили заговор и задумали связать царя и передать его польскому королю. Изменники были казнены. Решительные действия Ивана Грозного по искоренению крамолы имели важнейшие последствия после пресечения династии Рюриковичей и воцарения Бориса Годунова. Последствия Смутного времени были бы для России гораздо серьезнее, если бы Иван IV не ослабил влияния западников. Верхушка самых активных сторонников перехода в подданство к польскому королю была уничтожена Иваном Грозным, а оставшиеся «западники» не имели достаточно влияния, чтобы заставить русское общество отречься от Православия и идеалов Святой Руси и принять католичество.

Вера в Святую Русь сплотила Русский народ во время польской оккупации. Патриотическое движение Козьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского объединило лучших людей России. Интервенты были изгнаны. Земский Собор 1613 г. призвал на царство Михаила Федоровича Романова. Возникла новая династия. Первый царь из этой династии не сразу распустил Земский Собор, а правил, опираясь на него, согласуя с его членами многие важные решения. Русские духовные традиции в это время углубляются и достигают своей завершенности. Примером человека Святой Руси был царь Алексей Михайлович, за свой благочестивый и благодушный нрав названный Тишайшим. В его царствование Русское государство укрепляется, выпускается новый свод законов «Соборное уложение». В состав России возвращается Малороссия. Развиваются литература и искусство. Русское зодчество той поры поражает красотой и совершенством форм.

Точкой отсчета начала разрушительных процессов в русском мире следует считать раскол в Русской Церкви, подорвавший духовное единство Русского народа. С этого момента православный монолит начинает дробиться. В сознание русских людей входит соблазн духовной раздвоенности — соблазн «выбора» веры в духе англосаксов и романо-германцев.

Раскол породил движение старообрядчества, которое было первым массовым движением народного протеста против принятия правящим классом чужеземных порядков и отказа от традиций родной старины. Исследуя требования старообрядцев, становится ясно, что они боролись, прежде всего, за ценности Русского мира. Сохранение церковных обрядов было только общим символом национальной борьбы за сохранение отечественной самобытности, диапазон которой был очень широк, включая быт и культуру. Старообрядцы ставили во главу угла спасение души, но это не отвлеченное понятие, сводимое к религиозному догмату, а спасение душевной целостности и чистоты в том виде, как это понималось предками. Старообрядчество — народное движение национального сохранения, реакция на отход значительной части правящего и образованного слоя общества от национальных основ бытия.

Первым серьезным ударом по Русскому миру была церковная уния, т.е. подчинение Западнорусской Церкви римским католикам. Опершись на предательские, изменнические элементы русского общества в западных землях, католицизм потаённо, путем темных интриг, разрушил духовное единство Русского народа, создав противоречие между народом и правящим слоем, значительная часть которого решилась на отступничество, отход от идеалов русской цивилизации. Как справедливо отмечал Г. Флоровский, уния расколола Западнорусскую Церковь, разъединила иерархию и народ. Это было, прежде всего, клерикальное движение, инспирированное Западом, англосаксами. Уния была делом западных епископов, действовавших в отрыве от церковного народа, без его свободного соборного согласия и совета, «скрыто и потаенно, без поразумления народу християнского». И создавалось странное положение: во главе православного народа оказывалась униатская иерархия, подобострастно подчинявшаяся всем унизительным антирусским решениям Рима. Подавляющее большинство Русского народа в западных землях не приняло унию, а к униатским священникам относилось как к предателям и отступникам от веры.

С этих пор западная часть Русского мира стала оплотом разрушения всего Русского мира. Католицизм и его политический агент — униатство — подтачивали его ценности, отравляя сознание правящего класса и духовенства этих земель.

К концу XVI века часть правящего класса западнорусских земель окатоличилась, а часть подпала под униатство. Только твердый протест простого народа удерживал остальную часть правящего класса от духовного разложения, но даже в эту оставшуюся часть вливался яд западной, англосаксонской пропаганды, выражавшийся в презрении к традиционной культуре Русского мира.

Даже православные священники и иерархи в западных землях вольно или невольно подпадают под разлагающее влияние чуждых духовных представлений. Прежде всего это отражается в сочинениях западнорусских писателей того времени, которые были преимущественно духовного сана. «Всего важнее и опаснее было то, что русские писатели призывали обсуждать богословские религиозные вопросы в их западной постановке» (Г. Флоровский). Именно с тех времен «известный налет протестантизма навсегда остался на украинском народном складе», чему способствовал и хазарский фактор.

Язва униатства сохранялась и поддерживалась в западных землях с помощью католического золота, воспитывая тысячи отступников от Русского мира и Православия. Именно используя униатство, части Русского народа, жившего в западных землях, удалось внушить, что он не русский, а какой-то особый — украинский народ.

Внешне католицизм ни на йоту не ущемил формальной канонической стороны Западнорусской Церкви. Все обряды и каноническая независимость были сохранены, а главный удар католицизма пришелся на духовно-нравственную сферу Русского народа, поразив его мировоззрение и язык. Католики были готовы закрывать глаза на религиозно-догматическое расхождение, но за это требовали власти над Русским народом. Они стремились поработить душу народа, что им из-за предательства правящего класса в значительной степени и удалось.

«Внутренняя свобода и независимость были потеряны, и было утрачено и само мерило для самопроверки. Восточные связи были прерваны. Утверждается чуждая и искусственная, неорганическая традиция, и она как бы перегораживает творческие пути». На опустевшем месте строится англосаксонская латинская и латинствующая школа. «Латинизации

подвергаются не только обряд и язык, но и богословие, и мировоззрение, и сама религиозная психология. Латинизируется сама душа народа» (Г. Флоровский).

Латинизация народного сознания в западных землях имела трагические последствия не только для западнорусского народа. После возвращения западных земель в состав России эта латинизация начинает проникать и в центральные области страны, отравляя национальное сознание правящего класса, хотя практически не затрагивает сознания широких народных масс.

Ректор Киевской духовной академии С. Яворский учился у иезуитов, принял римское послушание и лишь позднее вернулся в Православие. Его книга «Камень веры» — компиляция из многих латинских книг. Как отмечал Г. Флоровский: «Сложилась школьная традиция, возникла школа, но не создалось духовного творческого движения. Сложилась подражательная и провинциальная схоластика, именно *школьное богословие*». Это обозначало некую новую ступень англосаксонского религиозно-культурного сознания. Но в то же время Богословие было сорвано с его живых национальных корней.

Русская икона, столетиями воплощавшая высшие духовные начала русской жизни, ее целостность и стремление к добру, теряет многие из этих качеств. Мощные, глубокие образы Бога и святых заменяются их описательными изображениями, в которых видишь не Бога или подвижника, а портрет человека-современника. Духовный образ вытесняется рисунком с подробностями. Русская икона, тревожившая духовные начала человека, шедшая к его сердцу через духовные представления о Боге, сейчас ищет этот путь через чувственно-плотские представления о Нём. Бог и святые на иконах становятся похожи на нарядных бояр или даже немцев, картины мироздания или подвижнической жизни святых теряют обобщенность и начинают походить на бытовые рисунки.

В России сложилась традиция, что по всем важнейшим вопросам руководители Церкви принимали точку зрения царя. Царь — помазанник Божий, его разумом и устами говорит сам Бог. В лице царя олицетворялось Российское православное государство, значение которого было абсолютно в сознании русских людей.

Царь, Церковь, государство — неразрывные понятия, и ни у кого из русских людей не могло возникнуть мысли рассматривать их в отдельности. Царь — воля, Церковь — дух, государство — тело, и всё это вместе православное государ-

ство. Неразрывность этих понятий придавала устойчивость и стабильность могучему организму России, но вместе с тем повреждение одного из этих составляющих вело к глубокому кризису всей целостности. Это хорошо понимали враги России. С ненависти «к царю и попу» (революционный лексикон) начинались все попытки разрушения российской державы.

Существует мнение, что царь Петр I своей церковной реформой ввел в Русскую церковь протестантские элементы, произвел раскол между властью и Церковью (Г. Флоровский). Это чисто формальный и поверхностный взгляд. Напротив, царь Петр довел до логического завершения целостность «царь — Церковь — государство», изъяв из нее все возможности противоречий. Что бы ни говорили о Петре, но он мыслил национально, заботился об интересах Российского государства и если и проводил реформу Церкви, то на основе сложившихся традиций. Введением нового «Духовного Регламента», упразднением патриаршества Петр юридически узаконил уже реально существовавшее положение дел, ведущую роль православного царя — хранителя государства в церковной жизни. Возвеличивание царской власти, главенство царя в духовной, церковной жизни не изобретение Петра, а факт национальной жизни, существовавший задолго до него. Петр придал этому факту юридическую определенность.

Национальному духу страны соответствует мысль Феофана Прокоповича, принадлежащая, по своей сути, самому Петру: «Государь — власть высочайшая, есть надсмотритель совершенный, крайний, верховный и вседействительный, т.е. имущий силу и повеления, и крайнего суда, и наказания над всеми себе подданными чинами и властью как мирскими, так и духовными. И понеже и над духовным чином государственное надсмотрительство от Бога установлено есть, того ради всяк законный Государь в Государстве своем есть воистину Епископ Епископов».

Образование Священного Синода, возглавляемого самим царем, и упразднение патриаршества только укрепили позиции Русской Церкви: не раскол духовной и царской власти произошел, а, наоборот, их объединение. Церковь была и осталась частью православного государства, ее литургическая сторона сохранялась без изменений. Разрушение Церкви осуществлялось не в результате петровских реформ, а по мере разрушения Российского государства, с которым она была связана неразрывно, а также с появлением на российском престоле неправославных государей. Эрозия национального государства, космополитизация его в XVIII—XIX веках, за-

падноевропейский, англосаксонский чиновничий дух, насаждаемый в госаппарате, омертвили многие естественные связи Православной церкви и государства, превращая священников в своего рода государственных служащих, сводя на нет духовно-нравственный авторитет Православия.

Еще больший вред Русской церкви нанесло внутреннее разложение значительной части ее священников. Речь идет о внедрении в сознание западноевропейских религиозных представлений и потребительского мироощущения. В мыслях, в выборе тем и слов богословских обсуждений всё сильнее чувствовался западный дух. В проповедях и богословских трудах всё чаще использовались сочинения католических и протестантских клириков и всё реже — русских мыслителей и подвижников.

Во 2-й половине XVII века, а особенно при Петре, из западных земель хлынуло в российские столицы большое количество священников и монахов, просто отравленных хазарским и англосаксонским духом, католическими и протестантскими представлениями. Вера для них — обрядовая формальность, Церковь — роскошь, священники — духовные дворяне, стоящие над толпой. Духовно-нравственные представления Православия, добротолубия, соборность им были непонятны и чужды, подвижничество служение добру для них — пустая фраза.

Пришельцы с западных земель несли не духовную культуру, а ее суррогат, состоявший из примитивно-школьного освоения католических и протестантских, англосаксонских и хазарских мотивов. Оторванность от народной культуры, школярство, духовная беспочвенность, умноженные на редкое самомнение малороссийских учителей-чужаков, вели к перерождению русского Православия и деградации части православных священников.

«Все эти наставники были для учеников в собственном смысле слова люди чужие, наезжие из какой-то чужой земли, с своеобразными привычками, понятиями и самой наукой, со своей малопонятной, странной для великорусского уха речью; притом же они не только не хотели приноровиться к просвещаемому ими юношеству, но даже явно презирали великороссов как дикарей, над всем смеялись и всё порицали, что было не похоже на их малороссийское, а всё «свое», навязанное «западными просветителями», выставляли и навязывали как единственно хорошее».

Эту мутную волну псевдопросвещения русской культуре удалось преодолеть только во 2-й половине XVIII, отчасти даже в начале XIX века.

Прекрасная оценка этого «просветительства» была дана М.В. Ломоносовым, который из своего учения в подобной школе не смог вынести полезных знаний, кроме мертвой латинской схоластики и отчасти некоторого знания слов латинского языка. Ученики бежали из этих школ, ибо они были чужды и почти бесполезны. Была поломана традиционная русская система подготовки священников.

Учителя из западнорусских земель, воспитанные по-англосаксонски, в католическом, протестантском или хазарском духе, предлагали своим ученикам, прежде всего, знание мертвой латыни, латинскую грамматику, риторику, пиитику, заучивание латинских вокабул и флексий, бессмысленную зубрежку. Сами учителя в этой латыни чаще всего были не вполне тверды и заставляли своих учеников заучивать просто варварскую тарабарщину. В национальном смысле это обучение носило антирусский характер, ибо всё коренное и самобытное объявлялось этими учителями темнотой и невежеством. Обучение вопросам веры велось формально по латинским учебникам, бессмысленными силлогизмами прерывалась отечественная традиция религиозного сознания как добротолубия. Богословие приобретает латинский, западный характер, богословские диспуты ведутся на латыни в неуклюжих, примитивных, схоластических формах. Главным становился не поиск истины, а выбор формы изложения, стандартных выражений. Язык богословия, если его сравнивать с языком богословских произведений Древней Руси, стал беден и примитивен.

В общем, как справедливо отмечает Г. Флоровский: «Это «школьное» богословие было в собственном смысле беспочвенным. Оно взросло и взросло на чужой земле. Точно надстройка над пустым местом и вместо корней — сваи. Богословие на сваях — вот итог XVIII в.».

Но это богословие не ушло без следа, его образцы в той или иной форме проявлялись в духовных учреждениях России и в XIX веке. Беспочвенное богословие рождало беспочвенное духовенство, а от беспочвенного духовенства один шаг к атеизму и революционным представлениям.

В рассуждениях русских священников появляются мысли и суждения, противоречащие православной традиции. Древняя традиция Русского мира, русского Православия, заключавшаяся в мысли, что вера без дел мертва, что только через подвижничество, через практическое добротолубие можно получить спасение, начинает вытесняться протестантским представлением о спасении только верой. В

этом отношении весьма характерна мысль Феофана Прокоповича, одного из ближайших сотрудников Петра I: «Совершается спасение верою, и дела человека не имеют никогда совершительной силы».

Протестантские и католические влияния сильно поколебали духовную целостность русского Православия. Конечно, этого бы не произошло, если бы на престоле царствовали истинно православные государи, но с Петра I только Елизавету, Николаю I, Александра III и Николаю II можно назвать истинно православными государями, верховными руководителями Русской церкви. Все остальные были нетверды в Православии, некоторые в своей гордыне даже пытались его «улучшить». С национальной точки зрения для особы, возглавляющей Русскую церковь, это было непростительно и вело к разрушению духовного ядра Православия. Екатерина II, например, не видела разницы между Православием и лютеранством. При Анне Ивановне и Бироне гонение на Православие приобрело безобразные формы. Чем сильнее склонялись к Западу русские императоры, тем больше Священный Синод напоминал некую канцелярию. Хотя сам принцип главенства царя в духовной жизни был верен, дело было не только в самом царе. Отделить Церковь от царя и государства значило то же, что и произвести большевистскую реформу.

В XVIII веке в духовном сословии целенаправленно формируется слой людей, своего рода «орден», из которого в основном формируются епископы Русской Православной Церкви — орден ученного монашества, западническое включение в Русскую Церковь. Как пишет Г. Флоровский: «Это «ученое монашество» возникает впервые на Юге в XVII в. в связи с заведением новых латинских школ. И вместе с этими школами переходит и на Север. От живых монастырских преданий это новое монашество вполне отрывается. Между монашеством «ученым» и монашеством монастырским не было взаимного понимания, и рознь между ними достигала иногда трагической остроты. И главный парадокс в судьбе «ученого монашества» связан с тем, что организуется оно под властью и верховенством оберпрокурора... Это было не только омирщение, но бюрократизация монашества. «Орден» создается светской властью как средство властвовать и в Церкви. В сущности, то было только номинальное монашество, кроме видимого «образа» или одежды здесь мало оставалось монашеского. Это ученое «черное» духовенство всегда меньше было носителем аскетического начала. Обеты молчаливо пренебрегались по невыполнимости. Монашество для «ученых»

перестает быть путем послушания и подвига, становится для них путем власти, путем ко власти и чести» (Г. Флоровский).

XVIII—XIX века нанесли русскому национальному сознанию, самому русскому духу, русскому духовному религиозному сознанию огромный и, можно сказать, невосполнимый урон. Это сознание, отмечает Г. Флоровский: «Так часто сжималось, сжималось, укрывалось в молчании, в отталчивании и замалчивании вопроса для самого себя. Утрачивался единый и общий язык, терялась та симпатическая связь, без которой взаимное понимание невозможно. И этому еще более содействовали те насмешки и издевательства, в которых так любовно изощрялись русские культустрегеры и просветители XVIII века. В истории русского Православия и русского национального сознания вообще все эти противоречия и ушибы XVIII века отзывались и сказались с большей силой и болезненностью».

Но Русский мир держал удар, сохраняя свое духовное превосходство над Западом, отражая все попытки англосаксов и романо-германцев ослабить и разрушить наше государство, общество и культуру, захватить наши богатства.

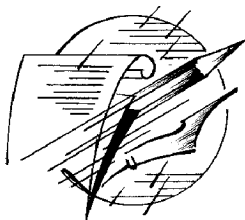
Продолжение в следующем номере

ЦАРЬ ИУДЕЙСКИЙ?

20 января 2025 года на пост 47-го президента США вступил Дональд Трамп, который уже был хозяином Белого дома в 2017—2021 годах (45-м президентом).

Почти все президенты США — потомки выходцев с островов Туманного Альбиона (из Британии). Конкретно: из Англии, Шотландии, Уэльса, Северной Ирландии. За исключением восьмого президента Мартина Ван Бюрена, происходившего из Голландии, и 34-го президента Дуайта Д. Эйзенхауэра, предки которого жили в Германии и Швейцарии.

Все американские президенты называли себя христианами. Но если уточнять, то почти все они были протестантами разных толков: англиканцы, кальвинисты, методисты и проч. Так, Гарри Трумэн, Джимми Картер и Билл Клинтон себя позиционировали как баптисты. Герберт Гувер — как квакер. Дуайт Д. Эйзенхауэр и Рональд Рейган — как кальвинисты. Франклин Рузвельт и Джордж Буш-старший — как англиканцы. Джордж Буш-младший — как методист. Что касается Барака Обамы, то он заявлял о своей принадлежности к протестантизму, но не уточнял, к какой его вет-

ТАЙНОЕ И ЯВНОЕ

ви. (Некоторые подозревали и подозревают, что Обама тайно исповедовал ислам.)

В американской истории было только два президента, которые относятся к католической церкви. Это — 35-й президент Джон Кеннеди и 46-й президент Джо Байден. Ни мусульман, ни православных, ни иудеев среди американских президентов не было.

Теперь о 47-м президенте США. Дональд Трамп — из новых американцев, т.е. его предки не были колонистами в Новом Свете. Как отмечают биографы, в родословной Дональда Трампа смешалась немецкая и шотландская кровь. Немецкая — по линии деда Фридриха Трампа, эмигрировавшего в США в 20-летнем возрасте в 1885 году и лишь через семь лет получившего гражданство этой страны. Его жена, бабушка президента США, тоже немка, Элизабет Крист, пережила мужа на 48 лет. Их сын — Фредерик Крист Трамп, отец Дональда Трампа. Шотландской крови Трампу добавила его мать Мэри Энн Маклауд.

По своему вероисповеданию Д. Трамп шел по стопам своих родителей. Он был протестантом-пресвитерианцем. Но в 2020 году неожиданно заявил, что отныне становится «универсальным» протестантом, не отдающим предпочтения ни одному из направлений и толков. Тогда это вызвало большое недоумение. Хотя бы по той причине, что некоторые направления и толки протестантизма между собой не «бьются» (надо выбирать: либо—либо). Их невозможно сочетать. Закралось подозрение, что Трамп вообще порвал с протестантизмом. Тем более что никаких внешних признаков своей протестантской религиозности Трамп не проявлял и не проявляет.

Еще в 2016 году, когда Трамп включился в предвыборную президентскую кампанию, некоторые наблюдатели обратили внимание на то, что этот политик проявляет особые симпатии в отношении Израиля. Потом, уже будучи хозяином Белого дома, он на практике доказал свою особую любовь к Израилю. 6 декабря 2017 года Трамп признал Иерусалим — вопреки решениям ООН об особом статусе этого города — единой и неделимой столицей Израиля и перенес туда посольство США; официально признал аннексию Израилем оккупированных им Голанских высот в Сирии; лично приказал ликвидировать 3 января 2020 года командующего спецподразделением «Аль-Кудс» в составе КСИР Касема Сулеймани и угрожал Ирану применением ядерного оружия; вышел по просьбе Израиля из многостороннего соглашения по ядерной программе Ирана.

И тут возникает удивительная цепочка метаморфоз американского бизнесмена и политика Дональда Трампа, которую с ним проделывают журналисты и разного рода наблюдатели: сначала этого незаурядного американского гражданина называют «лучшим другом Израиля»; затем его уже величают «лучшим другом евреев»; наконец, ему самому присваивают звание «еврей». Примечательно, что Дональд Трамп не только не оспаривает подобные характеристики. Но уже сам себя чувствует евреем. Причем более полноценным и значимым евреем, чем многие другие представители этого народа.

Вот лишь один пример подобной самоидентификации и самооценки Трампа. На мероприятие по сбору пожертвований, организованное ортодоксальными иудеями в отеле Intercontinental в Манхэттене в ноябре 2019 года, был приглашен 45-й американский президент Дональд Трамп. Сбор пожертвований был организован для пополнения фонда финансирования предстоящей в 2020 году выборной кампании Трампа. Президент охотно принял приглашение, цель которого состояла в том, чтобы «показать признательность Дональду Трампу, поскольку никогда раньше евреи здесь, в США и в Израиле, не имели такого верного друга и сторонника в Белом доме». Раввин Йосеф Ицхак Якобсон в начале мероприятия прочитал специальную молитву в честь Трампа: «Благословен Ты, о Боже наш, Царь Вселенной, что ты поделился частью своей любви, славы и сострадания с человеком, который всегда поддерживает честь каждого невинного человека и каждого еврея».

В своем ответном слове Трамп напомнил участникам мероприятия о своих заслугах перед Израилем, лишний раз подчеркнув, что помогать Израилю в Америке очень непросто. В частности, он отметил: «Я дал вам в Иерусалиме посольство, и это было большое дело. Каждый президент обещал это, и это продолжалось десятилетиями. Но только теперь я понимаю, почему мои предшественники этого не сделали: когда я пришел в офис и только заикнулся о переносе посольства — на меня со всех сторон началось немыслимое давление, чтобы я не делал этого».

А далее он затронул тему импичмента. Напомню, что в это время американские демократы задумали организовать импичмент президенту Трампу. И сказал, что если демократам удастся убрать его из Белого дома, то он готов будет продолжить свою политическую карьеру в Израиле. Причем не как-нибудь, а в качестве премьер-министра Израиля. «Я думаю, что у меня рейтинг одобрения в Израиле 98 процентов, — сказал Трамп. — Если здесь что-нибудь случится, я отправля-

уюсь в Израиль. Я буду премьер-министром». Аудитория с радостью восприняла это откровение Дональда Трампа.

А разве может нееврей стать премьер-министром Израиля? Но по логике Трампа и его израильских и произраильских друзей он может стать таким премьером, если предварительно из нееврея преобразуется в еврея. Но разве это возможно? Ведь еврей — национальность, а не вера. Веру можно поменять. Стать, в частности, из протестанта иудеем, т.е. приверженцем иудаизма. А кровь (национальность) разве можно поменять? Но мы сегодня живем в таком мире, где нам говорят, что при желании всё можно поменять. Даже пол.

Наблюдатели давно уже стали замечать, что Трамп в душе почти еврей и почти иудей. По крайней мере, он точно более иудей, чем протестант. Так, Трамп первым из всех действующих президентов в истории США постоял у Стены плача в Иерусалиме (в 2017 году). 7 октября 2024 года (в первую годовщину начала последней войны на Ближнем Востоке) Трамп почтил своим посещением в Квинсе (штат Нью-Йорк) могилу Менахема-Мендла Шнеерсона — духовного лидера движения «Хабад». Ребе был убежденным противником возврата оккупированных Израилем территорий арабам. У него была четкая позиция: двух государств на священной для иудеев земле быть не должно, нет там места для Палестины. Ребе очень популярен у воинственных иудеев. Посещение могилы Трампом — явный знак того, что он приверженец ребе Шнеерсона. И не только политический, но и духовный, поскольку Дональд Трамп был в кипе.

Примеров особых симпатий Трампа к иудаизму очень много. Так, на сайте Global Research News вышла статья «Неразрывная связь между войнами на Ближнем Востоке и Украиной». Ее автор Питер Кениг, известный экономист и геополитический аналитик, ранее работал во Всемирном банке. Анализируя заявления и поступки Трампа, автор статьи задает риторический вопрос: «Неужели Трамп в какой-то момент принял иудаизм?»

Кстати, Иванка — дочь Трампа от первой супруги, чешской модели Иваны, в 2009 году вышла замуж за Джареда Кушнера. Его родители — ортодоксальные иудеи, весьма влиятельные в еврейской общине Нью-Йорка. Иванка перед свадьбой перешла в иудаизм, совершила сложный обряд превращения нееврея в еврея — гиюр, получила древнееврейское имя Яэль («горная козочка»). Пара относится к ортодоксальному течению иудаизма, соблюдает его законы строже большинства молодых американских евреев. Кроме того, Иванка активистка упомянутого выше движения «Хабад».

У четы трое детей: Арабелла Роуз, Джозеф Фредерик и Теодор Джеймс Кушнеры.

Как к этому относится Дональд Трамп? Ответ на вопрос содержится в следующих словах Трампа: «Я горжусь тем, что мои внуки и дочь — евреи!» Еще одно откровение Трампа: «Да, одна из моих дочерей — еврейка. Это не планировалось, просто так получилось. И я рад, что так получилось. У нее замечательная еврейская семья...»

Но израильские друзья пошли еще дальше. Они стали намекать на то, что и Трамп уже стал евреем. Не в переносном смысле, а буквально. Трампу его еврейское окружение с момента рождения первого ребенка Иванки (2011 г.) с завидным постоянством внушает следующее: «Еврей — это не тот, у кого папа еврей, а тот, у кого внуки — евреи». Не знаю, да и сильно сомневаюсь: есть ли такое правило у евреев и иудеев? Но Трампу его израильские и произраильские друзья постоянно намекают: теперь, господин Трамп, вы уже настоящий еврей. В американских СМИ Трампа даже называют «царем Иудейским» или «царем Израиля». Где-то с оттенком иронии. А где-то с восхищением!

Максим ВОРОБЬЁВ

БУДЕТ ЛИ АНТИХРИСТ ГЕНИЕМ?

Течение времени постепенно приподнимает завесу тайны с предстоящей гибели мира, уже совсем недалёкой. История подходит к своему концу. То, о чём не могли помыслить 150—200 лет назад самые выдающиеся умы, ныне стало реальностью. Компьютеры, интернет, сотовая связь, искусственный интеллект стали не просто реальностью — обыденностью. «Откровение» Иоанна Богослова с каждым десятилетием становится понятнее, потому что делается ближе. На большом расстоянии деталей не разглядишь, особенно если нечто находится за линией горизонта. Но постепенно мы приблизились к событиям Апокалипсиса почти вплотную, и теперь

многое можно различить. Тем более что физические, социальные и духовные законы продолжают действовать, и будут действовать по обетованию Божию, до самого конца.

Значит, волей-неволей, развитие событий будет им подчиняться, в том числе и в части, касаемой прихода антихриста. Поэтому для начала нужно внимательно всмотреться в современность. Что же мы увидим?

Ложь на самых разных уровнях — от бытового до государственного и общечеловеческого — стала обыденным явлением. Нежелание называть вещи своими именами, заворачивая их в обертки покрасивее, — тоже разновидность лжи. Виртуальный мир становится главнее реального. Реальность вытесняется из мироощущения человека. Искусственное одерживает верх над естественным, смерть над жизнью. Совесть и честность исчезают из обихода. Ложные, искусственные понятия, возведенные в ранг сакральных, такие, как, например, толерантность или равноправие, вытесняют простое и ясное различение добра и зла. Формируется глобальное, всепланетное поле лжи, укутанное в оболочку виртуальности.

Вспомним, кого святые именуют отцом лжи? Звериный лик человеконенавистника проглядывает сквозь яркие рекламные щиты, проскальзывает в новостях, откровенно призывает к поклонению себе у сатанистов всех мастей. Для пришествия антихриста технически всё готово. В каждом доме есть экран, на котором может появиться его изображение. Почти в каждой руке зажат гаджет, из которого может раздаться повеление великого правителя, обязательное для всего мира. В некотором роде столь страшная для религиозных формалистов печать уже стала обыденностью. И этого никто не заметил, ибо напряженное внимание было приковано к вживляемому чипу. Но разве это единственный возможный вариант? Не каждый ли зажимает в своей руке гаджет, и не на каждом ли лбу сияет отражение его экрана? Дело лишь за конкретным изображением, которому придадут сакральный смысл. А может, это будет видеоролик, с обращением от всемирного владыки к каждому его подданному, в каком бы удаленном уголке земли тот ни находился.

Благодаря современным технологиям роль антихриста может исполнить кто угодно. Даже животное или насекомое. Его представят в наилучшем свете, припишут ему достоинства всего человечества и пророка. Примеры уже были. Вспомните хотя бы осьминога, возведенного в ранг предсказателя, во время очередного чемпионата мира по футболу. А современные западные политики? Всякие шольцы, джонсо-

ны, макроны, урсулы на самом деле — дегенераты в нравственном плане, да и в умственном тоже. В данном случае я пользуюсь свободой неофициального лица и могу говорить правду, не смягчая и не приукрашивая реальность. Зато как своих деятелей превозносят западные СМИ! Их представляют как отважных борцов и выдающихся личностей, хотя через несколько лет о безликой тусовке нынешних западных элит никто и не вспомнит, разве что с презрением и нецензурными выражениями.

Но это лица хотя и публичные, но, так сказать, второго эшелона. Есть и поважнее. Взять, например, того же Илона Маска, наиболее подходящего на роль благодетеля человечества. Что мы слышим и видим из каждого экрана? «Илон Макс запустил ракету! Илон Маск разработал электромобиль! Илон Маск вживил нейрочип!» Каждое слово, каждый чих Маска становится достоянием мировой общественности. Илон то, Илон сё... Как будто он лично делает расчёты траекторий ракет или проводит операцию на мозге. На самом деле разработкой всех проектов занимаются специалисты, инженеры, ученые. Маск же просто распределяет денежные потоки и указывает приблизительное направление развития, вряд ли хорошо разбираясь в технических тонкостях. Даже наверняка не разбираясь, некогда ему во всё вникать, он, понимаете ли, глобальными масштабами мыслит. Что ему какие-то там гаечки, схемочки или наночастицы! Но СМИ знают только Маска и про него твердят, поэтому у миллиардов людей уже на уровне подсознания отложилась мысль о величии и гениальности Илона Маска, хотя китайские разработки опережают американские по всем направлениям. Так работает управление массовым сознанием.

Всё-таки людям требуется нечто более понятное и близкое, чем осьминог. Потому человеческий облик, да еще симпатичный, для антихриста всё же предпочтительней. Какими качествами он будет обладать? Теперь уже предельно ясно. В первую очередь у правителя мира должна быть реальная власть. Власть над народами, государствами и отдельными людьми. Власть, максимально приближённая к абсолютной. Такую власть сейчас даёт только мамона, огромные денежные и материальные ресурсы. Следовательно, откуда может возникнуть антихрист? Из одного из кланов, богатейших фамилий, которые уже не одну сотню лет влияют на мировую политику. Никто не позволит неизвестному, пусть даже гениальному человеку обладать полнотой власти. То самое теневое мировое правительство корпораций и кланов, о котором даже бояться упоминать, с нервным смехом произнося: «кон-

спирология», произведёт антихриста из своей среды и представит миру как спасителя и благодетеля человечества. Наивно полагать, что кланы доверят такую важную роль какому-то новоявленному миллиардеру или политике, не посвященному в самые сокровенные тайны. При этом личные качества избранника особого значения иметь не будут. Важно лишь то, какую выгоду будут приносить его решения нескольким богатейшим кланам-корпорациям планеты. Не о них ли говорится: «Они имеют одни мысли и передадут силу и власть свою зверю» (Откр. 17: 3).

С самого раннего детства будущий правитель мира будет расти в атмосфере своей исключительной значимости, пусть даже никто из его родственников и окружения наверняка и не уверен в том, что именно он станет главным земным диктатором. Но разве дети миллиардеров и триллионеров растут в обычной обстановке? Разве не привыкли они с детских лет ко всеобщему раболепию? Разве не привыкли они к тому, что им позволено если не всё, то очень многое, гораздо большее, нежели всем остальным. Пусть даже они получают блестящее образование, пусть даже строгие родители и нанятые педагоги оградят их максимально от разрушительного воздействия цифровых технологий, насаждаемых для рабов. Сама атмосфера собственной исключительности будет оказывать негативное воздействие не только на нравственное, но и на умственное развитие. Ведь они тесно взаимосвязаны.

Есть психологический закон: чем более человек уверен в собственной гениальности, тем он глупее. Даже действительно выдающиеся способности в таких условиях деградируют. Никто же не посмеет объективно оценить умственные способности наследника миллиардов и триллионов. Оценка будет субъективной и, следовательно, неверной. Наверняка завышенной в разы, если не на порядки. Зато сколько восторженных слов будет вызывать любое его появление на публике! Сколько восторженных комментариев и лайков будут сопровождать каждый его пост в соцсетях! Весь мир будет трепетать от сладостного томления в предвкушении обещанного счастья. Сотни миллионов признаний наполняют интернет: «Ты — лучший!», «Самый великий!» «Гений всех времен и народов!». И кого будет волновать, что эти восторги также далеки от истины как Нептун от солнца? Никто не хочет быть обманутым, все страшатся обмана, но еще более страшатся признаться в том, что обманывают самих себя. Разве может ошибаться бесстрастный искусственный интеллект? Разве может ошибаться ВСЁ человечество?! Как будто оно никогда не ошибалось в своей истории. Но кого сей факт будет вол-

новать, при всеобщей утрате критического мышления?

Антихрист воплотит в одном лице бездушие капитала и бездушие искусственного интеллекта. Главными чувствами, наполняющими его душу, будут сатанинская гордыня, презрение и ненависть к роду человеческому. В том числе и к своему ближайшему окружению. Дьявол полностью завладеет душой новоявленного спасителя мира. Как теперь модно говорить, антихрист станет его аватаром, утратив свою изначальную свободную человеческую волю и личность. Гитлер, Геринг, Гиммлер и другие вожди третьего рейха по сравнению с ним покажутся безобидными овечками. Только вот, увы, такое сравнение никто не будет проводить. Ведь реальный образ в мировом сознании будет заменен на образ идеальный, не имеющий почти ничего общего с оригиналом. В тайну беззакония, этого мирового обмана, будут посвящены только самые близкие и избранные. А эту близость и избранность будет, в свою очередь, укреплять похожесть окружения на своего хозяина. Слуги антихриста тоже не будут гореть любовью к людям.

Разве нужно быть гением, чтобы повелевать добровольными рабами? Разве можно говорить о гениальности полностью одержимого человека? Гений подразумевает усилие личности в творческом созидании, чего антихрист будет лишен.

Опять же дело в масштабах. С кем сравнивать грядущего антихриста? Если с современным среднестатистическим американцем, с трудом школу закончившим, то он может и на гения потянуть. А если, к примеру, с Юлием Цезарем — то, скорее всего, повелитель мира окажется недоумком. Но, конечно же, Цезарь-то когда жил? Кто с ним общался лично? Даже «Записки о галльской войне» немногие читали, а большинство и не подозревает об их существовании. Ну а мы люди современные, оболваненные цифровыми технологиями, так что для нас, а особенно для наших внуков и правнуков, антихрист вполне за гения сойдет. Ведь его реальный уровень интеллекта будет недоступен оценке современников. Обезьяна Бога останется обезьяной. Гением антихрист не будет, но будет мнить себя таковым и требовать почитания себе не только как правителю мира, но и как величайшему гению всех времен и народов. И все будут его почитать именно в таком статусе. В том числе и православные христиане.

Правление антихриста будет предельно продумано и рационально. Живое воплощение искусственного интеллекта. Кто знает, может, даже и чип в мозге будет присутствовать, главный, управляющий, дающий команду нейросетям всего мира. Возможно, подключение к вычислительным возмож-

ностям всего мира и сделает антихриста выдающимся аналитиком, просчитывающим миллионы вариантов, но его личные мыслительные способности, не будучи задействованы, станут деградировать. Думать-то будет мировая нейросеть, а не человек. А может, в логике трансгуманизма, антихрист будет неким симбиозом машины и человека, таким киборгом, возможно, даже и воскрешенным с помощью передовых технологий. Не исключено что на это обстоятельство намекают слова Иоанна Богослова: «И видел я, что одна из голов его как бы смертельно ранена, но эта смертельная рана исцелела» (Откр. 13: 3). Опять же о гениальности в таком аспекте говорить не приходится.

Роль пророка-зверя, скорее всего, исполнит всемирный искусственный интеллект. Он сотворит такие чудеса и в таком множестве, что ни один человек не сможет сравниться с ним. О действиях лжепророка подробно говорится в той же главе Откровения (Откр. 13: 11-18).

«И чудесами, которые дано было ему творить пред зверем, он обольщает живущих на земле, чтобы они сделали образ зверя, который имеет рану от меча и жив. И дано ему было вложить дух в образ зверя, чтобы образ зверя и говорил и действовал так, чтоб убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя» (Откр. 13: 14-15). Не напоминает ли это видео на гаджете? А тут еще недавняя история со взрывающимися пейджерами, спланированная «Моссадом», на ум приходит. Всё, описанное выше, повторюсь, технически возможно уже сейчас. Повальная чипизация населения земли не является неким необходимым условием конца времен.

Мы живём во времена непосредственно предшествующие явлению антихриста. Может быть, многие из ныне здравствующих доживут до его прихода. Не надо ждать появления великого политического деятеля или какого-то особенного знака. Их уже более чем достаточно. Антихрист может явиться в любой момент. Единственное, что задерживает его приход, — духовное усилие православных христиан. Их покаяние, смирение и молитва. Выбор добра, а не зла. Не отвлечённо и глобально, а в жизни каждого конкретного человека. На чаше весов Божиих беззаконие миллиардов и праведность нескольких миллионов, а может, и тысяч. Ненависть сатанистов, доброта немногих и равнодушие большинства. Что перевесит? Что дополнит меру беззакония мира? Не наше ли отступничество? Каждый православный несёт ответственность не только за спасение своей души, но и за судьбу всего мира. Возможно, именно твоя молитва, твое духовное усилие, дорогой читатель, каким бы ничтожным оно ни каза-

лось, и удерживает чашу весов. Главное, не искать самооправдания своей лени, своему равнодушию и бесчувствию. Ведь равновесие очень хрупкое, и в любой момент может произойти необратимое. Мы в ответе за всё.

Павел ДМИТРИЕВ

ТРАМП: СМЕНА КУРСА КАК ПРИКРЫТИЕ

Критичное восприятие Трампа, широко представленное в нашей публицистике, противостоит не менее энергичному и восторженному отношению к вступившему в должность вновь избранному президенту США.

Кроме эпатажа и скоропалительного подписания множества внутренних решений, Трамп демонстрирует нечто важное, что следовало бы оценить и понять. Это — перемена вектора американской политики...

Отношение к другим зачастую вскрывает суть внутреннего содержания человека или народа. Если говорить об американцах, их отношении к русским, насыщенном русофобией, то эту суть следует определить как агрессию скрытую или явную, в зависимости от того, что в данный момент агрессиву выгодней. В этом суть американского подхода к русским. За русофобией, как правило, скрыта агрессивная суть американской элиты, увы, нераздельной с народом.

Агрессия вне войны существует в форме тотальной лжи. Что США с филигранным мастерством и демонстрируют в каждом пассаже как ежедневной, так и своей двухвековой политики.

Достоинством природного преступника, то есть человека, с удовольствием мыслящего криминально, является постоянный настрой на преступление при внешней благообразности и демонстрации мирных намерений.

Тем же отличается и западноевропейский человек. Суть западноида — завладение чужим и подчинение других! Это обеспечивает чувство собственного превосходства как нормальность.

Уважение прав, интересов и достоинства других возможно, если они в данный момент нужны для достижения собственных целей.

Такое духовное состояние в сути американизма и воспринимается всеми его носителями как естественное преимущество. Такая логика требует, что если мир не соответствует этим условиям, то он должен быть изменён или уничтожен.

Стоит ли удивляться, что нацизм, произведённый уже не единожды в истории деньгами и политикой США (Германия, Украина), столь внутренне подобен американизму, как своему предтече.

Мы в России воспринимаем историю как сложные этапы развития, потрясений, утрат, восстановления утраченного. При этом совокупный Запад, англосаксы и США являются в этом восприятии равными участниками одной с нами исторической драмы, одних событий. Таково классическое восприятие истории и текущих событий.

Эта классика восприятия вышла из времён, когда основным ресурсом, вызывавшим исторические столкновения народов, была земля как средство производства. Впоследствии битвы разворачивались уже за рынки сбыта. Основным ресурсом становился капитал, а всё остальное было только условиями его развития.

Мир, основанный на деньгах, произведённых в результате финансовых операций, то есть из воздуха, развивается особенно быстро, и его развитием уже управляют не только суверены, но и владельцы частных капиталов. И неизвестно, кто в большей степени. Этот мир пытается увековечить ложное право покупать за необеспеченные деньги любые ресурсы.

И Америка — рай для финансового капитала, имеющего в своем распоряжении целое государство и большой, активный, агрессивный, талантливый народ, убеждённый в том, что живёт в принадлежащей ему стране.

США выступают планировщиком колоссальных исторических процессов. Источником энергии для этих процессов являются колоссальные деньги, произведённые из финансовых операций, прежде всего из классического ссудного процента, и... обман. Создавать иллюзию и мотивировать людей верить в нее — это работа СМИ. Убеждать людей посредством СМИ, что деньги дороже хлеба, что деньги важнее ресурсов, — это колоссальные усилия и затраты. Но оно того стоит.

Итак, смена вектора американской политики — что это? Прежде чем ответить на этот вопрос, следует спросить, что такое американская политика? Ответ прост — это завоева-

ние мира долларом! Обязанность мира продавать американцам за необеспеченный доллар ВСЁ!

Происходит это завоёвание не в ходе одной военной кампании или серии войн. А в результате реализации глобального стратегического плана подчинения всех исторически значимых народов путём их последовательного ослабления, через стравливание друг с другом и свержение существующих национальных властей, выбивание в гражданских конфликтах национальных элит.

Англосаксы, вернее, определённая часть их элиты, уверенно заняты реализацией такого плана, не задумываясь, что он является частью более глобального плана, выгодоприобретателем которого видятся уже иудеи...

Очевидно, что такой глобальный многовековой план требует перемен вектора политики. И тогда будущие жертвы из противников время от времени должны становиться друзьями или союзниками для сокрушения других исторически значимых врагов англосаксов...

Так союзником Америки становилась и Россия — в 1941—1945 гг. А ещё ранее, в 1914—1918 гг., Российская Империя.

Накануне Первой мировой войны США, уже обладая волшебной палочкой мирового господства в виде ФРС, устраняли риски выхода в мировые лидеры Германии и России, что и решила война путём их военного столкновения и смены национальных монархий на вульгарно-демократические правительства, обречённые быть марионетками финансовых властей мира.

Значимость временщикам России и Германии придавали зажигательные, гипнотические идеологии, созданные под кураторством иудео-англосаксонской мировой финансовой элиты. И рассчитанные на столкновение европейцев друг с другом в целях втягивания в это противостояние и выбивание Англии с позиции мирового экономического лидерства. Эта цель была реализована уже посредством Второй мировой войны, топливом которой служили те же Германия и Россия (СССР).

После Первой мировой войны на фоне соответствующего истощения ресурсов Германия и Россия ожидаемо обратились к ресурсам США в обмен на принятие обречённости повторной войны друг с другом.

И результат, как мы знаем, был достигнут. В результате Второй мировой войны Англия уступила мировое экономическое лидерство США, а все национальные валюты уступили доллару. Германия утратила политический вес в мире и по сей день остаётся оккупированной страной.

Россия в виде СССР подорвала свой демографический, цивилизационный и ресурсный потенциал, остатков которого после Второй мировой войны хватило лишь на сорок лет сопротивления мировому диктату финансового капитала.

А закончилось для нас это послепобедное сорокалетие проигрышем в Холодной войне и навязанной американской дружбой, которая, в силу агрессивной специфики США, естественно, не могла существовать долго.

В конце нулевых со стороны США с приходом президента Обамы (для смены курса нужен новый президент) последовала смена курса, то есть закономерный период охлаждения и противостояния. К этому моменту уже были созданы условия для устранения из числа мировых конкурентов не одних только Германии и Великобритании, но уже и всей Западной Европы. Опять же силами и потенциалом России. Для чего нам позволили несколько нарастить силы и потенциал несколько увеличить. Но не для собственных нужд, а для реализации целей англосаксов.

В этой ситуации важно видеть, почему пришёл Трамп, меняющий вектор политики США в отношении России.

Смена таких векторов обеспечивается системой политического устройства США, которая, будучи единой, может демонстрировать огромнейшие и непримиримейшие разногласия, суть которых не в каких-то там противоречиях, а в необходимости убедить мир доверчиво принять смену американской политики как результат некой внутри США происходящей политической борьбы. Которая, в сути, есть только колоссальный политический Голливуд, отменно срежиссированная постановочная игра в противоречия, в которых, конечно, для убедительности должны быть вкрапления правды. Таким элементом правды выглядит внезапное развитие и свёртывание ЛГБТ-движения, как бы подавленного правдивым Трампом.

Такая смена курса выглядит и как демократия, и как проявление конкуренции мнений. Но главная ее суть в сокрытии раз и навсегда постоянных и неизменных целей США по достижению мирового господства. Цель, которую им делегировали до времени представлять в лице англосаксов уже давно и основательно манипулирующие ими финансовые иудейские кланы.

Таким образом, провозглашенную Д. Трампом смену курса США на возобновление «дружбы» с Россией следует понимать, во-первых, как прикрытие целей достижения мировой власти. А во-вторых, как очередную попытку манипулирования Россией и Европой в целях их цивилизационного,

то есть нравственно-психологического, культурного, можно сказать — цивилизационного и военно-экономического истощения. В целях подчинения политике США до степени марионеток, готовых противостоять иным цивилизационным противникам США на востоке и юге Евразии. Так, как сегодня противостоит нам уже потерявшая разум и экономику Украина.

Таким образом, говоря о переговорах с Трампом, следует иметь виду, что на этих переговорах они будут пытаться отвести нам роль исторических марионеток.

При благоприятном их исходе мы становимся друзьями США против Китая, то есть пушечным мясом. А при неблагоприятном погружаемся в долгую войну с Западом. Войну на истощение, которая с неизбежностью приведет к краху российской власти, которая пытается быть национальной. И с неизбежностью к той же роли пушечного мяса в войне США против Китая.

При таких раскладах напрашивается сакраментальное: «Нельзя служить Богу и мамоне». Либо служишь выгоде небесной, либо земной. Успевать и там и сям не получится.

Бесконечно корыстные, подлые и сатанинские по своей внутренней природе США влекут только в одном направлении — к гибели. Причем, начиная с нами дружить, они ожидают от нас, прежде всего, гибели духовной. Так как могут уничтожить нас, лишь духовно сломленных.

Поэтому лучшей реакцией на смену курса Трампа будет не демагогия переговоров и интервью после них, а демонстрация нашего преимущества в ракетных вооружениях...

ЧТО ДЕЛАТЬ С УКРАИНОЙ?

Новые поколения могут и не знать, что русских революционеров конца позапрошлого — начала прошлого века мучил вопрос «Что делать?» Чернышевский даже роман с таким заглавием написал. «Кто виноват?» они традиционно знали или думали, что знают.

Нынешняя ситуация отличается от ситуации столетней давности тем, что сейчас российское общество дела внешние (международные) занимают куда больше, чем внутренние. В остальном же всё по-старому — все знают «Кто виноват?» и до хрипоты спорят: «Что делать?»

Имеется в виду что делать с бывшей Украиной после окончания СВО. В российском обществе по этому вопросу мнений немного больше, чем людей (так как некоторые не ограничиваются одним мнением), но основные следующие:

1. Всю Украину присоединить к России («это русские земли, нечего ими разбрасываться», «где раз поднят русский флаг, спускать его нельзя», «мы за эти земли кровью платили много раз», «если их оставить самостоятельными, то нашим детям вновь придётся воевать с бандеровцами» и т.д.). Аргументов много и они существенны.

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

2. Присоединить то, что уже внесено в Конституцию РФ, а что будет с остальным — не наше дело («потому что Крым — русский, Донбасс заслужил, в Херсоне и Запорожье прошёл референдум, а остальные предатели», «потому что не хочу кормить хохлов из своих налогов», «потому что зачем нам бандеровцы, которые будут в спину стрелять?» и ещё десяток аналогичных эмоциональных аргументов, которые, как к ним ни относиться, не могут не учитываться, так как высказываются значительным числом граждан России).

3. Поделить Украину с соседями («потому что мы сами не потянем материально освоение такой большой и такой разрушенной территории, к тому же охваченной демографической катастрофой», «потому что это практично — и Украины не будет, и самим напрягаться меньше. К тому же самые русофобские регионы на Западе уйдут к восточноевропейским соседям и нам проще будет остальных в нормальное состояние приводить» — в общем прагматичные такие соображения, но непонятно, как делить, где должна пройти граница и как убедить восточноевропейцев принять участие в разделе и взять себе ровно столько и тех территорий, сколько и каких мы им захотим отдать).

4. Присоединить к России какую-то часть Украины, а остальное огородить высокой стеной с пулемётными вышками, обнести колючей проволокой, обложить минными полями («потому что жить с ними в одной стране не хочу, отдавать территории никому не хочу (не заслужили), вкладываться в освоение территорий не хочу (в моём селе только два театра и нет метро, а тут на бандеровцев надо деньги тратить), вообще ничего не хочу об этих людях и территориях знать и в Россию их пускать тоже не хочу»). В общем, такая позиция человека, уверенного в том, что Россия может и должна в этом мире делать то, что он хочет, а не что ей полезно и по силам.

Как было сказано, есть ещё десятки вариантов и подвариантов, но все они, так или иначе сводятся к вышеназванным четырём основным: присоединить всё, присоединить часть, разделить и отгородиться. Сторонники разных вариантов могут до хрипоты спорить, клеймить друг друга позором и нехорошими словами, доказывая свою правоту и преступность любого несогласия с собой. Надо, однако, понимать, что судьба постукраины решится не благодаря теоретическим построениям, а исходя из практических возможностей.

Начнём с того, что переговоры с американцами могут кончиться ничем, а могут определить контуры глобального урегулирования. Предварительные заявления Трампа свидетельствуют, что он не исключает ни одного из возможных вари-

антов судьбы Украины, но хочет выторговать себе что-то, независимо от того, как будет решён украинский вопрос.

С ним можно было бы торговаться, но на данном этапе Трамп не смог консолидировать Европу и саму Украину вокруг своей позиции. Киев, брюссельские евробюрократы, Лондон, Голландия, скандинавы, прибалты, поляки, немцы и французы против того, чтобы Запад умывал руки. Они считают, что политика безоговорочной поддержки Украины должна быть продолжена до тех пор, пока Москва не согласится на заморозку военных действий и прямые переговоры с Киевом без предварительных условий.

До тех пор, пока Зеленский и его европейские союзники отказываются признавать и выполнять договорённости, которые могут быть достигнуты Россией и США без их участия, концентрация на проблеме урегулирования украинского кризиса бессмысленна и даже вредна для успеха переговоров между Москвой и Вашингтоном, так как заводит диалог в патовую позицию.

При этом боевые действия продолжают, ВС РФ наступают и рано или поздно, причём скорее раньше, чем позже, займут всю территорию Украины. На этом закроется военная часть кризиса, а общая переговорная позиция России улучшится, так как с повестки дня будет снята наиболее болезненная для Москвы тема. С этого момента Запад теряет аргумент — давайте срочно остановим боевые действия, чтобы не гибли люди, а политическое урегулирование отложим на потом. Боевые действия и так закончатся, как писал Кутузов Александру I в декабре 1812 года, «за полным истреблением противника», люди больше не гибнут, можно приступать к политическому урегулированию.

Но в этот-то момент перед высокими договаривающимися сторонами и возникает вопрос «Что делать?», в смысле что делать с Украиной? Ибо то, что кажется таким простым сторонникам разных вариантов постукраинского урегулирования, на деле является крайне сложной проблемой, любой вариант разрешения которой неоднозначен.

Допустим, решено Украину ликвидировать, и с этим согласились и Россия, и США. Это будет первая ликвидация независимого государства со времени Второй мировой войны, произошедшая по итогам боевых действий. Причём надо иметь в виду, что в ходе Второй мировой войны государства не ликвидировались окончательно, с точки зрения мирового сообщества и действовавшего международного права. Война продолжалась и юридически они оставались оккупированными территориями, так как изменение их статуса не было окончательным (шла борьба).

В данном же случае речь идёт об окончательной ликвидации государства члена-основателя ООН. На сегодня мы обладаем лишь одним механизмом, позволяющим легитимировать такую ликвидацию — решение Совета Безопасности ООН. Для этого, помимо договорённости России и США, необходимо обеспечить единогласие всех постоянных членов. При этом вопрос настолько сложный, что нельзя гарантировать, что Франция, Великобритания и даже Китай не воспользуются правом вета. Кроме того, необходимо обеспечить квалифицированное большинство в девяти из пятнадцати членов.

Итого, за ликвидацию должны проголосовать 9 членов Совбеза, включая пять постоянных. Такую поддержку будет обеспечить далеко не легко, даже если речь будет идти не о присоединении всей территории Украины к России, а о её разделе между тремя-шестью государствами-соседями. Каждый непостоянный член Совбеза будет исходить из того, что создаётся прецедент, который может быть применён и к нему — если можно голосованием в ООН ликвидировать одно государство, то можно и десять других.

Так что убедить членов Совбеза проголосовать будет не так просто, как кажется, скорее очень сложно. Особенно сложно будет с постоянными членами, каждый из которых может заблокировать процедуру и каждый захочет что-то получить за согласие. Причём не факт, что они вообще все согласятся. На сегодня позиции Франции и Великобритании не предполагают такого согласия, а позиция Китая неоднозначна. С одной стороны, ему вроде бы выгодно создать прецедент, который можно применить к Тайваню. С другой, Тайвань и так почти всё мировое сообщество признаёт частью Китая, он не является членом ООН и для его ликвидации нет формальной необходимости в решении Совбеза. Так что Китай вполне может выступить «защитником интересов малых стран» (для подъёма своего авторитета), ничего при этом не теряя.

Даже если решение Совбеза ООН будет получено и ликвидация Украины благополучно легализована, все возможные последствия создания такого прецедента заранее просчитать невозможно. Так что говорить об однозначном позитиве от такого варианта нельзя.

У нас в стране есть люди, считающие, что России вообще не надо морочить себе голову нормами международного права — нам, мол, никакое признание не надо, поскольку мы сильны. Но отказ от легитимации присоединения не снимает существующие проблемы, а лишь создаёт дополнительные. «Сидеть на штыках» как во внутренней, так и во внешней политике не только очень неудобно, но и крайне затратно.

Кажется, что напрашивается простое решение — пойти по пути, предлагаемому теми, кто выступает за присоединение лишь части территорий и сохранения какой-то независимой Украины. Здесь сразу же возникает проблема контроля, так как Запад уже заявляет, что собирается дать остаткам Украины гарантии безопасности, в том числе при помощи размещения своих войск на её территории, а также оказания помощи в восстановлении боеспособной армии.

Допустим, что нам удалось как-то договориться с американцами — Запад остаткам Украины помогать не будет. Но Украина физически не может существовать без внешней помощи. Она находится в острейшем экономическом, финансовом, демографическом и политическом кризисе. Государство на Украине больше не в состоянии выполнять свои функции. На сегодня не только армия Украины воюет лишь благодаря поддержке Запада, но и бюджет страны полностью формируется за счёт западной финансовой помощи. Не считая расходов на восстановление экономики (или скорее на создание новой), Украине ежегодно необходимо 40–50 миллиардов долларов, просто для того, чтобы работали государственные механизмы.

Грубо говоря, украинскую независимость кто-то должен оплачивать. Оплачивающий присоединение каких-то территорий, по крайней мере, видит, за что он платит, но платящий за чужую независимость априори вкладывает свои деньги в создание и укрепление завтрашнего конкурента, а может быть, и врага. И Россия, и США слишком много вложили в Украину за 34 года, чтобы не стремиться к компенсации. Если Россия может получить компенсацию территориями, то США будут настаивать на звонкой монете или на политических уступках со стороны России.

Так что пресловутый украинский вопрос не имеет простого разрешения. Тем более сложно его решить в одностороннем порядке. Именно поэтому Россия, не исключая варианта срыва начавшихся переговоров с США, тем не менее исходит из того, что любой вариант одностороннего урегулирования данной проблемы, к которому она может быть вынуждена обстоятельствами, всё равно в дальнейшем должен быть легализован комплексным глобальным урегулированием. Кроме того, Москва пытается принудить Запад взять на себя обязательства по участию в восстановлении Украины даже в том случае, если она полностью войдёт в состав России или перейдёт в её сферу исключительных интересов.

В нынешнем своём состоянии Киев является классическим чемоданом без ручки. Поэтому вопрос постукраинского

урегулирования (в любом виде, какой бы вариант ни был избран) является значительно более сложным, чем вопрос завершения боевых действий.

Существовать самостоятельно Украина не может, а легализовать её ликвидацию крайне сложно, но необходимо, иначе мы будем постоянно иметь дело с государством зомби — не мёртвым, не живым, бессмысленно пожирающим ресурсы и отравляющим всё вокруг себя.

Игорь РОМАНОВ

НОВЫЙ ТРАМП И НОВАЯ ЭПОХА

Информация о том, что Трамп — сионистский проект, не является закрытой. Стоит ли вновь перечислять все заслуги Трампа перед Израилем? Стоит ли опять мусолить его и так замусоленную иудейскую родню? Даже пресс-секретарь Трампа — молодая дамочка, определяющая себя сионисткой. Чьи интересы выражает Трамп? Естественно, Синедриона. Нужно повнимательнее вглядываться в дела и жизнь тех условных российских патриотов, которые поют акафисты Трампу и считают его «ангелом-хранителем не только Америки, но и России». Кто эти люди? Порой достаточно взглянуть в лица. Трамп — это такое пластически преображенное лицо Израйля в Америке и в мире.

Вообще, чтобы понять суть политики Трампа, суть миссии этого персонажа, стоит, на мой взгляд, почитать сильный и глубокий материал Павла Вячеславовича Тихомирова, помощника главного редактора РНЛ: «Трамп — воплощение эпохи новых-старых смыслов в политике». Эта статья П.В. Тихомирова во многом методологическая, ключевая. Вот небольшой отрывок:

«И, главное, американская политика теперь будет, возможно, мотивироваться не идеологией либерально-рыночной, а идеологией религиозной. Новая эпоха заключается именно в этом. Американцы — это не европейцы. Американцы —

люди верующие. До сих пор для 25% американских граждан Библия важнее Конституции. Для какого процента граждан ЕС или РФ Писание выше гражданского закона? Да вот беда. Есть кое-какие но. Эта «беда» называется «христианский сионизм», который исповедует значительная часть американских протестантов. И согласно эсхатологии, которую исповедуют «христианские сионисты», в конце времен непременно должна произойти Последняя Битва. Армагеддон. В которой повержены будут силы Гога и Магога. А потом придет в мир Машиах, и все хорошие парни будут вознаграждены. Гог и Магог — это вовсе не арабы. Один раввин так и сказал: люди «Гога и Магога» — необрезанные. Т.е. арабы — это просто пехота, а главное зло — необрезанные, которые живут к северу от Земли обетованной. Мы с вами. <...> Вот поэтому приходится не забывать о том, что Дональд Трамп может реально торить дорогу антихристу».

Как будет это делать Трамп или какой иной лидер США? По всей видимости, путем развязывания большой войны в мире. Да, Трамп говорит о мире. Но так говорят многие умеют. Сегодня большинство политиков, говоря о мире, на деле поддерживают войну. Войну ради мира. Да и мир бывает разным. Мир с кем? Если мир с Богом — это одно. А если с дьяволом — это другое. У Трампа и подавляющего большинства мировых политиков, как мы часто убеждаемся, нет мира с Богом. Он, Бог, на деле им не нужен. На словах они говорят о Боге, а на деле утверждают мир с дьяволом. Весь новый мировой порядок зиждется на мире с дьяволом. Чего тут мудрствовать лукаво? Христос мешает мировым правителям. Они гонят Его. Где-то гонят открыто, как на Украине. Где-то под прикрытием правильных вывесок и одежд просто ставят своих людей.

Большая война открывает большие возможности для тех, кто желает окончательно утвердить новый порядок без Христа. Большая война нужна, чтобы всё смешать, стереть границы, разрушить национальные государства с государствообразующими религиями и культурами. И после на обломках выстроить новое единое общепланетное государство. Мировую империю с императором-машиахом во главе. Тотальная цифровизация — это то, что крепко свяжет все элементы нового порядка и привяжет к нему граждан планеты.

Начало большой войны уже положено. В события на Украине втянуто полмира. Агрессия Израиля против Палестины тоже втягивает в свою орбиту большие мировые силы. Загорается Европа, загорается Ближний Восток. Задача Трампа, по всей видимости: не останавливать эти войны, а сильнее разжечь или, пригасив, перевести в долгосрочное тление.

Если на Украине Трамп договорится о мире, то, скорее всего, это будет мир ради подготовки к еще большей войне. Также и на Ближнем Востоке. Хотя велика вероятность, что мира уже не будет до самого появления машиаха. А тот мир, который принесет антихрист, — это тотальная война с Богом и рабство для всего человечества.

Новая эпоха, которая знаменуется избранием Трампа, даже если его завтра не станет, требует войны на Тихом океане, в огромном пространстве Азиатско-Тихоокеанского региона. Здесь проживает наибольшее количество людей планеты. Здесь сосредоточены основные ресурсы планеты. Здесь мировым правителям нужен мощный очаг глобального напряжения.

Немало было уже сказано, что в ближайшем будущем может разразиться конфликт между большой коалицией, возглавляемой Китаем и коалицией, возглавляемой США. Разделение и противопоставление этих коалиций существует лишь на нижнем уровне, на уровне рядовых граждан. Наверху уже давно всякие границы стерты. Условный Китай, условные США — наверху кукловоды, не имеющие национальности и движимые одним духом. Тем самым чеснотным и сороводородным духом, которым будет за версту разить от миротворца-антихриста.

Много ли кукловодов и нужных им политиков в мире пострадало во время ковида? Пожалуй, ни одного. Ротшильды, Рокфеллеры, папа римский не пострадали. Варфоломей не пострадал. Нетаньяху, Трамп, Байден, Илон Маск, Зеленский и Далай-лама не пострадали. Абрамович, Чубайс, Дерипаска, Греф и Набиуллина не пострадали.

Странный вирус в сочетании со странными методами лечения, странной вакцинацией и странными мерами профилактики в виде распыления в воздухе какой-то странной субстанции косил низы. Косил миллионами на всей планете. Но никого наверху, во главе ВОЗ, ООН, МВФ и НАТО не выкосил. Удивительно. Так же и с войной. Взять хотя бы Украину. Всё, как они сами себя называют, жидобандеровское правительство живо и здорово. Тысячи православных с той и другой стороны погибают, а верхушка киевской хунты и ее высшие братья в Европе и Америке живут и здравствуют. И стараются, чтобы русских и украинцев погибало еще больше.

Такой же, по всей видимости, план и на Тихом океане, и по всему миру. Погибать должны простые воины и их командиры, а кукловоды — наблюдать и ждать, когда решится демографическая проблема, когда население сократится до нужного предела. Очевидно, войны и эпидемии помогают мировому правительству, во главе которого стоит Синедрион,

достичь целей *устойчивого развития*, провозглашенных ООН. Там вроде бы 17 целей. Борьба с бедностью, с голодом, гендерным неравенством и т.д. Бедные, голодные, несогласные с гендерным равенством или вообще не соответствующие целям *устойчивого развития* ООН, вероятно, по версии мировых модераторов, должны быть просто уничтожены. И они уже уничтожаются. Наверное, останутся самые *устойчивые*, способные обеспечить жизнедеятельность сумасшедших, поставивших мир на грань катастрофы ради прихода антихриста и своего благополучного существования при нём.

Возвращаясь к Трампу, вряд ли нужно думать, что он не станет разжигать конфликты в мире, а главное — на тихоокеанском направлении. Конечно, конфликты будут разжигать все мировые силы, со всех сторон, которые и прежде разжигали на Украине. Но Трамп — ключевая фигура.

Уже в общих чертах просматривается один из вероятных сценариев, по которому могут начаться события на Корейском полуострове и вокруг Тайваня. Точек соприкосновения для противостоящих сторон много. К этим точкам уже подтягивается новейшее оружие, возводится нужная инфраструктура, проводятся большие учения. Ведущими игроками выступают, как это заметно многим, Китай и США. Но, скорее всего, США большей частью будут стоять как бы над процессами. Будут вооружать, поддерживать, выступать в роли гарантов. А воевать, по всей видимости, должны корейцы, китайцы, японцы, индусы, монголы и, конечно, «многонациональные» и «многоконфессиональные» русские православные христиане.

Сегодня порой складывается впечатление, что Россия как будто ползет за Китаем, встраивается в его проекты. Многие наши политики убеждены сами и убеждают нас, что с Китаем нас ждет светлое будущее. Неужели ради достижения светлого евразийского будущего во главе с Китаем мы жертвуем южными землями Дальнего Востока, превращая их в тыл нашего великого соседа? Сейчас в Приморье возводится мощнейшая дорожно-транспортная инфраструктура от границ с КНР до наших океанских портов. Возможно, во время предполагаемых военных действий вся эта инфраструктура может стать удобным и нужным элементом всей евразийской военно-оборонительной и наступательной системы. В случае намечающегося большого конфликта часть Дальнего Востока вполне может оказаться удобной площадкой для размещения каких-либо резервов Китая и, вероятно, других стран БРИКС. Для размещения на долгосрочную, бессрочную перспективу. В то время как Япония и Южная Корея,

вероятно, могут стать территориями, на которых разместятся военные подразделения НАТО или нового альянса — АУКУС.

В предполагаемой новой войне на Тихом океане, вероятно, должно существенно сократиться количество китайцев, русских, корейцев, японцев, индусов и всех, живущих в этой стороне. Вероятно, по замыслу планировщиков, обеспечивших новый приход Трампа, в ходе готовящейся большой войны и по ее итогам будут пересмотрены границы между странами. Очевидно, границы, по плану мировых архитекторов, должны быть пересмотрены везде. Пересмотрены до полного обнуления. Какие-то земли они хотели бы зачистить, какие-то заселить заново, а какие-то зарезервировать до «лучших времен» и «лучших людей». Как зачищаются земли, мы знаем: одних эвакуируют, другие погибают... Одни с этой земли уходят, другие на эту землю приходят...

Весь мир глобальные князья хотели бы сделать единой большой империей с общей религией и общей культурой. Национальные государства должны просто раствориться в новых штатах или новых «свободных» республиках, зонах, регионах, провинциях, департаментах, округах и административно-территориальных субъектах общепланетной конфедерации.

И что же нам, русским православным людям, делать во всех этих обстоятельствах, в этой «новой эпохе», где новый Трамп будет «торить дорогу антихристу»? За что нам бороться, за что сражаться? Бороться нам надо за Русь Святую и веру Православную. Надо нам иметь сердце пламенное, христианское и учиться различать духов. Надо смотреть по плодам. Сегодня не тот православный, кто себя по телевизору и в телеграмм-каналах православным именует, а тот, кто жизнью своей Христа исповедует.

Николай БОНДАРЕНКО

ВОТ ТАКИЕ «НАШИ» КАДРЫ

Скандалное интервью бывшего ответственного за молодежную политику в России, бывшего главы движения «Наши» и руководителя всех молодёжных проектов Адми-

нистрации президента России, основателя «Селигера» Василия Якеменко — это, прежде всего, интервью-провокация, интервью-наживка. И, наверное, по замыслу авторов этой провокации «белые ходят первыми и выигрывают», в том смысле, что как обсуждение этого интервью, так и не обсуждение в любом случае наносит ущерб России. Да, бывают такие провокации.

Но поскольку воздействие провокации прежде всего направлено на бессознательное, то тем более необходимо трезво разобрать, для чего всё это было, какие у нее цели, чтобы поставить блок, не допустить ее реализации.

И пусть не смущаются те, кто полагает, что ни один человек, тем более Василий Якеменко, в здравом уме и сознании не согласился бы бессмысленно сгореть ради чьей-то провокации, но на самом деле несколько Васятка и не сгорел, возможно, даже и заработал, потому что живёт он в Баварии, являясь долларовым миллионером (как вам такой глава Росмолодежи!) и возвращаться в Россию не планирует.

Так в чём же эта провокация? Послушаем это интервью в интернете и попробуем оценить то, что слышится между строк. А между строк слышится следующее: «Да, я циничный подонок и негодяй. Ценными для меня как бывшего главы Росмолодежи, главы Движения «НАШИ» и доверенного лица президента России всегда были бабы, наркотики и рок-н-рол. Еще люблю деньги и власть. России для меня вообще не существует, как и для многих НАШИХ, воровал, как все, сколько мог унести. Поэтому и живу я теперь припеваючи в Баварии в доме стоимостью 16 млн. евро на 50 га земли. Если вы думаете, что в Администрации президента и правительстве РФ работают другие, не такие, как я, то вы невероятно наивны: такие же, там много НАШИХ, все на своих постах, никто не ушёл, все трудятся, как и я когда-то трудился...»

Васятка как бы говорит: «Вы, патриоты России, в отличие от меня и от таких же, как я, действующих чиновников высшего звена, лузеры, вы любите Путина и Россию, а я обсуждал с Путиным молодежную политику в его кабинете и подспудно воровал вагонами бюджетные средства! Вы, патриоты России, отдаёте свои жизни за Россию в СВО, потому что вы больше ни для чего не годитесь! Вы никогда не получите тех знаний и компетенций государственного управления, которые получил я, потому что вы нафиг не нужны этому государству с вашим патриотизмом, убеждениями и идейностью! Поэтому мы правили этой страной и будем ею править и дальше!»

Сказать, по сути, больше нечего. Давать советы возможно лишь тогда, когда существует надежда на благие изменения. Эта же возмутительная провокация с участием Якеменко не располагает к каким-либо конструктивным предложениям, поскольку кадровая политика **главы нашего государства** последних 20-ти лет не поддаётся разумному анализу и пониманию, а ее критика перезрела и, к сожалению, в любом случае не будет им услышана. При этом те из обслуживающего его персонала, кто «имеет видлихой и придурковатый», при этом воруящие миллионы бюджетных средств, обязательно не преминут ему доложить, «что, мол, вновь русские националисты подняли свою голову и угрожают российской государственности критикой вас, а мы вас не критикуем, мы просто тихо приторговываем Россией за вашей спиной, как и все НАШИ. Поэтому никак нельзя им, патриотам, доверить государственной работы...»

ПРОТУБЕРАНЦЫ

РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ

2025 г.
(Февраль)

Кто-нибудь задумывался о том, откуда, каким образом в наше время вдруг появилась эта неисчислимая армия мошенников? Я сейчас говорю не о хохлятских, а о наших, родимых, российских мошенниках, обрушившихся на нашу голову каким-то бесконечным камнепадом. А состоит эта «армия» в основном из поколения родившихся в те самые либеральные 90-е годы. То есть всю эту армаду нынешних аферистов породила ельцинско-чубайсовско-гайдаровская власть, которая сама себя называла либеральной, свободной от всяческих прежних нравственных предрассудков. Они, рожденные в 90-х, теперь стали тридцатилетними, и они с молодых ногтей впитали весь цинизм лживой, навязанной нам той либеральной властью жизни, убедившей их в том, что главное — деньги, не важно, каким путем «заработанные», сворованные, добытые через обман окружающих олухов, лузеров, русских доверчивых чайников. Потому что и власти тех девяностых и нулевых годов делали с доверчивыми чайниками то же самое.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Овладев навыками компьютерных технологий и с детства не имея за душой сдерживающих совестливых ограничений, они и теперь не заморачиваются этими лишними для них моральными «глупостями». То есть эту бесчисленную ораву, если не сказать армаду российских мошенников породила и воспитала сама страна. И у них уже народились свои дети, выросшие на семейных разговорах с обычной матерщиной. Родители нынешних детей дома разговаривали в их присутствии с помощью мата как обычного разговорного языка. А мы, старшее поколение, теперь удивляемся, почему дети школьного возраста между собой разговаривают на языке мата. Их этому научили те самые родители, родившиеся в девяностые годы, которых в свою очередь развратила либеральная ельцинско-гайдаровская власть. Вот мы и пожинаем теперь плоды в виде сплошного окружающего нас мошенничества и детской матерщины.

И бороться с этими убийственными явлениями современной жизни нужно только с помощью самых жестких наказаний. Либеральные пряник и кнут тут уже ничего сделать не смогут. Сделать сможет только самый жесткий кнут.

* * *

Три года, как идет Специальная военная операция, а точнее говоря, война с натовской Европой и Америкой. Молодые и не очень молодые люди отдают свои жизни за Россию, страна с напряжением следит за боевыми действиями, помогает фронту, люди оказывают всевозможную гуманитарную помощь сражающимся воинам... Но по окончании третьего года войны в самом центре столицы на Малой Никитской улице, в дворянской усадьбе XIX века открылся таки филиал Ельцин-центра. Открылся втихаря, без сообщений в новостях по радио и ТВ, чтобы не возбуждать население. Екатеринбургского Ельцин-центра им, мимикрировавшим властным ельциноидам и либералам, оказалось мало, недостаточно (далеко летать), решили устроить свой вожделенный «Центр» здесь, у себя под боком, по близости от Кремля.

В его Попечительском совете состоят Михаил Швыдкой, глава кремлевской администрации Антон Вайно, его первый заместитель Алексей Громов, депутат Госдумы Павел Крашенинников, Анатолий Чубайс, Сергей Шойгу, губернатор Свердловской области Евгений Кувайшев и полпред президента на Урале, бывший полевой командир ДНР Артем Жога. А также Наина Ельцина, ее дочь Татьяна Юмашева и ее зять Валентин Юмашев. Очень интересные люди!..

Никита Михалков в своем «Бесогоне» из года в год требовал закрыть екатеринбургский **рассадник** русофобии, лжи о российской истории, извращения нравственных устоев нашей страны. Другие известные личности, да и простые русские люди бесконечное число раз обращались в Кремль с тем же требованием. И что мы получили в ответ? Второй Ельцин-центр, а точнее, центр пятой колонны открылся теперь уже в Москве как бы в усмешку на все наши чаяния. Мол, вы там воюйте, месите грязь и погибайте в окопах, а мы тут, у вас за спиной, будем Ельцина прославлять... Ну что ж, ответ довольно внятный.

Идут разговоры о том, что еще один Ельцин-центр планируется открыть в Санкт-Петербурге.

* * *

Согласно информации налоговой службы, только 6% въехавших в Россию мигрантов платят налоги, причем в эту цифру (6%) входят и те мигранты, которые получили российское гражданство. И главные власти страны это знают. Знают и факт этот замалчивают.

Депутат Госдумы Михаил Матвеев сделал депутатский запрос премьер-министру М. Мишустину по этому поводу. Но даже он, депутат российского парламента, никакого ответа на свой запрос не получил. Видимо, просто-напросто ответить нечего.

Вот такие у нас незаменимые, очень нужные стране иностранные работники, без которых, по мнению правительства, страна просто пропадет... При этом — не платящие налоги и переводящие деньги на свою историческую родину. И вывод тут может быть только таков: одни из них вообще не работают, занимаясь мошенничеством, воровством и разбоем, другие работают без официальной регистрации, а третьи вертятся в сфере теневой экономики. 94% азиатско-закавказских мигрантов, находящихся на территории России. Естественно, зачем же они будут платить налоги государству, которому на это наплевать? И кого-то во власти это очень даже устраивает, если цифры эти властями скрываются даже от депутатов высшего уровня.

* * *

12 февраля Трамп позвонил Путину. Их разговор длился полтора часа. Как в тот же день в новостях поведал Д. Песков, два президента договорились о начале в ближайшем будущем переговоров России с Америкой. Той Америкой, которая своими крылатыми ракетами разрушала наши города

и чьи танки под названием «Абрамс» до сих пор утюжат землю Донбасса и Курской области. Два президента будут пожимать друг другу руки и улыбаться...

Вполне возможно, за основу переговоров будут взяты т.н. «стамбульские соглашения» 2022 года, о которых неоднократно публично ностальгировал Путин. Хотя они, эти «соглашения», до сих пор не обнародованы. По всей видимости, там было, что скрывать от российской общественности.

* * *

Захар Прилепин как-то в азарте своего «патриотического» ража громко высказался: «Любую сволочь, которая заикнется о «переговорах» до закрепления за российской армией Харькова, Одессы, Киева, нужно ставить к стенке как изменника». Это ж надо телевизионному пропагандисту так было оскорбить президента! Не сомневаюсь, что в ближайших телеэфирах он спокойно переобуется и сам будет ратовать за «столь необходимые переговоры о мире и прекращении огня». Так же, как уже быстренько переобулись другие телевизорные «политологи» — Пушкив, Куликов, Соловьёв, Попов, Скабеева, Никонов... Теперь их главная радостная тема — переговоры и окончание «войны»...

* * *

Тема российско-американских переговоров — теперь главная во всех информационных программах нашего эфира. Подготовка к ним идет полным ходом.

Если нам Дональд Трамп предлагает очередные американские «самые настоящие», самые что ни есть «жемчужные» бусы с целью очередного «урегулирования украинского конфликта» (его пресловутая «сделка»), то еврейскому ублюдку Зеленскому он поставил ультиматум: вернуть 500 миллиардов баксов, которые байденовские ястребы в него вложили ради победы над Россией. Ясно, что пиндосы никому просто так ничего не дают. Даже за помощь Советскому Союзу во время Второй мировой войны затем много лет пришлось расплачиваться.

Зеленский заблеял, что, мол, знает лишь о 100 млрд. долларов, полученных от США. Тогда Трамп спокойно сказал ему на весь мир: если нечем платить, значит, весь доход от продажи природных ресурсов и работы портов Украина будет передавать Америке. Лишь чуть-чуть, для вида, поартачившись, лупоглазый ублюдок согласился и пообещал подписать соответствующий договор. И подпишет, потому что в противном случае заплатит своей жизнью. После чего все т.н. укра-

инцы станут рабами Америки. Вот ради этого и затевался «майдан»! И американские денежные воротилы это знали заранее. Вот для чего майданутым хохлятским дебилам Виктория Нуланд привозила свои «печеньки». Уже тогда они стоили 500 млрд. долларов. А миллион убитых и покалеченных «хероев» — не в счет.

Ублюдок Зеленский уже пообещал и Трампу, и Англии, и Евросоюзу отдать на откуп разработки залежей всех редкоземельных металлов «нэзалэжной», в том числе и тех, что находятся на освобожденных нами территориях. Когда (24 февраля) об этом напомнил Путину корреспондент Первого телеканала П. Зарубин, президент ответил: «Нас это не касается». И тут же сам предложил Америке на продажу наши редкоземельные металлы, а заодно и наш алюминий, который, естественно, пойдет на производство штатовских боевых самолетов. «Мы обладаем огромными запасами редкоземельных металлов и могли бы предложить их нашим американским партнёрам», — сказал он. Скорее всего — в обмен на те же пиндосские «бусы» (еще одна «сделка»). Вот так в трёхлетнюю годовщину начала СВО вновь с экрана телятника прозвучало это выраженье, которое, как нам казалось, с трудом, со скрипом исчезло из лексикона Кремля: «наши партнёры»...

25 февраля Дональд Трамп на пресс-конференции в Белом доме по случаю визита президента Франции Эммануэля Макрона вдруг вспомнил: «Владимир Путин неоднократно ратовал за стамбульские договорённости. А что, это хорошая идея!»...

* * *

Франция и Англия, раз уж пошла такая «пьянка» (в смысле — «сделка»), тоже решили подсутиться, и устами их главных начальников также выразили желание поучаствовать в получении дохода от разработки природных залежей «нэзалэжной». То есть Запад начал откровенный делёж ресурсов «самостийной нэньки». Ресурсов, некогда принадлежавших Российской империи и СССР.

В Кремле по этому поводу — некое выжидательное молчание. Хотя и чувствовалось смятение в словах того же С.В. Лаврова, отказавшегося что-либо конкретное говорить по этому поводу на вопрос журналиста. Оно и понятно: Кремль, начавший переговоры с США (пока на уровне экспертов и министров), тоже предлагает Трампу свои варианты экономических «сделок». Мол, им, трамповским менеджерам лучше иметь дело с российскими менеджерами... А вот согла-

сятся ли в Кремле на грабёж Западом т.н. украинских природных ресурсов — покажет скорое будущее.

Но тут надо сказать следующее: по высшему праву, завоеванному годами (можно сказать, столетиями) воинских битв России и реками крови русских воинов, все земли бывшей Украины принадлежат Русскому государству. Причем навсегда и безоговорочно. По закону нашей великой истории, оспаривать которую не дано в этом мире никому.

К тому же, помимо сказанного, еврейский главарь киевской банды, даже по их ничтожной конституции, давно потерял т.н. «легитимность» и уже не имеет права, даже по их «закону», подписывать какие-либо международные соглашения и договоры. Более того, точно так же и точно по тем же причинам нелегитимна и т.н. Верховная Рада этой киевской банды. То есть **вся власть бывшей Украины незаконна даже по их ублюдочным законам**. И передача кому-либо природных ресурсов, принадлежащих по высшему праву России, является изначально преступной и незаконной. Даже несмотря на то, каким образом будут смотреть на эту «делку» в Кремле.

* * *

В последний день февраля ублюдок Зеленский прибыл в Вашингтон для подписания соглашения с Трампом по минеральным ресурсам бывшей Украины. Но что-то пошло не так. Мы все видели по ящику эту их встречу в Белом доме. Охавший кокаиновый дегенерат начал Трампу ставить условия, чтобы хоть как-то выглядеть оправдательно для своего забитого и зашуганного населения. Но Трамп не стал выслушивать его обычный болтливый бред и сразу поставил его на соответствующее место. И, по выражению из известного советского романа, «Остапа понесло». Он уже не мог сдержать своей еврейско-хохлятской хамоватости и кинулся возражать Трампу через каждое его слово. Визжал и размахивал руками, как базарная хабалка на одесском «Привоze». Даже присутствующий на этой встрече вице-президент Вэнс не сдержался и обрушил на еврейского ублюдка шквал обвинений в неблагодарности, в наглости и в неуважении к стране, в которой находится. Камера в эту минуту остановилась на фигуре украинской послыцы в США, которая сидела согнувшись и закрыв лицо ладонями...

Подготовленное соглашение, естественно, было сорвано. Бандеровской делегации Трамп указал на дверь, и ей было отказано в пресс-конференции и даже в обеде. Провал этой встречи главарь жидонацистов решил компенсировать срочным полётом в Лондон...

Соглашение о природных ресурсах бывшей Украины, конечно, все равно будет подписано. Никуда этот лупоглазый иуда не денется. Трамп с него уже не слезет — ни с живого, ни с мёртвого. Свои миллиарды долларов, вложенные в «нэзалэжную» для войны с Россией, Америка выкачает с прибылью. Даже если от нее останется одна лишь Галиция. И ублюдок Зеленский еще не раз приползет на брюхе к спасительному Белому дому...

Ну а в Лондоне еврейского ублюдка встретили красной дорожкой в аэропорту. И тут же для поднятия воинствующего духа из доходов с замороженных российских вкладов выделили три миллиарда долларов на продолжение русского кровопролития. Заодно и покормили. А Германия и Франция выразили официальную моральную поддержку своему жидонацистскому агенту.

Но можно не сомневаться в том, что европейские шестёрки разом прикинутся миротворцами, как только Москва и Вашингтон договорятся о переговорах с участием президентов. Мгновенно переобуются и начнут кричать на весь мир о стремлении к перемирию, прекращению огня и заморозке «конфликта». Особенно истошно эти «миротворцы» будут вопить о гуманизме и окончании войны после того, как их укронацистские твари окажутся разгромленными в Курской области и бои перекинутся в Сумскую и Днепропетровскую области... В то самое время, когда европейские танки, дроны и ракеты будут, как и прежде, поставляться жидобандеровским фашистам.

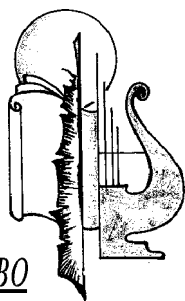
МЕЖДУ И НЕБОМ И ЗЕМЛЁЙ

Песня о Полине Агуреевой

Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты несёшься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тень,
Одна ты печалишь ликующий день.
Ты небо недавно кругом облежала,
И молния грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный гром
И алчную землю поила дождём.
Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освежилась, и буря промчалась,
И ветер, лаская листочки древес,
Тебя с успокоенных гонит небес.

А.С. Пушкин

7 (20) декабря 1860 года на пустынном греческом острове Занте в возрасте 43-х лет умер старший сын Сергея Тимофеевича Аксакова, выдающийся филолог, мыслитель Константин Сергеевич Аксаков. Мало кто из современников понимал природу его гения. Одна из программных его работ «О современном человеке» была опубликована через 40 лет после смерти... Ещё бы! Константин Сергеевич убедительно доказывал схожесть Гоголя с Гомером, а реформы Петра I сравнивал с татарским нашествием. Современник писал в воспоминаниях о К.С. Аксакове: «Он лю-

ИСКУССТВО

бил слышать в себе силы именно тогда, когда неудобства, стужа, или что-нибудь подобное их вызывает, который в восхищении и крепнет на телеге, прыгающей по камням или под дождём, его всего обливающим».

Быть может, с ним её неуловимое сходство?..

Хорошо, что у меня нет интернета. Оттого-то я не могу знать, как профессионалы пишут об Агуреевой. И писал ли кто из них об одной из лучших и самых сложных её работ в фильме «Эйфория». Пытаясь найти хоть сколько-нибудь сходное с нею явление культуры такого масштаба и такого сочетания, почти несоединимого, я вернулась в зрительный зал Александринского театра периода его расцвета, то есть когда на его сцене блистала величайшая трагическая актриса Полина (Пелагея) Антипьевна Стрепетова (1850—1903). Всё в ней было парадоксально, как в самой России: и характер, и внешность, и недостижимый Дар, и, конечно, Судьба. На её поэтические вечера, где Полина Антипьевна первая читала Некрасова, съезжался весь цвет тогдашнего Петербурга. Студенты после каждого её спектакля выпрягали лошадей из кареты и везли её на себе до самого дома. Портреты Полины Антипьевны писали знаменитые художники, лучший из которых, Николай Ярошенко, увековечив Стрепетову, прославился на всю Империю. И это был не просто великий портрет великой актрисы, это был Образ самой России.

Среди трагических актрис и актёров середины XIX — конца XX веков, я не нашла во всей полноте, то есть со всеми дарованными Богом талантами, кого можно было бы сравнить с Полиной Агуреевой.

Вот самый краткий список Русских трагикив последних 150 лет, каждый из которых внёс ощутимый вклад не только в развитие Русского драматического театра, оперы, балета, но и общественной мысли, то есть всей культуры своего времени: Любовь Павловна Косицкая (1827—1868), которую после роли Офелии сравнивали с Мочаловым, Мария Николаевна Ермолова (1853—1928), Москвин, Станиславский, Михаил Чехов, Вера Фёдоровна Комиссаржевская, быть может, последние трое ближе других, ибо они были ещё и режиссёрами (Полина Агуреева уже поставила несколько спектаклей русской советской классики), но для меня, как это ни покажется странным, она ближе всех Фёдору Ивановичу Шаляпину еще и потому, что голос — это не диапазон. Это интонация и тембр. А тембр — это мировоззрение; Мария Каллас, даже без Медеи в фильме Паоло Пазолини. Не могу не вспомнить мысль этой великой женщины о славе, для неё

это был «траур по утраченному счастью»; Наталья Михайловна Ужвий (1898—1986, Киев), событийные роли в кино: Анна в «Украденном счастье» (1947 г.) и мать Сергея Есенина в фильме «Пой песню, поэт», Стефания Станюта (1905—2000, Минск), одна из лучших ролей в кинематографе в экранизации «Пиковой дамы» (той самой прибалтийской, где Германа сыграл Александр Феклистов!); звёзды великого немого кино: Верико Анджапаридзе и Серго Закариадзе, Фёдор Никитин и Ольга Жизнева; великие трагики 40—70-х годов, то есть периода расцвета советской культуры.

Благодаря легендарной балетной школе Агриппины Яковлевны Вагановой мир узнал о том, что есть танцовщики, которые являются подлинно трагическими актёрами: Ольга Судейкина, Вацлав Нижинский, Чибукиани, Семёнова, Уланова, Тимофеева, Шелест, Осипенко, недостижимый Марис Эдуардович Лиепа, Александр Годунов, Васильев и Максимов, Михаил Лавровский и Наталья Бессмертнова, и последняя ученица Галины Сергеевны Улановой — Людмила Семеника. Такой профессионал, как Николай Цискаридзе свидетельствует: если бы Григорович увидел сегодняшних солистов Большого театра, не пустил бы их даже в кордебалет.

Драматический театр, балет, опера, вся классическая музыка, живопись (пострадавшая первая и больше других), даже кинематограф, который продержался дольше всех, невзирая на пошлость и агрессию Минкульта, и до сих пор, благодаря нескольким режиссёрам и актёрам, всё ещё живой, и что самое невероятное, включая документальное кино, — благодаря Светлане Быченко и Борису Лизнёву. Всё живое в некогда великом Русском искусстве заменено на перформансы и инсталляции. В этой кислотной среде «нашей» «культуры» не осталось глотка воздуха. Но коль существует такой никем, кроме незабвенного Петра Наумовича Фоменко, неопознанный летающий «объект», как Полина Агуреева, значит в отсутствии культуры на этом лунном ландшафте, как почти недоказуемое Чудо Божие, *может* родиться такое явление. Даже когда она «играет» смерть, светится её таинственное «сфумато». И мне кажется, что Фоменко с его безупречным вкусом, чувством стиля и художественным чутьём, принял её такую, какой она родилась, ибо тому, чем она владеет, научить нельзя. Можно научить слагать рифмы, но научить стать ПОЭТОМ невозможно. Если бы Карену Шахназарову приснилось соединить в одном сценарии «Игрока» и «Преступление и наказание», то Агуреева играла бы одна и Сонечку Мармеладову и Аполлинарию Сулову, тем более, что у Шахназарова есть уже два подобных опыта, первый в «Ца-

реубийще» и второй в потрясающем соединении Толстого и Вересаева. На театре был однажды такой опыт: в театре Маяковского, в лучший его период, то есть в 70-е годы, когда Татьяна Васильевна Доронина сыграла в одном спектакле две противоположные роли — Марию Стюарт и королеву Елизавету. И это незабвенно! У неё (как и у Агуреевой) не было достойного её дара партнёра, кроме А. Лазарева.

Невзирая на то, что в начале VI главы «Пиковой дамы» Александр Сергеевич утверждает, что «две неподвижные идеи не могут вместе существовать в нравственной природе так же, как два тела не могут в физическом мире занимать одно и то же место» — Полина Владимировна Агуреева с Божией помощью и это преодолает, ибо рождена преодолеть пространство и простор!

Господи, скорее бы она сыграла Анну Каренину, разумеется, при условии, что Вронским будет только Даниил Страхов, а Карениными только Максим Матвеев. Михаил Чехов так и не сыграл князя Мышкина, а был рождён для этого. И почти в каждой его роли незримо присутствует это несбывшееся, даже в «Человеке из ресторана». В Берлин он приехал с тоненьким томиком «Гамлета» на немецком языке... А ещё в этом списке Агуреевой — Аксиныя Астахова. Если у Владимира Владимировича Бортко или у Владимира Ивановича Хотиненко хватит сил, то и без меня никого, кроме неё, они не увидят. Василиса Ильинична — Людмила Полякова, Дарья — Анастасия Астраханцева, Степан Астахов — Игорь Петренко, Евгений Листницкий — Даниил Страхов, отец Евгения — Анатолий Лобочкий, сваха (в сцене обручения Натальи с Григорием) — Марина Яковлева. Пантелей Прокофьевич — Владимир Гостюхин (если только откажется Владимир Машков), а Григорий Мелехов — Егор Бероев. Как нам сегодня, когда пошёл одиннадцатый год страшной Гражданской войны, нужен, необходим «Тихий Дон» — все полторы тысячи страниц без купюр этого величайшего романа-эпопеи. И если **так** его воспринимать, то наконец-то будут задействованы все наши классические актеры — Василий Бочкарёв, Людмила Зайцева, Сергей Никоненко, Ирина Розанова, Ирина Алфёрова, Ирина Купченко, Мария Шалаева (где ещё вы видели такое масштабное воплощение Достоевского, как в её Марье Тимофеевне Лебядкиной в «Бесах»?!), Валерий Баринов, Нина Усатова, Виталий Кищенко, Антон Шагин, Александр Яценко, Мария Шукшина, Александр Феклистов, Максим Суханов, Константин Лавроненко, Елена Лядова, и, конечно, Лика Нифонтова и, быть может, весь первый состав труппы Петра Наумовича Фоменко, ибо там не было второстепенных актёров — все главные.

До сих пор за 200 лет так никто и не поставил «Маленькие трагедии» Пушкина. Даже замечательная экранизация Михайла Швейцера — это снова драматические сцены, сыгранные прекрасными актёрами, быть может, исключением был только «Пир во время чумы», благодаря Александру Трофимову и Ивану Лапикову. Агуреева, безусловно, и донна Анна, и Лаура, которую она пела бы «не в размер сцены или экрана, а в размер космоса». Борис Александрович Лизнёв однажды спросил меня: «Слышали ли вы, как Агуреева читает Пушкина?» Я сперва онемела, от того что (о ужас!) не слышала, а потом, едва придя в себя, поняла, что кончилось бы моё слушание типически по-пушкински: «Восхищенья не снесла и к обедне померла». Спросите ещё: есть ли у меня диск с пением Агуреевой? В ответ я, не дожидаясь обедни, сразу умру от разрыва сердца: нет у меня такого диска. Чтобы я отдала за него? Всё, что есть. Приходите и берите. И не потому, что я такой провинциально восторженный человек (хотя, действительно, и провинциальный, и восторженный), а потому что нет ничего подобного в мире и в ближайшие десятилетия *не будет*. То опустошение, происходящее в культуре, особенно последние десять или скорее пятнадцать лет, придётся восстанавливать не столько же лет, а трижды столько же, ибо **без прошлого нет будущего**. Ни нефть, ни газ, ни импортозамещение, никакие инновации, цифровизации, оптимизации, ни сатанинский по природе своей искусственный интеллект, не дадут что-либо восстановить. И наивно думать, что подобно тем величайшим деятелям культуры, вернувшимся с фронтов Великой Отечественной войны, теперь те, кто вернётся с *этой* Отечественной войны, создадут новую, великую, Русскую культуру.

В 1941 году Иосиф Виссарионович Сталин лично составлял списки фронтовых бригад и военкоров, то есть они уезжали на фронт уже будучи Симоновыми, Тарковскими, Гудзенко, Михалковыми, Твардовскими, Богомоловыми, Козловскими, Гмырями, Обуховыми, Руслановыми, они уже были МХАТом!!!

Кто виноват — сейчас знают даже люди, совсем далёкие от политики и какой бы то ни было аналитики. А вот **что делать?**.. Выдающийся русский философ и человек, обладающий духовным провидением, Александр Гелиевич Дугин, предлагает как можно скорее перевести страну на военное положение. А самый образованный человек во времени Александр Вячеславович Лосев предлагает денационализировать всю так называемую элиту. Алексей Максимович Горький ответил исчерпывающе: «Уничтожьте гомосексуализм и фашизм исчезнет».

Последними словами Полины Антипьевны Стрепетовой на смертном одре были: «Я служила своему народу». Вы можете сегодня назвать хоть единого человека, не из, как они говорят, киноиндустрии, с их «чебурашками», псевдобогатырями, Машами с Медведями, (пошлыми подменами нашего времени), а обыкновенного, честного профессионала, который на смертном одре повторил бы эти слова, только без камер и микрофонов? Всё в те же ненавистные нашей элите золотые 70-е был снят замечательный польский пророческий фильм «Всё на продажу», а ещё раньше Василий Макарович Шукшин в своей бессмертной «сказке» «До третьих петухов» подробно описал, как черти будут проникать в щели церковные.

Подобно космосу человеческого организма, всё в этой жизни связано между собой. Можно преодолеть самые тяжёлые бытийные проблемы, даже сами законы бытия, но **духовные законы ни изменить, ни преодолеть невозможно.**

Михаил Александрович Тарковский еще в 81-м году совершил свой выбор, предвидя как Художник, всё вышеописанное. И там, на берегу Енисея, в тайге, он стал выдающимся русским прозаиком, поэтом и документалистом. Агуреева творит в городе, который сегодня представляет собою нечто среднее между Лас-Вегасом, Брайтон Бич и розовым кварталом Амстердама. Но она свой выбор сделала. Поэтому она **так** поёт, **так** играет на сцене и в кино, ставит такие спектакли и **так** воспитывает своих сыновей. Недавно она поставила на родине «Живые и мёртвые» Константина Симонова. Неизбежно в зале были не только дети и внуки защитников Сталинграда, но и те, кто, быть может, сражались в последние дни перед взятием фельдмаршала Паулюса, то есть восемнадцатилетние мальчики, которые теперь глубокие старики. Они успели пролить свою кровь, спасая не только Родину, но весь мир от фашизма, ибо Сталинградская битва решила исход войны. Почти в каждой европейской столице, где мне в силу профессии довелось побывать, я видела улицы, бульвары, даже площади и проспекты имени Сталина. Невольно вспоминается знаменательный исторический факт, когда 29 ноября 1943 года в Тегеране состоялась церемония торжественного вручения дара Английского короля Георга VI Иосифу Виссарионовичу Сталину — огромного меча с драгоценной инкрустацией, на лезвии которого была выгравирована надпись «Гражданам Сталинграда, людям со стальными сердцами от короля Георга VI в знак уважения и благодарности английского народа». Может быть, Полине

Агуреевой, родившейся на земле, в которой до сих пор лежат не отпетыми сотни тысяч наших солдат, хотя бы в честь 80-летия Великой Победы, хотя бы ради тех нескольких живых, что сидели в зале на её великом спектакле «Живые и мёртвые», удастся вочеловечить ПАМЯТЬ и СОВЕСТЬ тех, от кого зависит вернуть Сталинграду его победоносное имя?

Так и не найдя среди людей на земле никого похожего на явление Агуреевой, я обратилась к тому, без чего никогда не существовало искусство и культура человечества — к мифам. И, о чудо, нашла два аналога: в кетской мифологии Томэм — женское божество, находящееся на небе под солнцем в верховьях Енисея, откуда приходит весна и прилетают птицы. Томэм часто отождествляется с Солнцем. А в древнегреческой мифологии — это... *ласточка*. В христианской символике обращающиеся с молитвенной просьбой к Богу уподобляются ласточке, символу жажды духовной пищи. Вглядитесь, а ведь она и в самом деле похожа на ласточку. И она действительно вестник добра, счастья, возрождения, утра, весны, солнечного восхода, прилежания, домашнего уюта, **отцовского наследия**.

12 февраля 2025 г. 1080-й день войны

Вышла в свет новая книга Валерия Хатюшина

«Протуберанцы. Размышления и воспоминания. 2016—2024».

Летопись событий нашего времени за последние восемь лет.

Большой формат. Объем 704 стр. Твердый переплет.

Стоимость с учетом почтовой доставки — 800 руб.

Деньги необходимо перечислить на карту Сбербанка номер: 2202 2005 6546 0175 или на номер телефона, привязанного к банку: 8 916 939 22 69.

А так же необходимо сообщить свой полный почтовый адрес по указанному телефону или на эл. почту: mg0002015@yandex.ru

В Москве книгу можно приобрести в редакции журнала «Молодая гвардия» или в книжном киоске Союза писателей России (Комсомольский пр-т, 13)

Дорогие друзья!

Не забудьте оформить подписку на «Молодую гвардию» на вторую половину 2025 года. Наш журнал существует исключительно на средства, поступившие от подписки. Мы же со своей стороны обещаем вам на страницах «Молодой гвардии» новые интересные, острые материалы, которые не оставят вас равнодушными.

В электронном каталоге «Почта России» подписной Индекс «МГ»: П6410 — как для индивидуальных подписчиков, так и для предприятий и организаций.

Во втором полугодии 2025 года редакция планирует выпустить следующие номера: №7-8, №9, №10, №11-12.